

Я тебе

ОБЪЯВЛЯЮ ВОЙНУ

ЛАНА ВЕЙДЕН

После несчастной первой любви я решила полностью посвятить себя науке.

Устроившись работать в университет, мечтала стать выдающимся ученым.

Только у моего нового коллеги, чертовски привлекательного доктора наук, совсем иное мнение на этот счет.

Похоже, в скором времени он загубит и мою карьеру, и мою жизнь.

Конечно, так просто я не сдамся, но...

Но что, если эта война обернется для нас возможностью обрести настоящую любовь?

- [Я тебе объявляю войну](#)
  - [ГЛАВА 1. ЗНАКОМСТВО](#)
  - [ГЛАВА 2. "ОН"](#)
  - [ГЛАВА 3. ПОДГОТОВКА](#)
  - [ГЛАВА 4. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ](#)
  - [ГЛАВА 5. ПРЕДЛОЖЕНИЕ](#)
  - [ГЛАВА 6. ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ, ВЫ МЕНЯ ПУГАЕТЕ](#)
  - [ГЛАВА 7. А ТЕПЕРЬ — ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПУГАЕТЕ](#)
  - [ГЛАВА 8. ОДЕРЖИМОСТЬ](#)
  - [ГЛАВА 9. ПЛОХИЕ НОВОСТИ](#)
  - [ГЛАВА 10. МЕРА ЗА МЕРУ](#)
  - [ГЛАВА 11. УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ](#)
  - [ГЛАВА 12. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА](#)
  - [ГЛАВА 13. МНОГО ШУМА ИЗ КОЕ-ЧЕГО](#)
  - [ГЛАВА 14. КАК ВАМ ЭТО \(НЕ\) ПОНРАВИТСЯ](#)
  - [ГЛАВА 15. БУРЯ](#)
  - [ГЛАВА 16. GAME OVER](#)
  - [ГЛАВА 17. ТАЙНАЯ КОМНАТА](#)
  - [ГЛАВА 18. COLD WAR](#)
  - [ГЛАВА 19. HAPPY \(?\) NEW YEAR](#)
  - [ГЛАВА 20. О ТОМ, КАК ОПАСНО ДЕВУШКАМ ЗАНИМАТЬСЯ ПЕРЕВОДАМИ СОНЕТОВ](#)
  - [ГЛАВА 21. ОБЪЯСНЕНИЕ](#)
  - [ГЛАВА 22. БУРЯ 2.0 \(СОВСЕМ ДРУГАЯ БУРЯ\)](#)
  - [ГЛАВА 23. КОГДА ВСЁ СНОВА ИДЕТ НЕ ТАК](#)
  - [ГЛАВА 24. О ТОМ, КАК ОПАСНО ВСПОМИНАТЬ ПРОШЛОЕ](#)
  - [ГЛАВА 25. САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ДЕВУШКА В УНИВЕРЕ](#)
  - [ГЛАВА 26. ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ДЕЛА](#)
  - [ГЛАВА 27. ИЗОЛЬДА МНОГОЛИКАЯ](#)
  - [ГЛАВА 28. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ](#)
  - [ГЛАВА 29. СПОР](#)
  - [ГЛАВА 30. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ АЭРОФОБИИ](#)
  - [ГЛАВА 31. ДА ИЛИ НЕТ](#)
  - [ГЛАВА 32. ДОГОВОР](#)

- [ГЛАВА 33. СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР](#)
  - [ГЛАВА 34. ДОГОВОР?](#)
  - [ГЛАВА 35. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ... К КНИГАМ](#)
  - [ГЛАВА 36. ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ](#)
  - [ГЛАВА 37. ПРЕДЧУВСТВИЕ](#)
  - [ГЛАВА 38. КОЕ-ЧТО ПРО УДАРЫ ПО САМОЛЮБИЮ](#)
  - [ГЛАВА 39. ОБ ОШИБКАХ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ](#)
  - [ГЛАВА 40. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ НЕНАВИСТИ](#)
  - [ГЛАВА 41. ПРОИГРАЙ МНЕ ЭТУ ВОЙНУ](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-
-

Я тебе объявляю войну

Лана Вейден

ГЛАВА 1. ЗНАКОМСТВО

«***** университет сердечно поздравляет Дениса Сергеевича Морозова с присвоением ученой степени доктора филологических наук.

Уважаемый Денис Сергеевич! Приветствуем Вас в стенах нашего университета и от всей души желаем...»

Бросив злобный взгляд на красочный плакат, призывно висевший прямо у входа на факультет, я понеслась на кафедру. Была б возможность, задержалась и плюнула бы на это безобразие, но сейчас времени в обрез.

Подобрав полы длинного платья, я взлетела на второй этаж и вмиг оказалась около массивной двери с вульгарной позолоченной табличкой — «Кафедра теории и истории мировой литературы».

— Вика? — дверь напротив («Кафедра романо-германской филологии») была приоткрыта и оттуда выглянула другая лаборантка, Маша Проценко, — привет! А что это на тебе за балахон?

— Привет! Не балахон. Котарди* это, — буркнула я, открыла наконец чертову дверь и вдохнула с облегчением. Успела!

Машка не отставала и юркнула внутрь вместе со мной. Вот же настырная!

— Вик, а почему ты в таком виде?

Почему, почему. Чувствую, сегодня целый день придется объясняться. А случилось вот что.

В конце августа я поехала на фестиваль исторической реконструкции. Была на подобном мероприятии впервые и совсем не ожидала подвоха. Сначала все шло отлично, но после очередного бугурта** и пирушки у меня пропала сумка с одеждой.

Хорошо еще, что деньги и телефон находились в омоньере***. Я должна была вернуться с фестиваля сегодня ночью, но автобус, как назло, поломался на трассе. Прибыла в город я только утром. Домой — поесть и переодеться — уже не успевала. Пришлось просто позвонить родителям и ехать на работу в таком виде. Надежда была лишь на то, что сотрудники кафедры (да и не только они) уже знали, что их лаборантка немного с придурью и не судили бы меня строго.

Только я закончила свой рассказ, как к нашему разговору присоединилась еще одна «коллега» — Таня Журавлева с кафедры общего и сравнительного языкознания.

— О, Викуль! Да ты сегодня при полном параде! Морозова так встречаешь? Кстати, говорят, он в будущем заведующим вашей кафедрой станет! — Журавлева почему-то первая узнавала все новости.

— Когда станет, меня здесь уже не будет! — я скривилась, как от зубной боли.

Отчего я такая неудачница? Раньше думала, что существует лишь одно несчастье на мою голову — Сергей Королев, который вместо того, чтобы влюбиться в меня, влюбился в мою старшую сестру. А тут прилетела новая беда. Причем откуда не ждали.

После того, как стало ясно, что с Королевым мне совсем ничего не светит, — а выяснилось это еще в девятом классе, когда я застучала голубчиков на нашей даче, у меня возник план.

Если уж в личном такая безнадега, брошу-ка все силы на учебу. Пускай в моей жизни будет место лишь для одной любви — медиевистики****.

Я страстно принялась за дело и уже через несколько месяцев знала, что такое блио и чем оно отличается от фаблио, могла перечислить популярные виды ордалии и даже объяснить, кто такие алтарные трибутарии. Я поступила на филфак, где стала углубленно изучать литературу средних веков и Возрождения. И вдруг «заболела» Шекспиром. У нас на факультете был невероятный специалист в этой области — Тамара Михайловна Краславская. Ах, какая женщина! Она действительно разбиралась в творчестве Шекспира, а еще знала редкие языки и делала отличные переводы старинных текстов.

Я познакомилась с Тамарой Михайловной на первом курсе и сразу же заявила, что она будет моим научным руководителем. Я так мечтала стать ученым с мировым именем!

«Деточка, — сказала мне тогда Краславская, — ты выбрала нелегкий путь».

Ну и что? Я старалась, очень старалась! Написала у Тамары Михайловны бакалаврскую и магистерскую. Чтобы быть еще ближе, устроилась лаборантом к ней на кафедру. В этом году я наконец поступила в аспирантуру и мечтала, что теперь вцеплюсь в Краславскую как следует!

Но она, видимо, вовсе не желала, чтобы я в нее вцеплялась. Недавно Тамара Михайловна отправилась в мир иной. И что меня теперь ждет?

Похоже, последние слова я произнесла вслух.

— Не что, а кто. Морозов же, — отозвалась Журавлева. — А чем ты недовольна? Он также Шекспиром занимается. Думаю, теперь весь факультет полюбит... гм... Шекспира. Я бы тоже не отказалась с этим... доктором наук...

Я скривилась еще больше. Доктор наук, ага. Защитился в тридцать лет — виданное ли дело? Как по мне, секрет с этой докторской был весьма прост. Точнее, никакого секрета и вовсе не было.

Денис Сергеевич являлся племянником Краславской. Своих детей она так и не завела — не удивлюсь, если все силы бросила на продвижение родственничка. Может, и докторскую за него написала, что окончательно сгубило бедную старушку. И чего ему в столице не сиделось, почему вдруг к нам принесло? Заочно я уже ненавидела Морозова

— Да не кривись ты! Глянь сюда, — Проценко сунула мне под нос телефон с каким-то красавчиком-брюнетом.

— Это что такое?

— Денис Сергеевич.

— Чтооо?

— Поражаюсь, как ты до сих пор его не видела.

На похоронах Краславской меня не было в городе и срочно вернуться никак не получалось, а потом я старалась отогнать любую мысль о Морозове. Всё надеялась, что эта история окажется лишь слухами или моим страшным сном. Но теперь ясно — ситуация еще хуже, чем я предполагала.

— Кстати, он не женат. Но думаю, кто-нибудь его скоро «обработает», — встряла Журавлева.

— «Кто-нибудь»? — Проценко подмигнула. — Ну вот как раз Горячевой сам бог велел его «обработать».

Горячева — это я. Боже, какой искрометный юмор.

— В очередь, Горячева! Думаю, тут весь факультет скоро в очередь выстроится. Не дадим покоя Морозову — ни днем, ни ночью! — торжественно воскликнула Журавлева.

— Ну и дуууры! — я вдруг не выдержала, дико разозлилась. — Хоть немного имейте

достоинства! И мозги не мешало бы включить!

— Не поняла... Ты что-то имеешь против красивых мужчин? — Журавлева никак не успокаивалась.

— А ты вчера родилась, что ли? Красивые мужчины — или бабники, или эгоисты, или извращенцы. Или всё вместе. Но кого это интересует, да? Некоторые как смазливую физию увидят — трындец! Ах, ах, ах, Денис Сергеевич, я от вас без ума, возьмите меня, я вся горю! — при этих словах я зачем-то прилегла на стол, неприлично выгнулась, откинула голову назад и приложила руки к груди.

Девчонки захихикали, а потом смех резко стих, и в наступившей тишине раздалось несколько громких хлопков в ладоши.

— Bravo!

Я повернула голову на звук мужского голоса и с ужасом увидела, что у входа на кафедру, прислонившись о дверной косяк, стоит Денис Сергеевич Морозов собственной персоной.

---

*Котарди — средневековое платье.

** Омоньер — кошель у пояса.

*** Бугурт — рыцарский турнир.

**** Медиевистика — раздел науки, изучающий историю и культуру европейского Средневековья.

ГЛАВА 2. "ОН"

Девчонки пулей вылетели с кафедры, а я вскочила на ноги и быстрым движением поправила платье. Подняв глаза, обнаружила, что обладатель «смазливой физики» приближается ко мне, странно усмехаясь. Надо сказать, что выглядел он намного младше своего возраста, хотя какое в данном случае это имело значение? Я попятилась назад.

Ломбардский рецепт краски для книжных миниатюр, опубликованный в начале XV века, начинался словами: «Если хочешь приготовить толику хорошей красной краски, возьми быка...»*

Так вот — Морозов как раз и оказался быком, превратившим меня в красную краску. Теперь я горела по-настоящему, только не от страсти, а от стыда. Но сердилась почему-то не только на себя, но и на Дениса Сергеевича, которого черти принесли так некстати.

Клянусь, в жизни не попадала в более дурацкую ситуацию. Что это на меня нашло, почему я такое вытворила? И что из сказанного мной он успел услышать — всё или только последние слова? Даже не знаю, что было бы хуже.

Ответ на этот вопрос мне так и не довелось узнать, потому что в помещение вплыла Любовь Константиновна Беседина.

Эта высокая дородная женщина преподавала античную литературу и сейчас должна была временно выполнять обязанности заведующей кафедры. Беседина поздоровалась с Морозовым, после чего он якобы потерял ко мне интерес — сел за стол, достал какие-то бумаги из сумки и сделал вид, что очень занят. Надо сказать, что одет этот тип был безупречно — черный костюмчик и белоснежная рубашка — на этом фоне мое помятое котарди выглядело так нелепо, что я еще больше почувствовала глубину своего падения и еще сильнее разозлилась.

— Виктория, почему ты в таком виде? — обратилась ко мне Любовь Константиновна.

Пришлось повторить историю. Закончив, я украдкой посмотрела на Дениса Сергеевича — он по-прежнему делал вид, что происходящее его совершенно не интересует, но при этом едва сдерживал смех. Черт возьми, как же он меня бесит, бесит!

— Понятно. Как обычно — ни дня без приключений, — Любовь Константиновна поджала губы. Видимо, никак не могла забыть тот случай с ее дочкой. — Ну что ж, поезжай домой, переоденься. И возвращайся назад.

Я рванула к выходу и стукнулась лбом о дверной косяк.

— Да что с тобой, Виктория? Летаешь, как парфянская стрела! В твоём возрасте... — услышала я за спиной недовольный голос Бесединой, только мне было уже все равно. Пускай это и невежливо, но я не дослушала и выбежала в коридор.

Домой, скорее домой! Приду в себя хоть немного.

Перед входом на факультет меня снова окликнули — теперь это был мой старый приятель Андрей Кононов. Он работал на кафедре русской литературы.

— Вик, привет! У нас сегодня карнавал?

— Привет, потом расскажу! Сейчас спешу очень, — на него я почему-то не могла обижаться.

Добравшись домой, я с облегчением обнаружила, что родителей и Альки там уже нет. Вот и отлично! Скинув то, что Проценко небрежно назвала балахоном (темнота! что она понимает в реконструкции? на создание этого шедевра ушел целый год!), я приняла душ,

надела юбку и блузку, позавтракала и отправилась назад, прихватив учебник латыни. Кроме прочего, я подрабатывала репетитором по латинскому языку и собиралась отдать этот учебник одной из моих новых учениц. Вдруг пришло сообщение от сестры.

«Надо выбрать из двух пригласительных. Какой дизайн больше нравится?»

Да все сговорились, что ли, целый день портить мне настроение?

«Второй», — ответила я и уже который раз за день тяжело вздохнула, — похоже, плюсквамперфект** в моей жизни никогда не настанет.

Когда я вернулась, Морозова на кафедре уже не было. Зато, кроме Бесединой, там сидели Томашевский и Соловьев. Борис Александрович Томашевский был высоким грузным мужчиной с седыми волосами. Он занимался постмодернизмом. А Соловьев, маленький и щуплый, преподавал античную литературу, как и Беседина.

А потом я повернула голову и увидела ЕГО. Вмиг все проблемы вылетели из головы — и пригласительные, и мой недавний позор.

После перестройки главного корпуса кафедра мировой литературы состояла из двух комнат. В одной стояли стулья, шкафчики и столы — все, что нужно для работы. Во второй, смежной — небольшой диван, столик, пара кресел и огромный стеллаж с книгами.

И вот сейчас дверь в смежную комнату была открыта. А в стеллаже находился ОН.

— Лист иллюминированного Евангелия из Кентербери. Тамара Михайловна завещала кафедре. Денис Сергеевич передал сегодня, — сказала Беседина, перехватив мой взгляд.

Я заморожено уставилась на полку.

Здравствуйте, меня зовут Виктория Горячева, и я — кинестетик***. Точнее, маньяк-кинестетик.

Впервые эта "особенность" обнаружилась у меня несколько лет назад, в Лувре. Мы тогда ходили по многочисленным залам, и родители задержались в одном из них, а я пошла вперед и вдруг очутилась в полном одиночестве в помещении, где висела картина Яна Ван Эйка «Мадонна канцлера Ролена». Вживую она оказалась такой маленькой!

Вначале я на несколько минут застыла. Потом меня почему-то бросило в жар, во рту пересохло, по телу пробежали странные мурашки, а затем — сама не знаю, как такое произошло — я стремительно подалась вперед и коснулась пальцами плаща мадонны.

— Вика, ты что творишь! — все, что я помню после — это как мама в ужасе оттаскивала меня от картины. — Сейчас скандал будет, полицию вызовут!

На удивление, ничего не произошло. Мама осторожно вывела меня из зала. Сердце бешено колотилось, и я поняла, что уже не могу остановиться. В тот день мне удалось еще незаметно потрогать только Кранаха и пару гобеленов XV века, но с тех пор я стала страшным сном всех музеев. Зачастую мне не на шутку доставалось от работников.

Единственное, к чему доступ был закрыт всегда и везде — это манускрипты и инкунабулы****. А их я как раз больше всего и хотела потрогать.

Ходили слухи, что когда-то в Краславскую был влюблен итальянский коллекционер. И подарил ей разворот фламандского черного часослова, а также пару листов других манускриптов. Я думала, это — выдумка. Во всяком случае, в разговорах со мной она ни разу об этом не упоминала.

А теперь оказалось — кое-что правда. Манящий лист был так близко! И все-таки — под замком.

— Виктория, чего ты там вертишься? Иди сюда, — голос Бесединой немного привел

меня в чувство.

— Что? — я сглотнула, пытаюсь сообразить, где нахожусь, и совершенно невразумительно пробормотала. — Я... Это.

— Что — «это»?

— Это... — я вышла к Бесединой и махнула рукой в сторону листа, — можно его потрогать?

— Ты в своем уме? Представляешь, что будет, если все желающие начнут трогать? — она на всякий случай переложила ключи от стеллажа в свою сумку.

Да представляю я, всё представляю! А вы представляете, как мучительно быть маньяком-кинестетиком?

— Конечно. Простите, — я послушно закивала головой. Но в душе, конечно, совсем не смирилась. Я же лаборант этой кафедры. И если сегодня мелькнула мысль уволиться, то теперь я решила с этим повременить. Лист иллюминированного Евангелия из Кентербери, я найду способ до тебя добраться.

А пока надо было заниматься другими делами. Только я подумала о делах, как на кафедру снова пришел Морозов и, увидев меня, засмеялся — теперь уже в открытую. Издевается, что ли?

Ну ладно, Денис Сергеевич, ты меня довел, я тебе объявляю войну! Вот возьму и выведу тебя на чистую воду с этой фальшивой докторской! Вылетишь отсюда с позором.

Мечтая об этом, я и не догадывалась, что мне тоже объявлена война. И кто из нас в скором времени куда вылетит — это еще большой вопрос.

---

* цит. по книге М. Пастуро «История цвета. Красный»

** Плюсquamперфект (*plus quam perfectum*) — говоря простым языком — давнопрошедшее время. В данном случае — филологическая ирония, означающая, что героиня не верит, что когда-нибудь ее проблемы останутся в прошлом.

*** кинестетик — человек, воспринимающий мир через ощущения.

****инкунабулы — книги, изданные в Европе от начала книгопечатания и до 1 января 1501 года.

□

ГЛАВА 3. ПОДГОТОВКА

Вернувшись домой, я решила собрать досье на Морозова. Посмотрю, что он там «исследовал». Только включила компьютер, как пришла сестра.

— Привет! Ну что, мы едем?

— Куда?

— Как это — куда? За платьем.

Какое еще платье? А, точно, платье. Совсем из головы вылетело. Вместе с образцами пригласительных сестра прислала напоминалку — сегодня обязательно едем за платьем. Я должна была выбрать наряд на свадьбу любимого человека. А покупать мне этот наряд станет будущая жена этого человека. И, по совместительству, — моя родная сестра.

Как я могла попасть в такую глупую историю? Сейчас расскажу.

Наши с Королевым родители были не только соседями, но и друзьями с самого детства. Поэтому неудивительно, что Сергей часто проводил время у нас дома. Он был одноклассником моей сестры, однако ж я никогда не замечала между ними ничего похожего на теплые чувства. Даже наоборот — Алька часто злилась на Королева и покрывала насмешками.

А как по мне, он был неплохим парнем, хоть и на четыре года старше. В детстве он катал меня на велике, угощал конфетами и даже помогал делать уроки.

Однажды — дело было в пятом классе, зимой, — я возвращалась одна из школы домой. Но не успела пройти и пару сотен метров, как мальчишки, сорвав с меня шапку, завалили в сугроб и попытались накормить снегом. Королев — уж не знаю, как он там оказался — отбил меня у них и рывком поднял из сугроба. А потом вдруг улыбнулся и погладил по голове. Всё. С того момента я пропала. Взрослея, ни о ком больше не мечтала. А потом застучала его с сестрой.

Дело было так. Как-то летом мои родители вместе с родителями Королева поехали к нам на дачу — шашлыки и все такое. Ну и нас прихватили.

Все наелись до отвала, а костер зачем-то оставили — хотели еще уху сварить, а вместо этого пошли смотреть телевизор.

Меня попросили присмотреть за огнем. Я расслабилась, потеряла бдительность и просто любовалась искрами в темноте. Потом до меня вдруг дошло, что ни Алевтины, ни Сергея давно нигде не видно. Я стала пробираться по саду и обнаружила «сладкую парочку» за сараем. Они целовались, а перерывах Королев, подлец, шептал:

— Я тебя так люблю, так люблю!

Алька, бессовестная, отвечала:

— Я тебя тоже очень люблю!

Ну и дела! Я пустилась наутек от этого злополучного места, но, видимо, ветки всё же затрещали и я перепугала голубчиков, потому что через несколько минут Аля и Сергей появились около костра. И вид у них был немного смущенный.

— Вика? А ты чего здесь?

— Да вот... — невозмутимо ответила я. — Смотрю за огнем. Так красиво!

Вдруг мне стало очень, очень смешно. И я расхохоталась.

— Чего смеешься? — с подозрением спросила Аля.

— Ничего. Просто настроение хорошее, ведь день сегодня был чудесный! Правда же,

чудесный? Погода — прелесть, вода в реке — теплая, еда такая вкусная! — я начала кружиться и пританцовывать.

— Викуль, ты такая... Сестричка моя, какой же ты еще ребенок! Но день и правда замечательный! — Аля подбежала, обняла меня, и мы стали кружиться вместе.

Я почувствовала, что вот-вот разревусь, и не придумала ничего лучше, как предложить:

— А давайте будем прыгать через костер?

— Думаю, это не очень хорошая мысль, — отозвалась сестра.

— А, по-моему, классно! — крикнула я. — Классно и вееесесело!

Желая подтвердить свои слова, я разбежалась и попыталась сделать прыжок, но подвернула ногу и упала в огонь. Волосы мои сразу вспыхнули, но я не испугалась, а только подумала — «ну вот, было на голове три волосины, а осталась — одна».

В этот момент ко мне подбежал Сергей, оттащил от костра, сорвал с себя майку и начал меня тушить.

— Ты что, Вика? — испуганно закричал он, — что это с тобой?

Но я продолжала смеяться.

Я с детства заметила — стоит в жизни произойти какому-то хорошему событию — я будто цепенею — слова из меня не вытянешь. Но как только происходит ужасное — начинаю смеяться до упада, шутить и скакать — так, что меня не остановить.

Вот и в тот вечер — я была самой веселой девочкой в мире, и родные не могли уговорить меня до самого утра. Глаза мои блестели, щеки покраснелись, я рассказывала веселые истории и уверяла всех — какие это, право, пустяки — обожженная спина и сгоревшие волосы.

После этого случая, конечно, пришлось подстричься — прощай, коса до пояса, — но такие мелочи уже не сильно меня волновали. Когда мы вернулись домой, я еще несколько дней веселилась, а потом развернула бурную деятельность — сделала генеральную уборку, приготовила гору имбирного печенья, перешила три пары джинсов в шорты, записалась на йогу. А затем решила посвятить жизнь учебе. Хотя не теряла надежду, что Сергей Королев когда-нибудь одумается.

И вот все надежды окончательно рухнули этим летом, когда парочка решила пожениться. Свадьба должна была состояться в октябре, но подготовка шла полным ходом. Ресторан оплачен, меню утверждено, платье для сестры куплено. Даже маме платье уже купили, лишь я оставалась бельмом на глазу своей сестры.

— Аль, ты извини, я немного занята... — сказала я, надеясь, что и сегодня мне удастся отделаться от неприятной повинности.

— Вика, сколько уже откладывали? Больше не хочу слушать никаких отговорок! Сейчас едем и покупаем.

— Ну ладно, — я понуро наклонила голову.

— У тебя вид, будто я тебя на казнь веду.

— Нет-нет, что ты! С тобой это никак не связано, просто... — я замялась, пытаясь что-то придумать, — неприятности в универе.

— Неприятности? — Аля обняла меня за плечи. — Если кто-то тебя обидел, я ему голову откручу! Скажи, кто этот негодяй? Или негодяйка?

По счастью, отвечать не пришлось, потому что у сестры зазвонил телефон.

— Сережа скоро подъедет.

— А он нам зачем?

— Как это — зачем? Поможет платью выбрать.

Королев уже несколько лет работал дизайнером. Правда, дизайнером интерьеров, но какая разница? Я же все равно была для него как интерьер.

Сергей заехал за нами в майке и джинсах, весь такой спортивный и загорелый. У него были пронзительные золотисто-карие глаза и густая грива рыжеватых волос. А еще Королев недавно сделал витиеватую татуировку на плече и стал походить на пирейского льва с рунической надписью.

Всю дорогу парочка обсуждала музыкальное сопровождение будущей свадьбы, на меня они внимания не обращали. А в салоне вечерних платьев, куда мы добрались минут через тридцать, сами пошли выбирать мне платье. Мда... ведут себя, будто меня и нет рядом.

Я задумчиво присела на диван — вокруг были сплошные зеркала. Со всех сторон отражалась растрепанная девушка с русыми волосами до пояса (да-да, волосы у меня снова отросли. И насчет «трех волосин» я, пожалуй, погорячилась — нормальные у меня волосы, только цвет ужасный), бледным лицом и зелеными глазами. Вот глаза у нас с сестрой похожи, а все остальное — нет. Моя сестра была высокой статной блондинкой, а я — если использовать общепринятый штамп — невзрачной серой мышью.

— Думаю — пусть будет классика. Маленькое синее платье, — услышала я голос Али.

— А я считаю — ей вот такое подойдет, — я повернула голову и увидела, что Королев держит в руках пышное кружевное платье до колен цвета пепельной розы.

— Да ты чего? Она и так младше своего возраста выглядит, а тут вообще как малявка-школьница будет. Всех женихов в округе распугает, а ей пора бы уж свою любовь найти! Может, хоть на свадьбе познакомится с кем-нибудь, а то ж никуда не выходит девчонка.

— Любовь? — Королев подкатил глаза. — Аля, что ты говоришь, какая там любовь? У твоей сестры еще ветер в голове! Даже не ветер — ураган. Она и в самом деле — малявка.

— А вот и нет! Есть у меня есть любовь, есть! И взаимная, между прочим! — я внезапно подскочила с дивана, а эти слова... как-то сами собой вырвались.

— Вот это да, сестричка! У тебя есть любовь, а что же ты молчала? Ну-ка, расскажи, подробнее. Где твоя любовь прячется?

— На работе! — с жаром выкрикнула я.

— Так это и есть твоя неприятность?

Ну и ну. Ляпнула глупость, не успев подумать, теперь надо выкручиваться.

— Что? Нет, тогда я про другое говорила. А любовь... тоже есть.

— И какой же твой избранник? — с усмешкой спросил Сергей. — Хотя нет... давай лучше я угадаю! Какой-нибудь сутулый низкорослый ботаник — такие же, наверное, в твоём вкусе, да?

Они с сестрой засмеялись.

— Ну уж нет! Никакой не ботаник и не сутулый! Он такой... такой... высокий, красивый! — из моего рта вдруг полилось красочное вранье, а потом я с ужасом осознала, что описываю этого негодяя, Дениса Сергеевича Морозова. Только, начав врать, уже не могла остановиться, рассказывая, как прекрасен «возлюбленный» мой*.

— Да ты что? И такие на филфаке бывают? Вот куда мне надо было идти работать, — сестра толкнула Королеву в бок, но он почему-то не оценил шутку и нахохлился.

— Ну ты чего, Сережа? Я шучу, — она обняла его, а потом снова обратилась ко мне. — И когда же ты нас познакомишь?

— Когда-нибудь. — пробурчала я. — Познакомлю. Давайте лучше платье выбирать.

От злости на Сергея и Алевтину, но еще больше — от злости на себя — наряд я им выбрать не дала. Выбрала сама — совершенно вопиющее красное бандажное платье.

У Сергея чуть глаза не выпали, когда он меня в нем увидел. Ну что, Королев, выкуси «малявку».

А сестра сказала — «берем!». И мы взяли.

Правда, настроение от этого не улучшилось.

---

*Намек на Песнь Песней Соломона.

ГЛАВА 4. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

«Одна из самых ярких особенностей куртуазной любви — «стремление к страданию», которую проявляет влюбленный. Соккрытие своих любовных чувств — один их элементов куртуазного ритуала. Вместо того чтобы утолить муки страсти, влюбленный всеми способами стремится их усилить»*.

Мда. Уж что-что, а куртуазная любовь мне была вовсе не нужна — страдать я совсем не желала. Очень хотелось избавиться от давней напасти под названием «невзаимная любовь», но как?

Конечно, есть множество специалистов, готовых прийти на помощь в этом случае. Скажу больше — двое из них сейчас сидели со мной за одним столом и преспокойно ужинали, не подозревая, как мается их родная дочь.

Но дело в том, что хотя мои родители и являлись людьми, направляющими женщин на путь истинного счастья, пользы от этого для меня не было никакой.

Мама и папа были психологами и какое-то время назад открыли свое дело. Проводили тренинги типа «Искусство любить», «Пробуждение женской силы», «Секреты мудрости и счастья» и, надо заметить, подобная ерунда пользовалась огромной популярностью. Папа еще снимал ролики для Ютуба — «Пять признаков того, что мужчина в тебя влюблен», «Как узнать, что мужчина тебе изменяет», «Как не попасться на удочку ловеласа». А сестра занималась продвижением этой чепухи в соцсетях.

И это еще не конец истории. Кроме всего прочего, родители писали книги по психологии отношений. Как-то я открыла одну из них. Там было написано:

«На что похожи отношения между женщиной и мужчиной?

Представьте — идете вы по длинному коридору, видите дверь и хотите в нее войти. Дергаете ручку, стучите — никто не открывает. Выбиваете дверь, а там — каморка с паутиной.

Вы можете убрать эту каморку, покрасить стены и начать там жить, но никогда не обретете в этом месте уюта. Покинув каморку, можно отправиться дальше и найти другую дверь, постучать в нее и не исключено, что вам даже откроют. Только за этой дверью будет гостиничный номер и он не заменит настоящего дома» и т. д. и т. п.

А завершалось всё фразой: «поэтому, идя по коридору, не пытайтесь проникнуть за закрытые двери. Помните: дверь в вашу комнату откроется сама».

Серьезно? Просто бродить полжизни по «коридору» в надежде, что когда-нибудь одна из «дверей» распахнется?

Я, конечно, любила родителей, но была уверена — люди, которые пишут подобные вещи, мне помочь не в состоянии.

Поэтому сейчас, во время совместного ужина после покупки платья, я справлялась своими силами — улыбалась и просто старалась не смотреть, как Сергей обнимает Алевтину. Мы ужинали в той части нашей квартиры, которую родители с гордостью называли «малахитовой гостиной». А на самом деле это был обычный зал, где всё вокруг было ужасного зеленого цвета.

— Вика! Ты хоть слышишь, что я у тебя спрашиваю? — мамин голос отвлек меня от грустных мыслей. — Задумчивая она какая-то, вон — уже хвосты от редиса жевать

начала, — это мама обратилась к остальным.

— Что? Повтори, пожалуйста, — я спохватилась и выплюнула «хвосты».

— Наверное, думает о своей любви... — выдала сестра.

Я недовольно покосилась на Альку, но она, предательница, все равно выложила родителям наш сегодняшний разговор.

— Смотри, как засмушалась! Стала цветом, как эта редиска, — заметил Королев.

— Вика, и давно у тебя эти... ммм... отношения? — поинтересовалась мама.

— Недавно, — быстро ответила я.

— Ну что ж. Приводи своего избранника в гости.

— Если недавно, то лучше не надо. Главное его сейчас не спугнуть, — авторитетно заявил папа.

— Но с нами-то он встретиться может? Со мной и с Сережей? Где-нибудь в кафе, — моя негодная сестра не унималась. — Необходимо оценить, достоин ли он нашей Викули.

Я вздрогнула. Нет, это ж надо было так вляпаться! Теперь хоть парня из эскорт-агенства нанимай! Только они там, наверное, тупые. Скажут что-нибудь вроде — «зайка, ты красивЕе всех на свете», — и всё, триндец, обман раскроется. Что же придумать?

— В ближайшее время не получится. У нас скоро важная конференция — будем готовиться днем и ночью.

— Ну да. Особенно — ночью, — хохотнул Королев.

— Сережа! Не смущай её, — вмешалась сестра. — Ты же знаешь, у нас Вика действительно может сутками заниматься.

Клянусь, я еле выдержала этот ужин! И всё же, несмотря на то, что сильно измучилась, заснуть удалось лишь на рассвете. И на работу я, конечно, опоздала.

---

* Цит. из книги историка Йоана Петру Кулиану.

ГЛАВА 5. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Ворвавшись утром на кафедру — она была уже открыта — я застала умилительную картину. В главном помещении — пусто, а в соседнем, где стеллаж с манускриптом, Морозов общался с дочкой Бесединой.

Оля Беседина работала на кафедре русской литературы, хотя работой это можно было назвать с большой натяжкой. Сколько я ее знала (Ольга была старше меня на три года), эта девушка всегда занималась непонятно чем. «Труды» ее поражали воображение. Помню — я тогда была еще на первом курсе, а Беседина — на четвертом, — она выступала с докладом по Пушкину.

«Александр Сергеевич Пушкин, — на полном серьезе заявляла эта пытливая исследовательница, — очень любил Дон. На этот факт указывают многочисленные аллюзии в его произведениях. К примеру, имена литературных персонажей — Гви-ДОН, Да-ДОН, ДОН Жуан, ДОНна Анна...»

Как на грех, я тогда совершенно не оценила глубину и уникальность данного выступления — стала громко хихикать, в результате чего была немедленно выдворена из аудитории.

Но похоже, никого на филфаке научные достижения Ольги особо не волновали. Она была первой красавицей нашего факультета. Да что там факультета — за время учебы Беседина каждый год побеждала на конкурсе «Мисс университет». И вообще — порой казалось, что все мероприятия в городе проводятся лишь для того, чтобы Ольга могла в них поучаствовать.

В связи с этим однажды я оказалась втянута в неприятную историю. Несколько месяцев назад, зимой, в городе проходили съемки фильма «Клетка». Там еще всякие знаменитости понаехали. И вот нашу красавицу отобрали для какой-то небольшой роли. Съемки должны были начаться после обеда в ночном клубе, поэтому Ольга прихватила с собой из дома клубную одежду, да и забыла пакет на кафедре. И ее мама не придумала ничего лучше, чем послать меня на съемочную площадку с этими вещами. Напомню — развезжать по клубам вовсе не входит в мои должностные обязанности, но кого это волновало?

При этом денег на такси она мне не дала, пожадничала. Пришлось ехать на автобусе, но клуб находился далеко от универа, а в начале пути были огромные пробки. И еще в тот день ударил страшный мороз. А я с утра так набегалась, что в автобусе пригрелась и заснула. Разбудил меня водитель уже на конечной остановке — скажем прямо, — у черта на рогах. К тому же оказалось — в спешке (Беседина-старшая меня слишком торопила) я забыла на факультете свой телефон. И Беседина-младшая сначала ожидала меня в клубе, а потом вышла на остановку. Не могла мне дозвониться, но всё ждала... да так и не дождалась. Точнее, я туда все же добралась, только Ольги на месте уже не было — она в истерике уехала домой.

С тех пор у нас были немного напряженные отношения, — вот сейчас, увидев меня, она недовольно повела бровью и поправила свой белокурый локон. Но потом отвернулась и снова переключилась на Дениса Сергеевича. Он стоял ко мне спиной и что-то тихо ей говорил, а Ольга чуть ли не после каждого его слова откидывала голову назад и типа смеялась: «А-ха-ха», при этом касаясь Морозова за локоть или слегка ударяя в грудь. Мерзкое это было зрелище, скажу я вам.

Но — да, общайся с ней, Денис Сергеевич, это как раз твой уровень.

Не успела я включить компьютер, как вошла Беседина-старшая и стала меня отчитывать. Я извинилась и начала работать. Ольга с Морозовым куда-то ушли, хотя меня это вовсе не волновало.

Бумажной волокиты было невпроворот, и к обеду я с трудом выбралась в университетскую столовую. По слухам, она принадлежала мужу Любове Константиновны Бесединой. И носила громкое название — кафе «Арго». При этом ничего древнегреческого внутри не наблюдалось. На стенах висела реклама — «выГОДНЫЙ ОБЕД» и почему-то плакат с Шолоховым. Только сейчас я обратила внимание, что написано на этом плакате. «Побеждает только тот, кто твердо знает, за что он сражается, и верит свое дело».

Что ж, весьма в тему. Я верила в свое дело — поставить на место зазнавшегося выскочку, — а значит, непременно должна была победить.

В очереди меня окликнули — это был Кононов. Мы взяли комплексные обеды, присели за столик и стали общаться.

Андрей подрабатывал внештатным переводчиком в одном издательстве. Переводил он в основном незамысловатые любовные романы и со временем стал тихо ненавидеть всех женщин в мире. Или почти всех. Кстати, выглядел Кононов примерно так, как, по мнению Сергея Королева, должен был выглядеть мой возлюбленный. Замечу, что на самом деле я вовсе не имела ничего против сутулых ботаников — просто Королев тогда уж очень вывел меня из себя, вот я и понесла ерунду.

Что же касается предпочтений Андрея — я была уверена, что он втайне влюблен в Ольгу Беседину и немного презирает себя за эту постыдную слабость.

За обедом я рассказала приятелю о своей поездке, а он мне — о «шедевре», который сейчас переводил.

— Значит, она. Слегка за сорок — по возрасту, слегка за сто — по весу. И он. Такой мачо, весь из себя красавец-мужчина с толпой... гм... поклонниц. Но как только ее увидел — миг голову потерял. Всех поклонниц разогнал и говорит — всё, я твой навеки.

— Прямо вот так сразу?

— Конечно, а чего тянуть? Сразу — я тебя люблю, выходи за меня замуж!

Над ухом вдруг кто-то хмыкнул — я повернула голову и увидела, что мимо проходит Морозов, чтоб он провалился. Видимо, услышал эти слова. И не только он — Ольга, которая шла за ним, тоже услышала. И уж она не промолчала.

— А правда, Горячева, выходи! Может, тогда у тебя мозги на место встанут!

Я чуть не подавилась. Конечно, Беседина меня недолюбливала, но никогда еще не вела себя со мной так грубо. Это у меня мозги не на месте? Да они у меня хотя бы есть! Конечно, вслух я ничего не сказала — сделала вид, что не услышала.

Ольга и Денис Сергеевич присели недалеко от нас, а мы с Андреем продолжили разговор. Он рассказал еще пару веселых историй, но теперь время от времени бросал взгляд на парочку за соседним столиком, и глазах его была вселенская печаль.

— Говорят, на первой лекции Морозова был аншлаг. Студенки даже с других курсов прибежали. Скоро придется актовому залу открывать.

— Страшно представить, какую белиберду он нес. Хотя кого это интересует?

— Почему ты думаешь, что белиберду? Я посмотрел некоторые его работы, вроде

умный парень.

Я уже открыла рот — хотела сказать всё, что думаю об авторстве этих самых «работ», но потом решила промолчать. Вот найду доказательства, тогда уж молчать не стану. А пока...

— Кстати, — вдруг спросил Андрей. — У тебя ж завтра день рождения? А у меня, к сожалению, выходной. Заранее поздравлять не стану — но я помню об этом, чтоб ты знала. Позже обязательно поздравлю.

Ах, как это мило!

Я обрадовалась, стала вертеть головой из стороны в сторону и вдруг встретила взглядом с Морозовым. В этот раз он совсем не улыбался. Как-то странно смотрел, честное слово.

Но потом я отвернулась и позабыла о Денисе Сергеевиче. Провела остаток дня в отличном настроении, даже не подозревая о том, что завтра этот тип изрядно подпортит мой день рождения.

ГЛАВА 6. ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ, ВЫ МЕНЯ ПУГАЕТЕ

Кто такой лаборант на кафедре филфака? По сути — секретарь, но с заманчивой перспективой стремительного карьерного роста. Ради этой возможной перспективы тысячи девочек и мальчиков работают за мизерную зарплату, выполняя кучу нуднейших — гласных и негласных — обязанностей.

В мои негласные обязанности, помимо прочего, входило следить за днями рождения всех сотрудников. Ну как — следить. Я оформляла поздравления, покупала продукты и готовила фуршетный стол на выделенные кафедрой деньги. Но кто бы следил за моим днем рождения? Правильно, никто.

На всем факультете об этом событии помнили лишь Андрей да Маша Проценко. В конце рабочего дня она заявила ко мне с бутылкой домашнего вина и коробкой конфет.

— Вино моя бабушка делала, — сказала она, — отменное!

Внешне Маша была похожа на маленькую лисичку — небольшого росточка, с заостренным тонким носом и рыжими волосами. Как и Кононов, она подрабатывала переводами, только, в отличие от Андрея, переводила серьезные тексты.

— Маш... давай дождемся, пока все разойдутся.

— Сейчас здесь все равно никого нет! Мы быстренько, а то мне уже бежать надо! — она моментально разлила вино в пластиковые стаканчики, которые тоже прихватила с собой. — За твое здоровье!

Вино действительно отказалось отменным. Машка налила еще.

— Желая тебе, Вика, построить успешную научную карьеру! Пусть у тебя в жизни будет множество достижений!

Я почему-то вспомнила плакат на входе — до сих пор там висит, приветствует Морозова. И тут язык мой развязался — я выдала то, о чем промолчала вчера.

— Морозов.

— Что?

— Знаешь, а он ведь не сам свою докторскую писал. И скоро я докажу это. Прижму его к стенке, вот увидишь.

— Гм... А ведь было бы гораздо лучше, если б ты прижала его не к стенке, а к чему-нибудь мягкому и теплomu — например, к кровати.

— Чего?

— Не, ну правда, Вик. Какая разница — он писал, не он писал. Тут такой мужчина... ммм... Какие плечи, какие губы... — Машка сначала мечтательно прикрыла глаза, а потом широко распахнула их и презрительно взглянула на меня. — А ты дурью собралась маяться.

— Что? А я-то думала... А ты! — от негодования я даже подскочила со стула. — Как не стыдно!

— Ах, да! Помню твое выступление — что-то там про бабников и эгоистов, но опять же — какая разница? Да хотя бы просто одну ночь с таким мужчиной провести — уже будет что вспомнить на старости лет. Дерзай, Викуль. И поспеши — а то "Мисс Вселенная" тебя опередит.

Я уже изрядно поднабралась, а потому с угрожающим видом приблизилась к Машке.

— Ты что сейчас сказала, а? Что сказала, бесстыжая? — я подошла, начала трясти ее за

плечи, а на глазах моих едва не выступили слезы. — Ну-ка, бери свои слова обратно!

Машка вдруг расхохоталась.

— Ай, да пошутила, я, пошутила! Сумасшедшая девчонка! Пусти меня, слышишь! — она стала отбиваться. — Все, успокойся уже!

Я села на стол и надула губы.

— Глупые у тебя шутки.

— Ладно, не сердись. Давай за примирение, — она налила еще вина.

Я выпила, хотя все еще сердилась на Марию.

Тем временем она взяла в руки пластиковую бутылку — там оставалась еще примерно половина — и стала рассматривать ее на свет. А потом вдруг захихикала.

Чего смешного? — недовольно спросила я.

— Почему-то вспомнила — не знаю. В «Тристане и Изольде» было заколдованное вино. Герой с героиней его выпили и вспыхнули страстью друг другу на веки вечные. Вот бы и в жизни все было так просто.

— Это ты сейчас к чему?

— Ни к чему. Говорю же — просто вспомнила.

Мы замолчали.

— А знаешь, — вдруг сказала Машка, — меня бабушка учила всяким заговорам. Вот сейчас возьму и это вино заговорю! — она стала водить руками над бутылкой и выкрикивать разные слова — это было так забавно, что я не выдержала — рассмеялась.

— Ты сегодня в ударе. Придумываешь одну глупость за другой.

— Глупость? — Машка хитро подмигнула. — А вот попробуй теперь — почувствуешь разницу, — она налила мне еще немного вина.

Я пожалала плечами, выпила, усмехнулась и спросила.

— И что теперь?

— А теперь, — ответила Мария, — оставшимся вином я угощу Томашевского. Или нет! — Соловьева! И кранты тебе, Горячева!

Вдруг дверь распахнулась и на кафедру зашел Морозов. Он уставился на бутылку.

— Что здесь происходит? Пьянка в рабочее время?

— Денис Сергеевич, — зашебетала Проценко, — рабочий день почти закончился. К тому же сегодня пятница, а у Вики — день рождения, — она налила в новый стакан вина и протянула его Морозову, — вот, выпейте за ее здоровье.

При этих словах Машка коварно улыбнулась и посмотрела на меня — бессовестная рыжая лиса!

Морозов задумчиво посмотрел на вино и уже протянул к нему руку, но я вдруг подскочила к Проценко и попыталась ей помешать. Стаканчик хрустнул и вино, забрызгав нас Машкой, разлилось по полу.

— Вика! Ты что творишь?

А я и сама не знаю, что на меня нашло. Не поверила же я в эту чушь?

— Виктория такая неприветливая, — усмехнулся Денис Сергеевич. — Не хочет, чтоб я пил за ее здоровье.

— Нет, — Машка понизила голос, подошла к Морозову и жестом попросила наклониться, будто собиралась поведать ему страшный секрет. После того, как Денис Сергеевич нагнул голову, Проценко с таинственным видом сообщила. — Вика просто боится, что вы вспыхнете страстью друг к другу. Потому что вино это — за-кол-до-ван-ное!

— Ууу, как все запущено, — Морозов отклонился от Машки. — Как вас, девушка, зовут?

— Мария.

— Мария, значит. А отправляйтесь-ка Вы, Мария, домой, — он нежно вытолкал недовольную Проценко с кафедры, а потом повернулся ко мне. — Ты тоже иди.

Это был первый раз, когда он обратился ко мне. Причем к Машке, значит, на «вы», а ко мне — на «ты». Что за фамильярность!

— Нет! — ответила я. — Буду здесь убирать.

— Я сам все уберу, иди.

Этот приказной тон окончательно вывел меня из себя.

— Что вы, как можно, еще костюмчик запачкаете!

Вытащив салфетки, я наклонилась и стала протирать вино на полу.

И вдруг услышала за спиной подозрительный звук. Повернувшись, увидела, что Морозов взял в руки бутылку и внимательно ее рассматривает.

— Заколдованное вино, — внезапно сказал он и, пристально глядя на меня, сделал движение, будто хочет открыть пробку.

— Нет! — я в два прыжка оказалась рядом, вцепилась в проклятую бутылку и попыталась вырвать ее из его рук. Не рассчитав силы, дернулась так, что чуть не упала, но он успел подхватить меня — сначала за руку, а потом — за талию, и с силой прижал к себе.

ГЛАВА 7. А ТЕПЕРЬ — ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПУГАЕТЕ

Сначала я ткнулась в его грудь, а потом подняла голову и на какое-то время наши лица оказались очень близко — так, что я могла чувствовать его дыхание.

В голову отчего-то полезли дурацкие мысли. Например — я подумала, что была не совсем права насчет «смазливой физии» — все-таки «смазливая» — это что-то женственное, а у Морозова лицо было образцом классической мужской красоты. И цвет глаз очень необычный, дымчато-синий, как грозовое небо.

Действительно ли древние греки не различали синий цвет?* Почему-то в этот момент я не отказалась бы стать древним греком.

— А правда ли, что... — каким-то осевшим голосом начала я. И замолчала.

— Что? — тихо переспросил Морозов.

— ...что древние греки не различали синий цвет? — еле слышно закончила я свой вопрос.

— Неправда, — так же еле слышно ответил Денис Сергеевич.

— Я так и думала.

Тем временем Морозов совсем не спешил меня отпускать и очень странно смотрел на мои губы.

И тут, совсем некстати, в голове зазвучали Машкины слова — «такой мужчина... ммм... какие плечи, какие губы...»

Я машинально перевела взгляд на плечи, а потом — на губы Морозова, но тут же спохватилась... Боже, что я делаю?

Моментально отстранившись на безопасное расстояние, я протянула руку вперед.

— Не понял?

— Бутылку мне отдайте.

— Зачем?

Глупый вопрос. При этом он по-прежнему не отрывал взгляда от моих губ. Что за...?

— У тебя... — вдруг произнес Морозов и слегка провел пальцем по своим губам. А потом кивнул в сторону зеркала. Я пошла посмотреть — ах, вот оно что, оказывается! Вокруг губ была ужасная малиновая кайма — след от вина.

Я взяла салфетку и начала тереть рот.

И тут, откуда ни возьмись, появились Беседина-старшая и Томашевский.

— Что здесь происходит? — Беседина увидела бутылку и задалась тем же вопросом, которым недавно задавал Денис Сергеевич. — Откуда это вино?

— У Виктории сегодня день рождения, — ответил за меня Морозов.

— Правда? Вика, от всей души поздравляю! — откликнулся Томашевский. — И сколько ж тебе годочков стукнуло?

— Двадцать три.

— Но такое впечатление, что тринадцать, — заметила Беседина.

— А вы знаете, что в Швеции возраст старинных домов определялся по анкерным болтам? — я решила перевести ее реплику в шутку. — Хорошо, что у женщин так просто возраст не определишь!

— Просто у женщин нет болтов, потому и не определишь, — заметил Томашевский. — А вот у мужчин...

— Борис Александрович, ну как не стыдно! — Беседина поморщилась.

— Любовь Константиновна! Я только что закончил работу по «Мантиссе»**! После этого мне уже ничего не стыдно! — ответил Томашевский и вдруг повернулся ко мне, — ой, ну и ну! Совсем ребенка засмутили. Посмотрите, какая она красная стала.

Ужас! Вечно я что-нибудь ляпаю невпопад. И вот очередной урок — надо следить за языком.

— Кстати, Виктория, — повернулась ко мне Беседина. — Мы пока не обсуждали твое будущее на кафедре. Вы, случайно, еще не говорили с Денисом Сергеевичем? Может, он возьмет...

— Нет! — резко перебил её Морозов — так, что я даже вздрогнула. — Мы пока не разговаривали. Но после выходных, — он сделал паузу и пристально посмотрел на меня, — обязательно поговорим. Еще как поговорим.

Сердце бешено заколотилось и от этого взгляда, и от этих слов. Что всё это значит? Я решила пойти в туалет и умыться ледяной водой. «Мы поговорим. Еще как поговорим».

Когда я вернулась, на кафедре был только Томашевский, который продолжил рассыпаться в поздравлениях. Бутылка вина бесследно исчезла, но меня это уже не особо волновало.

Я выпроводила Бориса Александровича, закрыла кафедру и уже направилась домой, но тут вспомнила, что нужно забрать посылку с Амазона — пришли новые книги.

В пункте выдачи я распаковала пакет и понюхала содержимое. Обычно мне нравились странные запахи — кожи, дегтярного мыла или рельсов — они меня успокаивали. Типографская краска тоже пойдет. Только в этот раз, к сожалению, не помогло.

По дороге домой в ушах гулко отдавалось с каждым шагом — «мы-по-го-во-рим-еще-как-по-го-во-рим». Я зашла в квартиру в изрядно приунывшем настроении. Сестра уже была дома.

— Викуля! — она бросилась ко мне. — Я думала, ты позже придешь. Почему со своим парнем никуда не пошла?

— Аля, — уставшим голосом ответила я, пытаясь что-нибудь придумать на ходу, — у меня дико разболелась голова. Потом сходим.

— Но он тебя хотя бы поздравил?

— Что? — ого, а вот об этом я и не подумала. — Дааа... начала мямлить я и вдруг прозрела. — Конечно, поздравил.

— А что подарил? — вредная сестра не унималась.

— Книги подарил.

— Книги? Ну и ну.

— А что такого? Да, книги! Мне нужны были книги и он мне их подарил!

— Что за книги? Надеюсь, как минимум, эта... как ее... инкунабула?

— Аль, отстань, а?

— Не отстану! Покажи, что за книги!

Я со вздохом вытащила «подарок» из сумки.

Черт, первую надо было все-таки спрятать, но сестра уже увидела.

— «Performing Virginity and Testing Chastity in the Middle Ages». Демонстрация девственности и проверка целомудрия в средние века? Seriously? Что за странный подарок, Вика? Зачем тебе это?

— Зачем, зачем. Научный интерес, не слышала о таком?

— Стоп, — сестра вдруг осеклась. — Вика, посмотри мне в глаза.

— Ох, ну что еще?

— Слушай, а у вас... ну... было уже?

— Что? Ты о чем? — конечно, я поняла, о чем она (кошмар-кошмар!) и, кажется, жутко смутилась. Вот как быть с такой несносной сестрой?

— Так, — сказала Алевтина. — Понятно.

Повернулась и ушла. Что ей понятно? Уже второй человек в этот день говорил со мной загадками.

Вскоре вернулись родители, потом приехал Сергей, и мы устроили праздничный ужин.

Но в голове моей и во время этого ужина, и после него — до самой глубокой ночи — непрерывно звучало «еще-как-поговорим-еще-как-поговорим-еще-как-поговорим».

Черт возьми, кажется, я и так уже затянула это дело. Настал момент всерьез приниматься за Морозова.

---

*В книге историка-медиевиста Мишеля Пастуро «История цвета. Синий» говорится том, что древние греки не различали синий цвет. Но многие современные исследователи это опровергают.

** «Мантисса» — роман Дж. Фаулза, некоторые эпизоды этой книги считаются порнографическими.

ГЛАВА 8. ОДЕРЖИМОСТЬ

Проснувшись на рассвете, я прокралась на кухню и сделала себе завтрак, только кусок в горло не лез.

Голова теперь и в самом деле раскалывалась, я чувствовала себя разбитой, но больше было медлить нельзя. Существовал лишь один способ прижать Морозова к стенке — я должна разобраться в его работах лучше, чем он сам. И тогда смогу вывести обманщика на чистую воду.

Я включила компьютер и несколько часов искала все доступные труды этого товарища. А их, надо заметить, оказалось немало. Ранние работы были посвящены изучению сонетов Шекспира — надо же, какое удивительное совпадение! Ведь Краславская занималась тем же самым. Но спустя время нашего исследователя заиклило на другом, а именно — на пьесе «Как вам это понравится».

«Семиолингвистические аспекты переводов пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится», «Особенности перевода диминутивов* на материале пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится» и т. д. и т. п.

Как вам это понравится, как вам это понравится...

Боже, да никак нам это не понравится! Невероятная тоска! Наверное, они с Краславской специально такие темы выбирали — чтоб любой сомневающийся в компетенции Морозова умер от скуки, не успев прочесть и трех страниц этих опусов.

Вот мои работы — совсем другое дело! В них — настоящая страсть, а такое читать всегда интересно.

Безусловно, Сергей Королев был моей единственной любовью. Но моей одержимостью стал английский драматург Кристофер Марло. Внешне он был похож на Королева (или Королев был похож на него?), но при этом Марло обладал несомненными преимуществами.

Во-первых, он жил четыреста лет назад (а значит, никак не мог причинить мне боль). Во-вторых, он был автором шекспировского наследия.

Упс! Кажется, я все-таки проговорилась. О горе мне, горе!

Да, в самом начале я упоминала, что занималась Шекспиром. Но это было не совсем так. По правде, я лишь *делала вид*, что занималась Шекспиром. А в действительности готовила базу для разрешения проклятого шекспировского вопроса. После долгих лет напряженной работы я была полностью уверена, что раскрыла эту тайну.

Со стороны моя научная деятельность выглядела вполне прилично — я просто анализировала шекспировские пьесы и сонеты. Но на самом деле — лишь те из них, на основании которых можно было доказать, что Марло и есть настоящий «Шекспир». Только чтобы понять, чем я в действительности занимаюсь, надо было знать такие подробности биографии Марло, которые простому смертному недоступны (а стратфордианцам**, которые дальше своего носа не видят, и подавно), а потому меня никто не трогал.

Когда-нибудь я собиралась объединить все свои работы в единое целое и отправить их в Королевскую Школу Кентербери. Ибо фонд Келвина Хоффмана обещал миллион долларов ученому, предоставившему доказательства того, что Кристофер Марло — автор шекспировского канона.

Не то чтобы я мечтала именно о миллионе. Меня дико увлекал сам процесс — поиск истины стал захватывающим интеллектуальным квестом, завладевшим умом на долгие годы.

И никто не догадывался об этой «темной» стороне моей филологической сущности.

А в чем, собственно, проблема, зачем такое скрывать? — спросит обычный человек.

О, вы просто не знаете академическую среду и стратфордианцев! Это страшные, страшные люди!

Даже простой намек на то, что пьесы Шекспира писал не Шекспир — смертный грех. Говорить об этом — все равно, что проповедовать альбигойскую ересь перед папой римским — будешь предан анафеме и казнен незамедлительно.

Так что моя одержимость была опасной, но зато и очень интересной. А вот теперь — какой скукотенью приходится заниматься из-за Морозова! Разбирать диминутивы, фу! Ну да ладно, перетерплю.

Все выходные я провела без отдыха, разбирая эту дребедень. Сказать, что сильно продвинулась в задуманном деле, было бы враньем, но хотя б начало было положено.

В понедельник я с замирающим сердцем пришла на работу в ожидании загадочного разговора. Только Морозов не обращал на меня внимания, и я уже вздохнула с облегчением — может, просто что-то не так поняла?

В обед меня послали к ректору, а это — в другом здании, довольно далеко. Я вернулась на кафедру поздно, но в благодушном настроении, поскольку знала — пары у Дениса Сергеевича давно закончились и он ушел домой.

Ага, не тут-то было! Мало того, что этот тип оказался на месте — так кроме него на кафедре больше никого не было! Я сделала вид, что очень занята и стала перебирать бумаги, но он сказал.

— Виктория, подойди, пожалуйста, сюда.

Я подошла к его столу и замерла от ужаса. Клянусь, перед Морозовым были разложены все мои научные работы. И все они были почерканы ручкой!

А Денис Сергеевич невозмутимо кивнул головой на стул и сказал:

— Присаживайся. У меня для тебя плохие новости.

---

* диминутив — уменьшительная форма слова.

** стратфордианцы — сторонники точки зрения, что автор шекспировских пьес — Уильям Шекспир, актер, родившийся в Стратфорде. Почти все члены академического научного сообщества являются стратфордианцами.

От автора: изначально глава была в два раза больше, но я решила не углубляться в подробности научной деятельности, потому что все равно через 1–2 главы отношения героев перейдут в другую плоскость.

Но если кого-то интересуют подробности, советую посмотреть фильм «Шекспир против Шекспира». А также отмечу, что Кристофер Марло на сегодняшний день — единственный, кто признан официальным соавтором некоторых шекспировских текстов (это произошло недавно).

ГЛАВА 9. ПЛОХИЕ НОВОСТИ

— Скажи, — спросил Морозов после того, как я присела, — давно ты состоишь в этой марловианской секте? Хотя вопрос риторический, — он кивнул на мои работы, — сам вижу, что давно.

— Вы сейчас о чем?

— Виктория, я похож на дурака?

Ну вообще-то — да, Денис Сергеевич, похож. Вслух я, конечно, этого не сказала — вообще ничего не ответила, просто опустила голову и смотрела в пол, ожидая, что будет дальше. И он продолжил.

— Ладно. Я предполагал такое. Тогда начнем.

И Морозов развернул полную картину «преступления», объясняя, каким образом мои работы посягают на наследие Великого Барда. Чем больше он приводил доказательств, тем сильнее холодело мое сердце. Но я решила отпираться до последнего.

— Уверю, вы ошибаетесь, — холодно сказала я, когда он закончил. — Это какое-то странное совпадение или глупое недоразумение. Я почти ничего не поняла из того, что вы сейчас говорили. Как мои работы могут быть связаны с этим... как его... Марло? Я вообще ничего о нем не знаю.

Мысленно я представила лицо Кристофера — «прости, дорогой, но так надо!»

— Да что ты? — Морозов усмехнулся и кивнул на соседний стул. — Посмотри на свою сумку.

Я повернула голову и тут мне по-настоящему стало плохо.

Какое-то время назад в Колледже *Корпус-Кристи* был найден единственный портрет Кристофера. На портрете был девиз на латыни — «quod me nutrit me destruit» — «что меня питает, то меня разрушает».

Никто из ученых не знал, что означает эта загадочная фраза — она не встречалась больше ни в одном тексте мировой литературы. Но девиз Марло так понравился мне, что я взяла и заказала сумку с такой надписью, и теперь она призывно-обличительно красовалась прямо перед носом Дениса Сергеевича. Это был полный провал.

От досады я закусила нижнюю губу.

— Ладно, первый вопрос мы прояснили, — продолжил Денис Сергеевич. — Хотя все-таки любопытно — что значит эта фраза? Есть какие-нибудь предположения? Что и питает, и разрушает одновременно?

Я привстала со стула, наклонилась к нему и сказала, еле сдерживая ярость:

— До этой минуты предположений не было. Но теперь я точно знаю, что это означает.

— И что же?

— Ненависть, — эти слова я чуть ли не выкрикнула ему в лицо.

Морозов откинулся на стуле и рассмеялся — какой все-таки мерзкий тип! А потом, как ни в чем не бывало, сказал:

— А знаешь, Виктория, принеси-ка мне кофе.

— Что? — я еще больше разозлилась. — Я похожа на человека, который разносит кофе?

— Почему бы и нет? Себе тоже можешь взять.

Я подошла к шкафу, достала оттуда массивную папку, пролиставла ее и бросила на стол.

— Что это?

— Мои должностные обязанности. Про кофе, как видите, нет ни слова.

— Виктория, я просто хотел сделать перерыв. Но если не хочешь — не надо, давай продолжу.

— Продолжайте.

— Знаешь, а ведь Тамара Михайловна рассказывала мне про тебя. Говорила — девочка ты перспективная. Но я вижу — она ошиблась. Ты идешь не туда. С этим, — он взял пальцами несколько листов моих работ и помахал ими в воздухе, — у тебя нет будущего. Ни на этой кафедре, ни на какой-либо другой.

Это было уже слишком. И сорвалась.

— Вы что о себе возомнили, а? Кто вы такой, чтоб рассуждать о моем будущем? Просто человек, который... который... — тут я запнулась.

— Который — что? Договаривай, — он прищурился.

Но у меня пока не было доказательств, чтоб открыто его обвинять, а потому я перескочила на другую тему.

— Вот из-за таких, как вы, наука и не развивается! Вам лишь бы звания получать и гранты, а поиск истины вас не интересует! Я таких, как вы, ненавижу, ненавижу!

Одним махом я смахнула со стола бумаги и они разлетелись по всему кабинету. А потом схватила сумку и выбежала в коридор — пусть сам закрывает кафедру и убирает там все.

На улице меня чуть не сбил порыв ветра, но он не шел ни в какое сравнение с тем ураганом, который бушевал в моей душе. Не успела я пробежать и сотни метров, как хлынул ливень — логичное завершение этого злополучного дня. Я сразу же промокла насквозь, но в тот момент мне было не до таких мелочей.

«У тебя нет будущего. Ни на этой кафедре, ни на какой-либо другой. Нет будущего». Этот приговор сводил с ума.

С трудом добравшись домой, я обнаружила Сергея и Алю на диванчике в «малахитовой гостиной». Они сидели, завернувшись в пледик, ели чипсы и смотрели какой-то фильм.

— Дорогие мои! — я бросилась к ним обниматься. — Зачем же вы едите эту дрянь? Сейчас я приготовлю вкуснейшее имбирное печенье. Ведь что может быть лучше имбирного печенья в этот холодный ненастный день!

Сестра с Королевым переглянулись.

— Вика, посмотри на себя. Переоденься, прими душ, отдохни — какое еще печенье? У нас сладостей полно.

Но меня было уже не остановить. Приготовление имбирного печенья обычно тоже действовало успокаивающе — его аромат напоминал атмосферу рождественских ярмарок, которые я так любила. Поэтому я сделала гору этого печенья, приготовила ужин, накормила им всю семью, но все не могла уgomониться.

Поздно вечером мама сказала:

— Вика, ты какая-то слишком возбужденная. Наверное, сильно переутомилась, готовься к этой своей конференции. Давай попробуем сделать дыхательную гимнастику, я тебе покажу. Смотри, вот так — глубокий вдох через нос, выдох — через рот. Вдох — выдох, вдох — выдох.

Я попыталась повторить, но в голову лезли эти проклятые слова.

Вдох. Нет.

Выдох. Будущего.

Вдох. Нет.

Выдох. Будущего.

Боже, я так точно с ума сойду.

Ускользнув в свою комнату, я попыталась заснуть, но не вышло. Тогда я встала и подошла к окну.

Перед домом был вырыт котлован и сейчас дождевая вода заполняла его, превращая в болото.

Я прислонилась лбом к стеклу.

Ну уж нет, Денис Сергеевич, история еще не закончена. Если я и упаду на дно, то потяну тебя за собой.

ГЛАВА 10. МЕРА ЗА МЕРУ

— О чем задумалась, Викуль?

— А? Что?

На следующий день, в обед, мы с Машкой сидели в «Арго» — я ковыряла вилкой овощной салат и пыталась отогнать гнетущие мысли.

На работу я пришла рано — надо было все же проверить, не оставил ли Морозов беспорядок, но никаких следов вчерашнего происшествия на кафедре не обнаружилось.

Я еще не решила, как буду себя вести с этим типом. Вообще-то для осуществления моего плана придется с ним помириться — перенести еще одно унижение — но пока я была не в состоянии это сделать. Как и думать про свое будущее.

В первой половине дня Морозов заскочил на кафедру всего лишь на пару минут — на меня и не посмотрел, да не очень и хотелось. Зато теперь, как только мы с Машкой решили пообедать, он тут как тут.

Пришел в одиночестве, но не успел присесть, как его со всех сторон окружила стайка студенточек — две плюхнулись рядом и две — напротив.

— Да так — ни о чем, — ответила я Машке.

— Кстати, — спросила она, хотя это было совсем некстати, — чем там закончилось дело с вином?

— Мария, — я показала ей кулак, — клянусь, еще раз вспомнишь про вино, и я убью тебя!

— Какое еще вино? — к нам подошел Андрей.

— Я тебе потом расскажу, — Машка заговорщически ему подмигнула.

— Андрей, да не слушай ее, Мария чудит.

— Я вчера несколько раз заходил на кафедру, но тебя не было, — Андрей присел рядом с нами и вытащил какую-то коробочку, — вот, как и обещал. С днем рождения!

— Что это? — я открыла коробочку. — Вау!

— Что это? — Машка тоже заглянула внутрь.

— Медальон Анны Болейн, — пояснила я ей.

— Точнее — реплика, не переживай. Заказал на Ebay.

— Мог бы и не объяснять, и так видно. Продают их там небось пучок за пятак, — выдала вредная Мария.

— Маша! Не в этом же дело! — я повернулась к Андрею, — спасибо, Андрюша!

А потом вытащила медальон и надела его себе на шею. Нечаянно повернув голову, заметила, что Морозов, не мигая, смотрит на меня. Чего уставился? Я отвернулась.

— Ох, — вдохнула Машка, — надеюсь, ты не закончишь, как эта Болейн*.

— Маша!

— А что? Андрей, странный подарок. Ты совсем не знаешь, что нужно женщинам.

Я засмеялась.

— Маш, Андрей-то как раз и знает!

Та поджала губы:

— Ах, ну да, точно. Он же любовные романы переводит, — в этой фразе я уловила снобизм, а потому поспешила перевести разговор на другую тему.

После обеда я вернулась на кафедру. Морозов несколько раз заходил туда, но на меня

больше не смотрел и тем более не заговаривал со мной. Ну и ладно. Мне всего лишь нужно было продержаться еще неделю до осуществления намеченного плана.

Что будет через неделю?

Я, конечно, сильно завралась перед родственниками, но сказала и кое-что правдивое.

У нас действительно в скором времени намечалась международная конференция по английской литературе. И я собиралась подменить основную часть доклада Морозова прямо перед его выступлением. Если он ничего не соображает, то после такого и двух слов связать не сможет. А о том, что он все же что-то соображает, я и думать не желала.

В день конференции снова начался ливень, и я опоздала. На кафедре почти все уже были в сборе.

Беседина меня отругала, я извинилась, немножко повертелась рядом с Денисом Сергеевичем и увидела, что доклад лежит перед ним на столе — ура! Теперь — дело за малым. Выскочив за орудием преступления — стаканчиком кофе, я вскоре вернулась и подошла к своему врагу.

— Денис Сергеевич, — вкрадчивым голосом произнесла я и чуть ли не книксен сделала, — немного с опозданием, но всё же... я хотела извиниться за свое поведение, слишком погорячилась тогда. Простите.

Кажется, он обрадовался, дурачок.

— Виктория, у меня ведь даже не было возможности договорить. А я хотел...

— Обязательно договорите, Денис Сергеевич, — я лучезарно улыбнулась, — а пока... вот. Я принесла кофе, вы же любите?

С размаху я поставила стаканчик рядом с докладом. Надо ли говорить, что крышка была закрыта неплотно? Но я не рассчитала — стаканчик перевернулся и, залив доклад Морозова, скатился ему на колени.

Упс. А вот такое я не планировала, это уже нехорошо.

— Викааа! — завопила Беседина-старшая, — да что же ты такая неловкая!

— Ой! Денис Сергеевич, простите! Простите меня, пожалуйста, извините! Вы сильно обожглись? — запричитала я.

— Ладно-ладно, успокойся. Бывает, — примирительно сказал Морозов.

— Ой, ну как же это! Ох! И доклад! Погодите, я сейчас новый распечатаю.

— Как же, как же, распечатаешь, — продолжала возмущаться Беседина, — у нас принтер почему-то не работает.

Почему-то? Ха-ха, да это ж я его накануне и вывела из строя. Хочу заметить — временно, ибо вообще-то не собиралась портить казенное имущество.

— Мне тоже нужно свой печатать. Сейчас схожу на другую кафедру.

Морозов дал мне флешку и я отправилась к Машке. Конечно, внаглую, бесследно убрать половину доклада я не могла. Просто взяла часть своих листов и вставила в доклад Дениса Сергеевича, а его листы вставила в свой. Типа (если дойдет до серьезного разбирательства) — я уронила бумаги, а потом неправильно их собрала.

Конечно, это не объяснение — детский сад. Но если все пройдет, как надо, то и не придется объясняться. Свой доклад я при этом выучила наизусть — буду выступать просто по плану.

Вернувшись на кафедру, я сунула Морозову бумаги и еще раз извинилась. Он просмотрел план и первые страницы — дальше листать не стал. Я вздохнула с облегчением, но когда мы все пошли в конференц-зал, сердце сжалось. Что сейчас будет?

А дальше было вот что. Морозов выступал пятым. Начал он довольно бойко, а затем, дойдя до подмены, замолчал. И уставился на меня. Я опустила глаза. Не знаю, сколько прошло времени — возможно, всего несколько секунд, но казалось — вечность. И вдруг — он снова заговорил. Как ни в чем не бывало.

Черт возьми, черт возьми, черт возьми! Мне конец.

Я так разволновалась, что выступила гораздо хуже, чем предполагала и, сгорая от стыда, присела на свое место. Кошмар. Что Морозов сделает после конференции?

А он ничего не сделал. Собрал свои вещи и молча ушел, даже не взглянув на меня. Ну и дела — я не знала, что думать.

После выступлений был фуршет. Правда, всю еду размели в момент — я успела ухватить лишь несколько конфет и запасливо положила их в карман джинсов. Ибо Беседина заставила переделывать кое-какие документы — придется немного задержаться.

Вернувшись на кафедру, я обнаружила, что все уже разошлись. В полном одиночестве я закончила необходимые дела, накинула плащ и уже собиралась уходить, как дверь вдруг распахнулась и вошел Денис Сергеевич.

Он переоделся и теперь даже выглядел как нормальный человеческий парень — в джинсах, майке и ветровке. Но взгляд у него был явно ненормальный.

Не отрывая от меня этого своего странного взгляда, он бросил на стол какую-то сумку.

Я застыла. Сколько раз я прокручивала в голове, как буду строить оскорбленную невинность, но в действительности, глядя ему в глаза, это было не так уж легко сделать.

— А теперь, — наконец произнес Морозов, — рассказывай, зачем ты это устроила.

— Денис Сергеевич, э-э... нечаянно вышло.

— Виктория, я задам тебе вопрос, который уже звучал раньше, но ты так и не ответила — я похож на дурака?

— Денис Сергеевич, вы просто необъективны, потому что ни во что меня не ставите.

— Да? — он усмехнулся, — ты хочешь, чтобы я тебя во что-нибудь поставил? Давай я поставлю тебя в угол.

Он направился ко мне.

— Денис Сергеевич, — я стала пятиться назад, к стене, — еще раз повторяю — это нечаянно. *There is no sin but ignorance* (*прим.* — нет греха, есть глупость**), — произнося это, я старалась выдавить улыбку.

Какая ирония судьбы — я так хотела прижать к стенке Морозова, а в конце концов оказалась прижата сама — причем и в прямом, и в переносном смысле. Упершись спиной в холодную поверхность, я замерла — больше некуда бежать.

Тем временем он подошел, приблизился губами к моему уху — сердце почему-то бешено заколотилось — и сказал, понизив голос:

— А ты знаешь, что наказание за глупость может быть не менее жестоким, чем за грех? И теперь ты будешь наказана. Раздевайся.

---

* Анна Болейн была казнена.

** «*There is no sin but ignorance*» — нет греха, есть глупость (в других переводах — «нет греха, есть лишь невежество») — цитата из пьесы Кристофера Марло «Мальтийский еврей».

ГЛАВА 11. УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

— В смысле? — я опешила.

— В смысле, — он прикоснулся к моим плечам, — плащик снимай. Ты сегодня еще не скоро пойдешь домой.

— С чего бы это?

— А вот с того, — он подошел к своей сумке и вывалил оттуда целую кипу бумаг. — Я так понимаю, весь шум из-за того, будто ты считаешь... как бы это помягче выразиться? В общем, ты всё это устроила, чтоб меня уличить. В чём? В том, что я ничего не соображаю? В том, что не сам писал свои работы?

Сказать, что я была в шоке — ничего не сказать. И стояла, как дурочка, открыв рот. Как он обо всем так быстро догадался? А Морозов тем временем продолжал.

— Так вот — вынужден тебя огорчить. Я не просто сам всё пишу, но к тому же сначала делаю наброски от руки. Потом набираю текст на компьютере. Да, это очень неудобно, отнимает много времени, но так уж я привык. А теперь — я буду писать, а ты — набирать.

— Неужели? — я попыталась скрыть удивление, перейдя в наступление. — И почему же, интересно, я стану это делать?

— Хотя бы потому, что ты испортила мой костюм.

Ох, точно. Я же испортила его костюм.

— Материальный ущерб? И теперь должна типа отработать? Давайте отдам деньгами.

— Не только материальный. Ожоги, знаешь ли... Нет, деньгами не пойдет.

Ой. Еще и ожоги.

— Почему не пойдет?

— Это было бы слишком просто.

Я тяжело вздохнула и протянула руку к бумагам.

— Ладно, наберу. Но только — дома.

— Что ты, Виктория, — он усмехнулся, — я тебе не доверяю. Мало ли что может случиться у тебя дома с этими бумагами, а тут столько труда вложено. При мне будешь набирать.

— Боже, да что за наказание! — вскричала я. — Можно хотя бы не сегодня?

— Нельзя. Мне это срочно нужно.

— Но я устала и хочу есть!

— Вот, — он достал бумажный пакет.

— Что это? — я заглянула туда. — Вы принесли мне еду?

Морозов кивнул. Я вытащила пластиковую упаковку.

— Сэндвичи? С ветчиной? Ужас.

— Почему — ужас? Ты вегетарианка?

— Нет, просто не люблю ветчину.

— А что ты любишь?

— Я, Денис Сергеевич, люблю домашнюю еду. И хочу сейчас есть ее у себя дома.

— Ну что поделаешь? — он пожал плечами. — Не все в жизни происходит, как нам хочется. Я вот, может, тоже предпочел бы сейчас находиться в другом месте.

— Так и идите в... другое место! Вас-то никто не держит!

— Виктория, не тяни время. Не хочешь — не ешь, тогда приступай к работе.

Я скривилась. Поесть все-таки нужно. Я умяла сэндвичи, а потом снова заглянула в пакет.

— А это что? Шоколадка? Странная какая, никогда таких не видела, — я открыла батончик, откусила его примерно на треть и скривилась. — С мятой? Фууу...

— Вообще-то, — сказал Морозов, — этот батончик для меня был. — И раз «фу», давай его сюда.

— Но я уже надкусила!

— И что?

— А вдруг я чем-то больна?

— Ты чем-то больна?

— Нет.

— Тогда давай.

— Нет, погодите, мы сейчас у него спросим, хочет он этого или нет, — я поднесла батончик к губам.

Покосившись на Морозова, я увидела, что глаза у него необычно потемнели — теперь в них было не грозное небо, а настоящая буря, а потом он рявкнул:

— Дай сюда этот чертов батончик! Немедленно!

Но я уже запихивала его себе в рот и, давясь от смеха, сказала:

— Обойдетесь.

Морозов вдруг стал какой-то странный. Он отвел глаза, а потом и вовсе отвернулся. Обиделся, что ли? Я вспомнила про конфеты и вытащила их из кармана джинсов.

— Ладно, возьмите вот.

— Такое я не хочу.

— Ну и ладно.

Я включила компьютер и начала набирать тексты. Боже, что за кошмарный почерк. Впрочем, какой еще может быть почерк у этого человека?

Морозов тем временем ковырялся в телефоне, с кем-то там переписывался и улыбался. Отлично, Денис Сергеевич, развлекайся. Но потом я все же не выдержала и стукнула ладонью по столу.

— Что такое?

— Вы меня бесите и отвлекаете.

— Как? Я просто молча сижу.

— Вы развлекаетесь, в то время как я, изнемогая от усталости, разбираю ваши каракули.

— Я? Развлекаюсь?

— Чего вы смеетесь? Раз находитесь на рабочем месте — занимайтесь работой.

— Так трудно теперь, Виктория. Ты же поглотила мои углеводы.

Он хмыкнул, но почему-то все-таки включил компьютер и стал что-то там делать.

Закончила я часа через два. Поднявшись, кинула ему листы.

— Всё? Больше я вам ничего не должна?

— Ты шутишь, да? Это только начало. Завтра продолжим.

— Чего? И сколько это будет длиться?

— Я еще не решил.

— Ну так решайте скорее! Я должна точно знать, сколько мне мучиться. Но на многое не рассчитывайте, все-таки мое время дорого стоит.

Он засмеялся.

— Что смешного?

— Напомнить твою зарплату?

Да что за невыносимый человек! Я нахмурилась, молча собрала вещи, бросила ему ключи от кафедры и отправилась домой.

Приехала я в очень плохом настроении, а в гостиной снова голубки сидят, воркуют. И чуть ли не с порога сестра мне хитренько так говорит:

— Ну что, Викуля, теперь у тебя времени свободного больше стало? Познакомишь нас...

— Нет! — настала пора и мне на кого-нибудь рывкнуть.

— Может, и нет у нее никакого парня... — задумчиво произнес Королев.

Я готова была их прибить, честное слово!

— Есть! Но нам сейчас не до вас, — отрезала я и прошла в свою комнату.

Вот бывают же такие неудачные дни — когда все идет наперекосяк, хоть на улицу не выходи.

Правда, после жизнь обычно налаживается, но это был явно не мой случай. На следующий день мне снова пришлось задержаться, чтобы набирать эти чертовы тексты. Правда, в этот раз Морозов — надо же! — даже принес мне нормальную еду.

— Вам было бы дешевле личного секретаря нанять, — сказала я ему с набитым ртом.

— Так ведь не в секретаре дело, а в том, что надо из кого-то дурь выбить.

— Ну так и выбивайте из кого-то, я-то тут причем?

Он промолчал, ничего не ответил.

— И вот не лень каждый раз ездить домой и возвращаться? — язык мой все никак не желал уgomониться, — пары у вас еще в обед закончились, а вечером вы снова тут как тут.

— А мне не надо никуда ездить, Виктория. Я живу в пяти минутах ходьбы от факультета.

Везет же! Я подумала, что он, наверное, живет в квартире Краславской. Может, она ему ее завещала. Я ни разу не была у Тамары Михайловны дома, но примерно знала, где этот дом находится. Ну вот, а мне еще целый час потом домой добираться! От негодования я стала ожесточенно стучать по клавиатуре. А когда я очень напряжена или сосредоточена, высовываю кончик языка.

Морозов, видимо, это заметил, потому что посмотрел на меня искоса, а потом сказал как бы невзначай:

— Лучше бы ты показывала знание языка, а не его наличие.

— Не поняла?

— Я вчера нашел много ошибок в текстах, что ты набирала.

Я дико разозлилась. Теперь меня еще и в безграмотности обвиняют?

— Это не ошибки, а опечатки! Потому что я с ног валилась от усталости, так вы меня за... мучили.

— Я еще даже не начинал тебя за... мучивать.

— Это что — угроза?

— Предупреждение.

— Да ну? Очень страшно! Кстати, а о чем вы все-таки тогда не договорили?

— У меня сейчас нет настроения об этом рассуждать.

— А у меня нет настроения находиться с вами в одном помещении — и что теперь?

Сами же говорили — не все в жизни бывает, как нам хочется.

— Виктория, работай уже!

Снова тяжело вздохнув, я стала недовольно клацать по клавиатуре, в очередной раз думая, какая я все же неудачница. Почему мне никогда не везет?

Но не зря говорят, что нельзя гневить судьбу. Ибо как только начнешь причитать и думать, что хуже быть не может — обязательно станет хуже.

□

ГЛАВА 12. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Каждый год в универе проводится «Студенческая весна». Но наш декан любит выпендриться, а потому на филфаке проводится еще и «Студенческая осень». Невероятная муть, но многим нравится, в особенности — тем, кто не оказался в ней задействован. Раньше эта беда обходила меня стороной, но в этот раз декан решил, что в культурную программу будет входить постановка «Ромео и Джульетты». И так загорелся этой безумной идеей, что даже пригласил профессионального режиссера из ТюЗа. А меня — будто и без того проблем мало — назначили консультантом и заставили посетить несколько репетиций. Точнее, Морозова и меня.

Зачем это было нужно — лишь одному декану ведомо, но приказ есть приказ. Так что теперь я не только находилась в рабстве у противного выскочки, набирая дурацкие тексты, но еще и задерживалась с ним после работы из-за постановки. Это не говоря уже о том, что репетиторство я тоже не бросала. Ни минуты свободного времени — эх, зря я раньше жаловалась на жизнь!

А вот Ольга Беседина, наоборот, горела желанием посещать эти нелепые мероприятия. Она увязалась с нами, хоть ее никто и не заставлял.

Первую репетицию я не забуду никогда. Режиссер оказался очень нервным мужчиной — уже на подходе к актовому залу я услышала звучные выкрики. Когда-то профессор Колесников и профессор Корнилов выпустили «Словарь русского мата», и теперь студенты филфака изучали его на первом курсе. Но то, что вырывалось из уст режиссера... такого даже в том словаре не было!

Правда, когда мы заняли места в первом ряду и стали смотреть постановку, я немного прониклась сочувствием к этому бедному человеку. Дело в том, что некоторые номера зачем-то сделали музыкальными. Но у Джульетты, которая напоминала юную Олю Беседину, не было ни слуха, ни голоса, да и Ромео пел как лось в брачный период.

Я долго сдерживалась, но потом закрыла лицо руками и стала беззвучно смеяться.

— Тебе что, не нравится постановка? — с серьезным лицом спросил Морозов. Я сидела с правой стороны от него, а Беседина — с левой.

— Почему же, она великолепна, — задыхаясь от смеха, выдавила я, — прямо в соответствии с традицией.

— Какой еще традицией, что ты несешь, Горячева? — влезла Беседина. — Это — трагедия, а они цирк устроили.

— Есть гипотеза, что «Ромео и Джульетта» — не трагедия, а пародия на трагедию. В таком случае — действительно, ставят правильно, — объяснил ей Морозов, а потом снова обратился ко мне. — Так ты считаешь эту гипотезу верной?

— Считаю, что в этом... — я не успела договорить, потому что мы вдруг оказались в центре внимания нервного режиссера.

— Эй, вы, эксперты! — крикнул он нам, — чего там тряндите? Ну-ка, быстро сюда!

— Мы? — переспросил Морозов.

— Да, вы! Покажите этим юным блеющим овечкам, как играть настоящую страсть.

Морозов хмыкнул, но встал, за ним поднялась и Беседина.

— Нет, не ты! — замахал руками режиссер и кивнул на меня, — она!

— Почему — она? Я уже игра...

— По кочану, — перебил ее режиссер. — Девчонка похожа на мадонну эпохи Возрождения, а ты — дылда, да и патлы у тебя крашенные.

Беседина надула губы и села на место.

— Так, эксперты, пошевеливайтесь!

Мы поднялись на сцену.

— Слова знаете?

— Перевод? — машинально уточнила я.

— Нет, блин, оригинал! — съязвил режиссер. — Конечно, перевод!

— А какой — Радловой или Пастернака?

Режиссер с сочувствием посмотрел на Морозова:

— Она больная, да?

— Нет, — улыбнулся тот. — Она — филолог.

— Один хрен. Ладно, приступайте. «Любовь меня на поиски толкнула...»

— «Любовь меня на поиски толкнула...», — начал Морозов, и в глазах его блеснули озорные искры. Было видно — он еле сдерживается, чтоб не засмеяться.

Черт! Я почему-то так растерялась, что язык прилип к нёбу. То есть начала я еще более-менее бодро, но слова: «Милый мой Ромео! Скажи мне, вправду любишь ли меня?» проямлила уже совсем невразумительно.

— Стооооп! — заорал режиссер. — Тьфу. Отстой. Но есть ты — еще ладно, — он кивнул Морозову. — А ты — повернулся ко мне, — отстой. Идите отсюда, толку от вас никакого.

— Ну вот, Горячева, режиссер сказал, что ты — отстой, — громко повторила Беседина, когда мы вернулись на места. — Я ж говорила, что лучше могу!

— Я просто половину слов забыла! Если б он предупредил, дал возможность подготовиться, я бы нормально сыграла, я бы смогла! — почему-то я стала оправдываться, будто больше заняться нечем.

— Не-а, не смогла бы, — Морозов снова стал усмехаться.

— Это почему же?

— Потому что, — он наклонился к моему уху, — ты меня... как там было? — ненавидишь-ненавидишь.

— Я умею разделять профессиональное и личное.

— Неужели? Что-то не заметил.

— Чего вы там шепчетесь? — Беседина чуть голову не вывернула, пытаясь услышать, о чем мы говорим, но Морозов уже отвернулся от меня и, улыбаясь, смотрел на сцену.

В общем, как вы понимаете, жилось мне в то время несладко. Но самое поразительное в этой истории было то, что я все-таки пошла на эту глупую «Студенческую осень». Хотя обычно подобные действия обхожу за километр.

Надо сказать, что за очень короткий срок режиссеру удалось добиться невозможного — постановка выглядела почти прилично. После нее было еще несколько небольших выступлений, а затем актовый зал превратили в подобие диско-бара.

Я умом понимала, что пора бы уходить, но всё не уходила, тем более, что Машка вцепилась мертвой хваткой — без меня ей, видите ли, было скучно.

— Викуль, я коньячок припасла, пошли тяпнем, повеселее станет, — уговаривала она меня.

— Нет, спасибо, мне твоего вина хватило.

— Да что же там за вино такое, о котором столько разговоров! — повернув голову, я увидела Андрея.

Ну и ну. Похоже, не только я изменила сегодня своим принципам. Андрей тоже никогда не посещал подобное — не было его и на спектакле, а вот сейчас вдруг появился.

— Значит, так... — начала Мария, но замерла с открытым ртом. Я проследила за ее взглядом и увидела, что в зал вошел Морозов, а с ним — Беседина. Но удивителен был не этот факт, а то, что на Бесединой были кожаные шорты, лакированные туфли на диких шпильках и полупрозрачная блузка с невероятным вырезом. При том, что еще совсем недавно, на спектакле, она была вполне прилично одета.

— Святааая Агнесса, спаси нас от такого стыдобища! — наконец отмерла Проценко.

Андрей, кажется, тоже потерял дар речи. Но потом пришел в себя и снова обратился к Машке.

— Вино. Ты не договорила.

— Ах, да, — продолжила вредная Мария, — значит, я умею заговаривать вино. Ну и вообще всякие напитки. Люди, которые это выпьют, вспыхнут страстью друг к другу.

— Ну и бред, — хмыкнул Андрей.

— И вовсе не бред! Совсем не бред! — Машка завопила так, будто ее обвинили в каком-то преступлении. — Не бред, я докажу тебе! Вот давай, на коньяке!

— Ну давай, давай, докажи!

— Боже мой, — вмешалась я, — взрослые люди, с высшим образованием, а какими глупостями занимаетесь!

— А ты... — начала Машка, но не договорила — к нам подбежала Журавлева:

— Видели Морозова, да? Беседина пыталась его танцевать вытянуть, но он сказал, что не танцует. Совсем. Зачем тогда пришел, а? Я собиралась... — но тут Татьяну окликнула какая-то девушка и она упорхнула. Мы так и не узнали, что она там собиралась.

— Ну как это — зачем пришел, — задумчиво проговорила Машка. — Пришел следить за Горячевой. Вон, как коршун, глаз с нее не сводит. Внимание, вопрос — почему? Может, он всё-таки...

Развернувшись, я увидела, что Морозов скорее смотрит на бесединское декольте, чем на меня. Мне вдруг показалось, что в зале очень душно. Я перебила Марию:

— Хватит чушь молоть!

— Нет, правда-правда!

— Перестань, кому сказала!

— Ладно, где там твой коньяк? — спросил Андрей.

— Пошли на кафедру. Вик, ты с нами?

— Нет. Наверное, всё-таки домой поеду.

— Ой! Пожалуйста, дождись нас, мы скоро! — сказав это, они удалились.

В этот момент меня окликнула одна из учениц.

— Виктория Владимировна, не могли бы вы мне минутку уделить? Я тут делала одно задание...

— Что? — в зале было довольно шумно, и мы вышли в коридор. Там я потратила битых полчаса, пытаюсь понять, чего же она от меня хочет, но так и не смогла сосредоточиться. К тому же сильно разболелась голова.

Я поднялась на кафедру к Машке, но там все было закрыто. «Вы где?». На сообщение

никто не ответил. Что за дела? Я спустилась в зал — может, мы разминулись? Может, они вернулись, а из-за шума ничего не слышат? Но в зале их тоже не было.

Зато начался медляк.

«Виктория Владимировна! Можно вас пригласить?» — меня тронули за плечо. Как оказалось, — один из моих бывших учеников — я занималась с ним латынью год назад.

Но рядом кто-то вдруг произнес:

— Виктория Владимировна не танцует, Виктория Владимировна едет домой.

И это был Морозов. От такой наглости я чуть с ума не сошла.

— Чего? Никуда я не еду! — возмущенно произнесла я.

Мне вдруг совсем расхотелось домой.

— Надо, Виктория, надо. К тому же я тебе уже такси вызвал, — он стал слегка подталкивать меня к выходу.

— Что за самоуправство? Я пришла отдыхать и буду отдыхать!

— Наотдыхалась уже, — я и не заметила, как мы оказались на улице. — Завтра много работы, снова начнешь ныть, что устала, не выспалась, а ты мне нужна бодрая.

— А вот вы мне вообще не нужны, когда уже отстанете! — я пыталась вырваться, но он все-таки запихнул меня в такси.

Возвращаясь в тот вечер домой, я мысленно обрушивала на голову Морозова полное содержание словаря Колесникова-Корнилова. И даже не догадывалась, что скоро произойдет событие, которое полностью изменит всю мою жизнь. Но только вряд ли к лучшему.

□

ГЛАВА 13. МНОГО ШУМА ИЗ КОЕ-ЧЕГО

— Маш, у тебя совесть есть? Ну вот хоть чуть-чуть, а? Куда вы вчера пропали? Знаешь, что мне пришлось пережить? — отчитывала я Марию на следующий день.

— Мы... э-э... не нашли стаканы и... э-э... пошли на кафедру к Андрею, а телефоны забыли и... — Машка странно мялась, заикалась и отводила глаза.

— Стаканы не нашли? Seriously? Маш, что за бред?

— А что тебе пришлось пережить? — она попыталась перевести тему.

При воспоминании о вчерашнем вечере меня снова охватил гнев. Это ж надо, совсем обнаглел этот тип.

— Ничего, проехали.

— Это... как-то с Морозовым связано?

— Что? Почему ты сразу про него заговорила? — я еще больше рассердилась и даже повысила голос. — Больше людей на факультете нет, что ли? Сколько можно? Еще хоть раз при мне о нем вспомнишь, я с тобой больше общаться не буду, так и знай!

— Э, Вик, да ты чего? Да я так... я ж не подразумевала ничего такого!

— Еще не хватало, чтоб подразумевала!

Мда. Уж что-что, а тему перевести ей явно удалось. Я вернулась на кафедру и с трудом принялась за работу. Все-таки так больше продолжаться не может. Надо выяснить, когда закончится мое рабство. И узнать, что означали слова «нет будущего». Он не даст мне писать диссер? Я на всю жизнь останусь лаборантом?

Вообще-то, даже без Морозова дела обстояли не очень хорошо. На сегодняшний день у меня был один доступный вариант ученого — Валерий Николаевич Анисимов. Но он обладал двумя большими недостатками — часто болел и был редким болваном (например, до сих пор верил в существование права первой ночи). Поэтому я все тянула с решением этого вопроса.

Тем временем Беседина-старшая едва не подкинула мне новую проблему.

— А знаешь, — заявила она как раз в тот момент, когда на кафедре почти все были в сборе, — скоро начнется всероссийский конкурс переводов сонетов Шекспира. Думаю, вам с Денисом Сергеевичем нужно поучаствовать.

— Что? — я в ужасе замахала руками. — Ой, неееет! Ой, неееет! Нет, нет, нет!

Все вокруг засмеялись, даже Морозов.

— Вика, — сказал Томашевский, — ты так реагируешь, будто тебя заставляют потерять невинность. А ведь переводы сонетов — это совсем не больно!

Да что вы знаете о боли? Переводить? Сонеты? Да еще и с Морозовым? Такое даже в кошмаре не приснится!

— Ну вы же знаете, что стихи в принципе невозможно перевести! В любом случае переводчик выражает себя, а не душу автора.

— Да, все мы знаем фразу — «переводчик в прозе — раб, в поэзии — соперник». Ну так возьми и попытайся сломать эту систему.

— Нет, спасибо, даже пытаться не хочу.

— А вообще-то это была неплохая идея, — заявил Морозов, когда мы остались наедине.

— Денис Сергеевич, хватит уже ходить вокруг да около, — я все же решила прояснить ситуацию. — Вы сказали, что у меня нет будущего. Теперь говорите про «неплохую идею».

Как это понимать?

— Виктория, я сказал, что у тебя нет будущего с твоими нынешними исследованиями. Займись другим — возможно, что-нибудь и получится.

Другим? Серьезно? Это же все равно как перестать дышать.

— А если я не хочу чем-то другим заниматься — тогда что? Между прочим, я диссер могу и без научника написать.

— Написать ты можешь, что угодно. Защитить — нет.

— Денис Сергеевич, — я снова рассердилась, — а почему бы вам просто не оставить меня в покое?

— Не могу.

— Почему?

— Считаю, что мне тебя жаль.

— Чего? — уж такого ответа я не ожидала и чуть не задохнулась от негодования. Ему меня жаль? — Ну, знаете ли...

— погоди. Возможно, я неправильно выразился.

— Так выражайтесь правильно! Вы же филолог!

— Я вот думаю — не зря же Тамара Михайловна в тебя верила. Может, есть какая-то перспектива... если будешь делать что-то другое. И как раз переводы сонетов — не самый плохой способ занять твой беспокойный ум хоть на время.

— Даже не мечтайте об этом. Я не отступлю.

— Отступишь, Виктория.

— Нет! И лучше вам от меня отстать. Вот это, кстати, тоже, — я кивнула на его листы, — мне уже порядком надоело. Когда все закончится?

— Когда-нибудь.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Похоже, Морозов и впрямь не отстал бы от меня в ближайшее время, если бы не случай, который, который... А впрочем, не буду забегать вперед, расскажу по порядку.

Многие в круговороте событий уже бы и думать забыли о листе иллюминированного Евангелия из Кентербери. Но только не я, поверьте. Я мечтала, как подловлю идеальный момент, добуду ключ от стеллажа и наконец-то пощупаю манускрипт.

Пока это было невозможно — Беседина-старшая постоянно носила ключ с собой. Но я знала, когда она может потерять бдительность — в свой день рождения. А родилась она в один день с нашим деканом. Что означало — на факультете намечаются сразу две грандиозные пьянки, и грех таким не воспользоваться.

В тот знаменательный (злополучный?) день я с самого утра вертелась около Бесединой. Но до самого вечера никакой возможности добраться до ключа у меня не было.

После работы на кафедре собралась толпа — фуршет, поздравления и т. д. Замечу, что Ольга Беседина, естественно, была тут как тут, и я еще подумала, что она весьма странно одета — не по-осеннему. На ней было непонятное платье с запахом, похожее на черный шелковый халат, — моя сестра дома в таком ходит.

Но потом я забыла про Ольгу, полностью сосредоточившись на своей цели. Хотя я не пила ни капли алкоголя, мне становилось все жарче и жарче, пришлось даже расстегнуть две верхние пуговицы на блузке. Когда я это делала, то перехватила взгляд Морозова, но потом этот тип сразу же отвернулся. А еще я заметила, что он почему-то тоже совсем ничего не

пьет.

Однако ж остальные знатно поднабрались. Я не сводила глаз с сумки Бесединой-старшей — Любовь Константиновна время от времени вытаскивала оттуда разные предметы — пудреницу, помаду... Наконец-то вытащила и заветный ключ... повертела его в руках, а потом ее кто-то отвлек и она сунула ключ в ящик стола. Ура! Кажется, я почти добилась желаемого.

Когда на улице стемнело, вся компания начала перемещаться в деканат. Я заверила Беседину, что все тут уберу, закрою кафедру и тогда уже поеду домой. Как она меня благодарила, чуть ли не обнимала!

Когда все разошлись, я убрала мусор, протерла столы и приступила к намеченному плану. Закрыла дверь изнутри, достала ключ от стеллажа, выключила везде свет — ибо хотя наша кафедра и находилась на втором этаже, с улицы могло быть заметно, что я творю что-то неладное.

К счастью, на небе была полная луна. Я прошла в соседнее помещение — на окнах там висели плотные занавеси, — и открыла одну из них. Лунный свет залил комнату, я подождала, пока глаза привыкнут к такому освещению, затем приблизилась к стеллажу, вставила ключ в замок, еще миг, и...

И в это время в коридоре, совсем близко, я услышала приглушенные голоса, а затем кто-то подергал дверную ручку. Короткая заминка — я уже почти вздохнула с облегчением, и вдруг — звук открывающейся двери. У Бесединой был свой ключ — она вернулась?

Машинально, не задумываясь о последствиях, я спряталась в щель между стеллажом и стеной — она как раз была почти полностью закрыта занавесью — и притаилась.

— Вот, я же говорила, что все уже ушли, — это и вправду была Беседина, только младшая.

— Да что за разговор такой секретный? — а это уже Морозов.

Черт! Что за...

— погоди, сейчас узнаешь. Нет, нет, свет не включай! — ответила Беседина, и я услышала, как дверь закрывают уже с этой стороны.

Ой, ой, ой. Мне бы выскочить, пока еще не поздно, а вместо этого я застыла на месте и потеряла драгоценные секунды.

— Иди сюда, — она завела его в комнату со стеллажом. И с диваном, и с диваном, мамадорогая!

— Да что такое? — по его голосу было непонятно, что происходит.

Я слегка отодвинула занавесь и увидела, что он стоит ко мне спиной, а Беседина, напротив, повернута к окну, и лунный свет освещает ее лицо. Да и все остальное тоже.

— Я думаю, — сказала Ольга, — настала пора прояснить кое-что. Я больше так не могу! Я думаю о тебе днем и ночью... особенно ночью... представляю твои руки, твои губы... честно, Денис! Я с ума по тебе схожу, я вся горю!

После этих слов Беседина взяла и одним движением распахнула свой «халат». АААААА! Кошмар, катастрофа! Не сказать, что под ним ничего не было — ибо там было черное кружевное белье — только легче от этого не стало.

У меня затряслись коленки, и в ужасе я закрыла рот ладонью.

Морозов застыл — он ничего не говорил, не двигался, но я чувствовала, что еще пара

секунд и что-то да произойдет. И только я об этом подумала, как мой рот вдруг издал такой невероятно громкий булькающий звук, что парочка аж подпрыгнула на месте, а затем этот звук перешел в хохот — настолько оглушительный, что от него могли бы треснуть стены.

Беседа подхватилась и в момент вылетела с кафедры — как еще дверь не вынесла? Морозов стремительно подошел к окну и дернул занавеску.

— Вик... тория? Что ты... здесь делаешь? — кажется, он даже начал заикаться.

Я, конечно же, ничего не ответила — продолжала хохотать, да так сильно, что аж слезы выступили. А потом опустила на пол. По правде, я просто не знала, что еще делать.

Денис Сергеевич задумчиво смотрел на меня — наверное, ждал, когда я успокоюсь. А я все не успокаивалась.

— Виктория, — повторил он спустя какое-то время, и внезапно присел рядом со мной прямо на пол. — Могу я тебя попросить, чтобы сегодняшняя... эээ... история никогда не вышла за пределы этой комнаты?

— Попросить-то, конечно, можете, — продолжая смеяться, отвечала я. — Но обещать я ничего не стану. Сами знаете, какой у меня длинный язык.

— Ладно, — он снова сделал паузу. — Тогда давай поставим вопрос по-другому. Что я должен сделать, чтобы эта история точно никогда не вышла за пределы этой комнаты? — он был очень серьезен.

Ну вот, Виктория Горячева, ликуй. Настал твой звездный час. Казалось бы — проси всё, что пожелаешь. Скажи — Денис Сергеевич, я хочу, чтобы вы навсегда исчезли из моей жизни.

— Могу просить всё, что захочу? — перестав смеяться, уточнила я.

— Всё, что захочешь.

— Хорошо.

Я задумалась, а потом открыла рот и совершенно неожиданно даже для самой себя произнесла:

— Вы пойдете со мной на свидание.

□

ГЛАВА 14. КАК ВАМ ЭТО (НЕ) ПОНРАВИТСЯ

— Что? На свидание? — озадаченно переспросил Морозов.

— Ох, конечно же, не о настоящем свидании речь! Я еще с ума не сошла! Надо, чтобы вы пошли со мной на фальшивое свидание, — я поднялась с пола. И он тоже встал — теперь придется задирать голову, чтобы разговаривать.

— Фальшивое?

Мда. Всё-таки для доктора наук соображает туговато.

— Нужно, чтобы вы... — принялась объяснять я, — то есть — мы... встретились с моей сестрой и ее женихом. Я представлю им вас как своего парня. Ничего такого, просто в кафе посидеть.

— Виктория, — вздохнул Морозов, — с тобой я могу только поседеть.

Он намеренно сделал акцент на первое «е» в слове «поседеть», и я рассердилась.

— Кто бы говорил, Денис Сергеевич. С тех пор, как вы появились на факультете, у меня сплошные неприятности. Впрочем, уговаривать не стану...

— Ладно-ладно, — перебил он. — Я схожу. Но всё же уму непостижимо — зачем это нужно? И почему — я? Разве ты не встречаешься с этим... как его...

— С кем — «с этим»?

— Ну, кто там тебе предложение делал...

Я сначала даже не поняла, о чем речь, а потом вспомнила и фыркнула:

— Вот у вас фантазия разыгралась! Никто мне предложение не делал. Андрей не подойдет для этого дела, увы. Почему не подойдет — не спрашивайте. И вообще — больше ничего не пытайтесь узнать. Мне так надо — и точка.

Не скажешь же Морозову, что я, на свою беду, именно его сестре описывала!

— Понятно, что ничего непонятно. И когда будет это... гм... свидание?

— Чем быстрее, тем лучше. Но я еще продумаю детали и вам сообщу.

— Какие детали?

— Просто на всякий случай. Нашу историю. Как мы познакомились и тому подобное.

— О, да! — оживился Морозов. — Давай расскажу про наше знакомство!

Черт! Хорошо, что в помещении было темно — незаметно, как я покраснела.

— Это было... э-э... недоразумение, о котором лучше не вспоминать, — пробормотала я.

— Хорошо, но тогда будем считать — то, что ты недавно здесь видела — тоже недоразумение, о котором лучше не вспоминать.

— Договорились.

Легко сказать! Если до самой ночи у меня еще получалось не думать о том, что произошло, то перед сном в голову полезла разная ерунда. Что было бы, не окажись я на кафедре? Хотя — вот какая мне разница? Еще не хватало размышлять о чужой нравственности. И все-таки — бывают же такие бесстыжие женщины! Просто взять и предложить себя мужчине!

А Морозов? Без сомнения, он не отказался бы от того, что само плывет в руки. Почему-то эта мысль раздражала меня, но, вероятнее всего, я просто злилась на мужскую природу в целом. Что все равно было странно — ведь эта природа в прошлом мне ничем не угрожала и, судя по всему, никогда угрожать не будет.

На следующее утро я сообщила сестре «радостную» весть — на днях познакомлю со своим «возлюбленным». Я действительно хотела пройти через этот ужас как можно скорее. Отделаться и забыть, как страшный сон. А после — скажу, что мы расстались.

Какой же я была глупой! Потому что всё, как обычно, пошло наперекосяк. И свидание — еще не самое плохое, что стало происходить со мной с того злополучного дня.

Однако же, не могу обойти вниманием и это событие. Не сказать, что я к нему сильно готовилась. Собственно, и понятия-то не имела, как готовиться. Я знала, что такое дролери* или могла рассказать, как франкская королева Фредегонда погубила Галесвинту и вступила в непримиримую вражду с австразийской королевой Брунгильдой, но понятия не имела, как вести себя на свиданиях, даже фальшивых.

Я долго думала, что надеть, и решила пойти в обычной одежде — джинсах, майке и ветровке, — а то Морозов еще вообразит себе невесть что. Краситься тоже не стала — да у меня и не было косметики, кроме блеска для губ и консилера, а просить что-то у сестры — зачем? Слишком много чести для *кое-кого*. Единственное, что я себе позволила — надеть туфли на шпильке, — но только потому, что это — обувь, в которой я буду на свадьбе. Хотелось потренироваться ходить на каблуках.

Через три дня после происшествия на кафедре, в субботу, мы с Морозовым направлялись в кафе, которое выбрала моя сестра. Надо ли говорить, что на работе все эти три дня Денис Сергеевич был тише воды, ниже травы? У меня даже мелькнула мысль — хорошо, что в качестве желанья я выбрала именно свидание — потому что приставать ко мне с новыми заданиями он и так больше не решился бы. Ольга Беседина и вовсе не показывалась на глаза — похоже, теперь еще долго будет обходить нашу кафедру стороной.

Перед «свиданием» я встретила с Морозовым заранее, чтобы дать ему ценные указания. День был солнечный, мы шли по аллее, а я строгим голосом вещала:

— Главное — никаких диминутивов. И вообще — лучше побольше молчите. Если всё же поинтересуются, как мы познакомились, — потому что еще ни разу не спрашивали, — сама расскажу.

— Что расскажешь?

— Скажу — познакомились по переписке, а потом вы приехали сюда. Из-за меня.

— Чего? — Морозов засмеялся.

— Будут версии получше? — рассердилась я. Этот человек определенно обладал талантом доводить меня до белого каления!

— Да мне, на самом деле, все равно, — небрежно ответил он. — Говори, что хочешь.

— Вот и отлично.

Какое-то время мы шли молча, а потом я вдруг спросила (хотя мне это знание и даром не сдалось):

— А все-таки, зачем вы приехали?

— Виктория, — он прищурился, — тебе какая разница?

Что в переводе на русский, несомненно, означало — «отвали».

— Ах, — взмахнула я руками, — действительно... — но закончить предложение не успела, потому что движение было совсем неловким и я — из-за мерзких каблуков — чуть не плюхнулась на асфальт.

Морозов успел меня подхватить, но застежка на его куртке запуталась у меня в волосах

— какого было их распускать? Я завопила:

— АААА! Осторожнее! Не хочу второй раз в жизни остаться без волос!

— Стой, стой! Не дергайся! — Он аккуратно распутал волосы. А потом спросил:

— А первый раз что случилось?

— Денис Сергеевич, — наступила моя очередь хамить, — какая вам разница?

И мы снова пошли молча. А потом он вдруг заговорил.

— Когда не стало моих родителей — а было мне тогда столько же лет, сколько тебе сейчас, — я как раз поступил в аспирантуру. Но решил ее бросить. Ничего не хотелось. А тетя... не дала этого сделать. Оставив здесь всё, приехала и... очень помогла мне тогда.

Кажется, я слышала, что Краславская уезжала на полгода, но это было еще до моего поступления в универ. И я не знала, с чем это было связано. Как выясняется, я вообще многого не знала, в том числе и о Денисе Сергеевиче. Никогда не задумывалась о его жизни. Оказывается, у него нет родителей. Жаль, конечно. Наверное, я бы не пережила, если б с моими родителями что-то случилось. Однако такое печальное прошлое не делало Морозова прекрасным человеком, правда же?

— И потом, — тем временем продолжал он, — я с ней часто советовался. А перед смертью она очень переживала, что любимая кафедра, дело ее жизни, пойдет ко дну. Ведь нормальных специалистов там, по сути, больше нет.

Ну вот и здравствуйте! В последнем предложении я уловила снобизм. Да, все сказанное было чистой правдой и кафедра без Краславской наверняка бы загнулась... но вот этот высокомерный тон — как он бесил!

— И вы, значит, приехали, чтобы нас всех спасти? — насмешливо спросила я.

— Я приехал, потому что об этом просила Тамара Михайловна перед смертью. А я чувствовал себя обязанным. Не потому, что хотел. По правде, я не хотел.

— Сожалею, что не знала о ее болезни, — я решила от греха подальше перевести тему. — Но ведь никто на кафедре не знал, почему она это скрывала?

— Такой уж у нее был характер. Держалась, долго боролась, а потом состояние стремительно ухудшилось и она сгорела за пару недель.

Ох. Что-то после этого разговора мне расхотелось идти в кафе. Я уже была не рада, что всё это затеяла — и беседу, и «свидание». Но пути назад не было — мы почти пришли. И не успели переступить порог кафе, как головы всех присутствующих там девушек повернулись в сторону Дениса Сергеевича. Что и говорить, всё-таки он оказывал какое-то магическое воздействие на женский пол. При том, что держался обычно несколько отстраненно, если не сказать — безразлично, полностью оправдывая свою фамилию, — это я еще в универе замечала. Может, специальная уловка или просто самомнение у этого типа зашкаливало — я не знаю, но женщин вот такая его манера себя держать вкупе с привлекательной внешностью и безупречным стилем в одежде почему-то невероятно завораживала.

Конечно, я была счастливым исключением. На меня-то, слава богу, эти дурацкие чары или уловки (или чем он там таким особенным обладал?) совершенно не действовали.

Однако даже у Алевтины отвисла челюсть и чуть не потекли слюни. Э, полегче, систер! Всё же это — мой парень, хоть и фальшивый, а ты скоро выходишь замуж. И твой жених сидит рядом. У Королева, конечно, слюни не потекли, но было видно, что он очень удивлен. Вот так-то, Сережа, выкуси еще раз!

Правда — надо отдать им должное — парочка быстро взяла себя в руки и стала вести себя как обычно — то есть совершенно невыносимо. После приветствий (где все решили

общаться на «ты»), просмотра меню и заказов Аля с Сергеем приступили к своему излюбленному занятию — молотить языком всякую ерунду.

— Извини, что мы так настаивали на встрече, хотя Вика говорила, что вам обоим не до того. Но все-таки ты — взрослый мужчина, а моя сестра, несмотря на ее возраст, еще как ребенок. Она ни с кем до тебя не встречалась, поэтому мы волновались, — сообщила моя сестра.

Вот какого черта такое говорить, а?

— Мы ее очень любим и сильно за нее переживаем, — влез Королев, хотя его об этом никто не просил. — Вика, конечно, довольно взбалмошная девчонка, — например, однажды так веселилась, что спалила себе все волосы... но у нее добрая и чистая душа.

— Да, да... — поддакивала Аля, — но теперь я спокойна — ты не похож на человека, который может испортить ей жизнь.

Сергей при этих словах согласно закивал.

А-ха-ха. Парочка сегодня в ударе, а я вообще не знала, куда деваться от этого ужаса. Морозов, похоже, тоже. Он то странно смотрел на меня, то наклонял голову всё ниже и просто молчал. Но это был еще не конец. Сестра вдруг стала рассказывать о предстоящей свадьбе и свадебном путешествии. А собирались лететь эти голубчики — ни много, ни мало — в славный город Париж.

— Мы с Викой там уже были, — сообщила несносная Алевтина, — но ведь с любимым мужчиной — совсем другое дело, правда? Вы тоже поезжайте, так романтично! Отведешь Викторию на набережную реки Сены...

— Я бы с удовольствием отвел ее на набережную реки Леты**... - пробормотал Морозов, но это эти слова разобрала только я. Ах, вот оно как! Сам туда скоро отправишься, Денис Сергеевич!

— Что? — переспросила сестра.

— Нет, ничего, — промямлил он.

И тут Аля открыла рот и произнесла роковую фразу:

— Ты же придешь на нашу свадьбу?

А Морозов, негодяй этакий, вдруг ответил:

— Конечно, приду!

Кошмар! От пережитого после этих слов шока я почти не помню, чем закончилось «свидание», но помню, как отчитывала Морозова, когда мы остались наедине:

— Зачем сказали, что придете?

— Потому что я приду.

— Зачем?

— Считай — бонусное свидание. Нужно же быть последовательными во вранье. Я так понял, ты долго легенду создавала, старалась, — он хмыкнул.

□

— Ничего я не старалась — всё нечаянно вышло!

— Что-то слишком многое у тебя нечаянно выходит.

— Ах! В этот раз — честно! — нечаянно!

— В этот раз? Ха-ха.

Ой, кажется, я проговорила. Ну да что теперь поделаешь?

— Я не в себе была, когда это напридумывала, иначе не объяснишь. Да и не хочу объяснять, хватит! Только... э-э ... всё же хотела сообщить, что они несли полную чушь про

меня, неправду.

— А в чем неправда? На самом деле ты втайне от родных ведешь порочный образ жизни? В перерывах между охотой на Шекспира охотишься на мужчин?

Нет, ну вот как с таким человеком разговаривать? Я замолчала и отвернулась.

— В общем, как знаешь, — он наконец завершил этот неприятный разговор. — Если настаиваешь — я не пойду. Но ты подумай.

Тут и думать было нечего — я вовсе не собиралась идти на свадьбу сестры с этим ужасным типом, и вообще впредь намеревалась держаться от него как можно дальше, да только тем же вечером подслушала разговор Альки с Королевым.

— Нет, ну ты видел, как он на неё смотрит? — вопрошала Алевтина. — Вот это даааа... Он ее действительно любит.

И снова а-ха-ха. Тоже мне, знаток человеческих душ! За столько лет не смогла разобраться, что у нее под носом происходит. Не соображаешь ты, сестричка, ровным счетом ничего.

— Согласен, — прогундел Королев (и этот туда же!). — Но...

— Но?

— Что-то насчет Вики я не уверен. Она странно себя вела.

— Может, просто стеснялась?

— Не знаю, не знаю. Не похоже, что у нее — любовь.

Слова Сергея окончательно вывели меня из себя. Ну всё, дорогие мои, терпение кончилось. На свадьбе вам устрою — такое, что вовек не забудут!

Поэтому я согласилась. Сказала Морозову, что мы пойдем вместе.

И, конечно, устроила на свадьбе... правда, не им, а себе — такое, что вовек не забыть.

---

* дролери — причудливые (иногда маргинальные) рисунки на полях средневековых манускриптов

** Лета — река забвения в древнегреческой мифологии.

□

ГЛАВА 15. БУРЯ

Безусловно, Королев сильно ошибался, заявляя, что у меня добрая и чистая душа.

Это в детстве я не знала плохих чувств. Помню, мне попалась книга под названием «Зависть». Я смотрела на потрепанную желтоватую обложку и пыталась представить эту самую зависть. Как она выглядит? Какой у нее вкус, цвет и запах? Я разбирала ее по буквам, пыталась растянуть по слогам, перекатывая их во рту, как леденцы. Но это были только буквы и только слоги, совершенно бессмысленные. Зато теперь они приобрели такую осмысленность, от которой хотелось выть.

Я завидовала своей сестре, хотя она была ни в чем не виновата, и чувствовала себя чудовищем. Невероятная ирония судьбы состояла в том, что центральный ЗАГС города, где и должна была проходить церемония бракосочетания, находился как раз напротив нашего факультета. Эти два здания разделяла лишь узкая аллея, и празднично одетые люди по пятницам часто бродили под окнами филфака. По субботам — как сегодня — они тоже бродили, просто у меня в этот день выходной.

Иногда мы с Машкой хихикали над невестами — «бедные, бедные!» — и обсуждали их наряды, а когда у меня было особо игривое настроение, я открывала окно, садилась на подоконник, грызла яблоко и отпускала шуточные реплики — «Эй, подруга, зачем тебе это нужно? Беги отсюда, беги скорее!». Одна из невест как-то засмеялась и крикнула в ответ: «Подруга, от любви не убежишь!»

Но от горечи тоже не убежишь. Я уверила себя, что в моей жизни больше нет места для любви, что я не хочу выходить замуж... но было ли это правдой? Трудно сказать. И сейчас, маясь у входа в ЗАГС, я с тоской смотрела на второй этаж филфака — кафедра, родная кафедра! Как хотелось бы в этот момент оказаться на работе! Я бы даже согласилась набирать морозовские тексты, только б не находиться там, где находилась. Стояло бабье лето, день выдался очень теплый, а я все сильнее заворачивалась в накидку, отгоняя мысли о том, что мне предстоит пережить.

Неделя перед свадьбой прошла как в тумане. Накануне этого дня я всю ночь не могла уснуть, а уже с шести утра домашние были на ногах — началась подготовка.

Надо сказать, сестра сделала все, чтобы привести меня в божеский вид, но, похоже, перестаралась. Она пригласила парикмахера и визажиста, которые колдовали надо мной часа три. Сестра настрого приказала все это время не заглядывать в зеркало, да мне было и неинтересно. Когда меня наконец оставили в покое и дали возможность одеться, Алевтина ахнула:

— Викуля! Да ты же... ты... настоящая красавица!

Она подвела меня к зеркалу. И то, что я увидела, повергло в шок. Девушка, которая отражалась там, действительно выглядела красивой. У нее был восхитительный цвет лица, идеально очерченные губы, большие миндалевидные глаза, тонкая талия, стройные ноги, а волосы (что сделали с моими волосами?) отливали золотом и спускались мягкими волнами до самой талии. Только вот было в этом образе что-то... слишком чувственное, слишком пугающее...

Может быть, платье виновато? Очень откровенное — где были мои мозги, когда я его выбирала? Как показаться в таком виде на людях? Как показаться в таком перед...

Я попятилась назад и заныла:

— Аля, миленькая, у тебя же много платьев, я знаю! Дай мне другое, пожалуйста, пока не поздно!

— Какое еще другое? Они все на тебя большие будут! И вообще — не выдумывай, шикарно выглядишь!

— Да какое там шикарно! Одно неловкое движение — и грудь вывалится!

— Всё будет нормально! Или... чего ты боишься? Что твой любимый окончательно сойдет с ума? Но он и так уже...

Конечно, я тут же ее перебила:

— Дай хотя бы накидку!

— Дам, но только — для улицы. Если начнешь и в ресторане в нее заворачиваться, подойду и разорву в клочья. И тебя, и накидку, — сообщила вредная Алевтина.

Наконец, после всех сборов и выкупа невесты с глупыми конкурсами, мы приехали к ЗАГС. Морозов должен был подойти прямо туда — ведь, как известно, он жил в «пяти минутах ходьбы». После этого предстояла еще одна ужасная процедура — знакомство Дениса Сергеевича с родителями, а потом — и с другими родственниками. Да, я была явно не в себе, когда затеяла эту историю с фальшивым возлюбленным и согласилась привести его на свадьбу сестры.

— Вика! — я повернулась и увидела Морозова. Брови его удивленно поползли вверх, но я сразу же строго осадилась этого типа:

— Предупреждаю сразу — не пяльтесь! Особенно — когда накидку сниму!

— Гм... вообще-то, и не собирался пялиться, — с насмешкой произнес он, а потом отвел глаза и пробормотал, — да я и не люблю, когда всё открыто — нет простора для фантазии. В котарди было гораздо лучше.

— Чегооо? — возмутилась я. — Какой еще фантазии, что вы несете?

— Я пошутил, чего ты напряглась?

Ха-ха, как смешно. погоди, Денис Сергеевич, я с тобой сегодня тоже пошучу.

Но сейчас времени было в обрез, и я повела Морозова знакомиться с родителями. В тот момент мне было невыносимо стыдно, что вранье зашло так далеко, хорошо хоть у родителей в этот день и без меня было забот невпроворот — знакомство прошло довольно быстро.

После ЗАГСа мы поехали на базу отдыха. Да-да, вы не ослышались! Жених с невестой были настолько отчаянными, что для толпы гостей — почти двести человек! — сняли целый гостиничный комплекс — на все выходные! Хорошо, что погода стояла чудесная, а вот если б лил дождь — страшно представить, что бы там творилось.

Вечер начался более-менее нормально, насколько слово «нормальный» было применимо к моей ситуации. Только два момента весьма напрягли. Первый: многочисленные родственники время от времени подходили к нам и беспардонно интересовались, когда же настанет моя (точнее — о ужас! — наша с Морозовым) очередь сочетаться браком. Второй: на свадьбе каким-то образом оказался нервный режиссер!

— Кто это? — негромко спросила я у сестры и кивнула в его сторону.

— Где? А, это — муж Сережиной начальницы, работает в ТюЗе, а что?

— Нет, ничего, — ответила я и отошла подальше — общаться с этим товарищем особого желания не было.

По счастью, режиссер меня или не узнал, или не заметил, а наши столики были далеко, так что я успокоилась. До поры до времени всё шло своим чередом, ничего особенного не происходило. Ну, если не считать того, что я чуть не разревелась во время криков «горько!» и танца жениха с невестой.

Неприятности начались, когда пришел тамада с сундучком для денег — Морозов откуда-то вынул конверт и сунул его в этот сундучок — я и глазом моргнуть не успела. У меня чуть истерика не началась.

— Что вы сделали? Что вы только что сделали? — завопила я (хорошо хоть, громко играла музыка и мы были вдвоем за столиком). — Зачем вы положили туда этот конверт? Мы так не договаривались!

— Мы вообще никак не договаривались, но надо же поддерживать легенду.

— Сколько там было денег? Я отдам! — завопила я еще громче. — Не нужно мне от вас ничего!

— Виктория, тише, успокойся!

— Как я могу успокоиться? Сначала вы предъявляете счет за костюм и мучаете меня ужасной отработкой, а теперь — устраиваете такое?

— Успокойся, говорю!

— Да не успокоюсь я!

— И что сделаешь? Воткнешь нож мне в глаз? — хмыкнул Морозов.

К сожалению, в этот момент наступила пора метания букета. Сразу захотелось уползти под стол, а вместо этого меня чуть ли не пинками втолкнули в пеструю толпу девушек. Я старалась спрятаться за их спинами, но Аля закричала: «Сестричку мою давайте-ка сюда, вперед!» — и меня вытолкали вперед. И чертов букет полетел прямо в меня. И я его поймала.

Конечно, это было нечестно, Аля специально всё подстроила, поэтому такое не считается! Но все равно я кусала губы от досады — ведь это чистейшее издевательство, когда букет летит прямо в руки девушке, которая никогда не выйдет замуж.

А сестра с Королевым, да и мои родители, хихикали и подмигивали, как будто это очень смешно.

И Морозов смотрел на это всё с такой странной усмешкой, что хотелось вцепиться ему в лицо и расцарапать как следует, чтоб эту усмешку стереть. Он так меня разозлил, что я решила — в дальнейшей игре пощады для него не будет.

А ведь сперва думала повернуть дело тихо-мирно. Что именно повернуть? Хотела разыграть с ним что-то типа любовной сцены — так, чтобы это увидели Королев и моя сестра. Но теперь подумала — пусть увидят все. Сначала удача была на моей стороне — тамада объявил конкурс среди неженатых и незамужних на самую страстную и романтическую пару. Я долго наблюдала, как парочки выходили на сцену и демонстрировали невнятную белиберду, а Сергей с Алькой тем временем снова мне подмигивали и ехидно посмеивались.

Когда фантазия у парочек иссякла и тамада спросил — «Еще желающие есть?», — я встала из-за стола и сказала — «Да, есть!», взяла Морозова за руку — и, не успев глазом моргнуть, — вывела его на сцену.

Денис Сергеевич продолжал усмехаться, выводя меня из себя еще больше. Я попросила выключить свет, лишь немного подсветив сцену, — зал погрузился во тьму, все вокруг замолчали.

Пару секунд мы просто стояли друг напротив друга, потом я сделала шаг вперед — ближе, еще ближе... Подойдя к Морозову вплотную, я откинула волосы, пристально посмотрела ему в глаза, слегка провела рукой по его скулам, подбородку... А затем, коснувшись пальцами его губ, произнесла:

— Ты говоришь, что нет любви во мне.

Но разве я, ведя войну с тобою,

Не на твоей воюю стороне

И не сдаю оружия без боя?

Я хотела просто прочесть этот сонет. ПРОСТО! ПРОЧЕСТЬ! ЭТОТ! СОНЕТ!

Но от моего взгляда и прикосновений Морозов странно вздрогнул, перестал улыбаться. Внезапно он одной рукой обнял меня за талию и прижал к себе, а другую запустил мне в волосы. Затем, приблизив свое лицо к моему, точнее — свои губы к моим губам, — продолжил:

— Вступал ли я в союз с твоим врагом,

Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?

И разве не виню себя кругом,

Когда меня напрасно ты обидишь?

Какой заслугой я горжусь своей,

Чтобы считать позором униженье?

Твой грех мне добродетели милей,

Мой приговор — ресниц твоих движенье.

В твоей вражде понятно мне одно:

Ты любишь зрячих, — я ослеп давно.

Отчего-то с каждым его словом мне становилось все труднее дышать, во рту пересохло, колени подогнулись, сердце бешено заколотилось, а после заключительной фразы в груди вдруг вспыхнул такой безумный огонь, что даже в глазах потемнело, и я чуть не потеряла сознание. Я обхватила Морозова за шею, еще сильнее прижалась к нему — чтоб не упасть — и вдруг почувствовала, что его сердце бьется так же сильно, как и мое.

«Да что же это происходит? — подумала я в растерянности. — Если всего лишь притворство заставляет людей пережить такое, то на что же тогда похожа настоящая страсть?»

Вспышка света немного привела меня в чувство. Сначала в зале стояла тишина, а затем раздались такие аплодисменты, что я едва не оглохла. Недоуменно оглядываясь вокруг, я с запозданием подумала, что, наверное, наше выступление выглядело со стороны довольно неприлично. При этом мы выиграли дурацкий конкурс, однако легче не стало.

Пока мы принимали поздравления, Морозов по-прежнему придерживал меня за талию.

Конечно же, подскочил режиссер — теперь он нас узнал — и, с радостными воплями — «Так вы что — встречаетесь? Так вы что — шифровались тогда? Ну, вы даёте...» похлопал Морозова по плечу.

Когда удалось отделаться от этого навязчивого внимания, Денис Сергеевич подвел меня к нашему столику и усадил на стул. Я набралась смелости и посмотрела ему в глаза — думала, он снова начнет ухмыляться в своей обычной манере. Ничего подобного — в его взгляде не было и намека на усмешку.

□

А что было? Я не знаю... но почему-то пожар во мне стал разгораться с новой силой. И я придумала весьма необычный способ его потушить — выпила бокал вина. Морозов продолжал молчать и по-прежнему не сводил с меня глаз, а потому я выпила еще и еще, еще и еще... Что было дальше, сказать не могу, потому что сознание отключилось и я погрузилась во тьму.

Счастливое неведение — как оно прекрасно! Но пробыть в этом состоянии мне довелось недолго, ибо, когда тебя окружают *противные люди*, они непременно напомнят о том, о чем бы ты предпочел навсегда забыть.

---

* По официальной версии, Кристофер Марло погиб из-за удара в глаз ножом (ссора произошла в таверне из-за денег), это событие известно как «большой расчет в маленькой комнате»; отсылки к этому событию встречаются у Шекспира — например, в пьесе «Как вам это понравится» и в 74 сонете.

149 сонет Шекспира, который читают герои в этой главе, приводится в переложении Маршака.

ГЛАВА 16. GAME OVER

О, как хочется спать! И кому же это пришло в голову слать сообщения в такую рань? С закрытыми глазами я потянулась за телефоном, но, взглянув на экран, моментально подскочила с кровати. Телефон был не мой. Кровать была не моя. Комната была не моя!

Где я, черт возьми?!

Из книг и фильмов давно известно, что если девушка просыпается утром в незнакомом месте и не помнит, как она там оказалась, — это плохая новость. Но если при этом ее платье и всё, что под ним, на месте, — это хорошая новость. Я проверила — платье (и все, что под ним) было на месте. Правда, возникли опасения, что это окажется единственной хорошей новостью за весь день.

Я огляделась вокруг. Кровать. Тумбочка, на которой еще недавно заряжался *не мой* телефон. Плазма на стене. Кресло. Обстановка не говорила мне ровным счетом ни о чем. Я подошла к окну и выглянула на улицу. Улица показалась очень знакомой. Кажется, соседняя с нашим факультетом.

Неужели я дома у...

— Доброе утро! — услышала я голос Дениса Сергеевича за своей спиной.

Повернувшись, увидела, что он стоит у входа в спальню с двумя пакетами. Вид такой, будто только вернулся с курорта. Правда, волосы лежали слегка небрежно, но, наверное, не сравнить с тем, что сейчас у меня на голове. Хотя... о чем я думаю? Какие еще волосы, когда постель передо мной похожа на поле битвы?

Тем временем Морозов как ни в чем не бывало потряс в воздухе одним из пакетов и вытащил оттуда маленькую бутылочку:

— Спускался за покупками. Купил позавтракать, а еще взял тебе зубную щетку и вот это — средство от похмелья. Говорят, помогает, — попробуй! — он протянул бутылочку и сделал шаг вперед, но я прижалась к подоконнику.

— Что вы... что мы... что я здесь делаю? — это всё, что мне удалось выдать.

— Извини, Виктория, но у меня не было другого выхода. Точнее, — у тебя не было другого выхода. Если бы я не привез тебя сюда, то примерно двести человек узнали бы о твоей горячей любви к Сергею Королеву.

— Что? — упавшим голосом переспросила я.

— Сначала ты напилась, потом долго рассказывала мне о порочном влечении к мужу сестры, затем стала ныть, какое ты чудовище и решила прилюдно покаяться. Что мне еще оставалось делать? Твоим родителям я сказал, что отвезу тебя домой — они были не против. Правда, я не уточнил, к кому домой. Они до сих пор на базе отдыха, так что не волнуйся, — Морозов усмехнулся, — твоя честь не пострадает.

Я была в шоке.

— Что? Я правда такое говорила? — пробормотала я.

— О, чего ты только не говорила! Вот — записал по дороге домой, — он поставил пакеты на тумбочку, взял в руки телефон и включил запись.

«Говорят, что мужчины — козлы, но это — слишком банально, — звонким голосом сообщала я. — Давайте придумаем другую классификацию. Например — мужчины — не козлы, а бараны. Первая разновидность будет, предположим, — баран обыкновенный. Эти бараны самые безобидные, — типа соседа дяди Саши, который уже десять лет долбит стену в

воскресное утро. Ну, или Анисимова, который не понимает, что такое «gesir desoubz son seigneur». Следующий тип — баран упертый — как раз Королев. Я уже говорила, что безумно влюблена в Королеву? — уточняла я. — Говорила. За вечер — раз сто как минимум, — подтверждал голос Дениса Сергеевича. — Так вот, — продолжала я, — эти бараны как упрутся в одни ворота — и всё! Дальше этих ворот не видят.

А есть еще одна разновидность — баран королевский — это упертый баран в квадрате. Кстати, Денис Сергеевич! Я же посмотрела, когда у вас день рождения — в ноябре, да? По знаку зодиака, значит, Скорпион. Интересно, почему меня это не удивляет? Ну ладно, не будем отвлекаться, вернемся к нашим... ахах... баранам. Так вот — королевский баран, обладая упертостью в квадрате, никогда не признает свою неправоту. Будет утверждать, что у меня нет будущего, вместо того, чтоб пошире раскрыть глаза и признать — мои работы просто ше-дев-раль-ны! А потому на всероссийском конкурсе баранов этот вид непременно занял бы пер...»

— Хватит! — я выхватила из рук Морозова телефон. — Довольно!

Потом присела на кровать и обхватила голову руками:

— Кошмар. Настоящий кошмар. Мне очень неудобно, простите.

— Но это еще не всё, — сказал Морозов.

— Что еще? — я с подозрением покосилась на кровать.

— Ты все-таки сначала выпей это, — он снова взял в руки бутылочку, открыл ее и протянул мне. Я выпила, после чего он куда-то вышел и вернулся уже с моим телефоном.

Там было сообщение от Али: «Сестричка!!!!!!! Ты — огонь!» с прикрепленным видео. Включив его, я замерла от ужаса. На записи я бодро вышагивала по сцене с микрофоном и пела: «Я так мечтаю выйти замуж за Морозова, я так носить его фамилию хочу! А он такой холодный, как его фамилия, он никогда не говорит мне теплых слов! Ах, красота моя, выходит, ты — бессильная, не можешь ты разжечь в душе его любовь!» После этих слов я подскакивала к Морозову, плюхалась к нему на колени, обнимала за шею и проводила рукой по его волосам.

Нет, это невыносимо! Я отключила телефон и закрыла лицо руками.

— Кстати, неплохо поешь, — заметил Морозов.

— Да-да, издевайтесь теперь! Но знайте — мне действительно очень, очень стыдно. Я ни разу в жизни так не напивалась, не знаю, что такое нашло.

Он присел в кресло напротив меня и сказал совершенно бесстрастным тоном:

— Ладно, проехали. Перестань посыпать голову пеплом. Ну пыталась ты зачем-то доказать, что у тебя бурная личная жизнь, перестаралась... только это уже не имеет значения. Все позади, сейчас ты примешь душ, позавтракаешь и отправишься домой.

— Вы сердитесь на меня?

— Что? Нет, с чего бы! Это было даже немного... забавно, но теперь игра окончена. Я свое обещание выполнил — надеюсь, ты свое тоже исполнишь и в личном плане наши пути больше никогда не пересекутся.

Все эти речи в переводе на русский, несомненно, означали — «как ты меня достала, вали уже отсюда». И только теперь я осознала, насколько глупо и бессмысленно было затевать эту игру. Правда, — зачем? Что и кому я хотела доказать? Королёву? Да ему плевать на мою «бурную личную жизнь» и всегда будет плевать. В конце концов я ничего не

добилась, только опозорилась по полной программе. Но слова Дениса Сергеевича почему-то меня задели.

Я подняла голову — посмотрела ему в глаза. И не увидела там ничего, кроме безразличия и холода. От вчерашнего странного наваждения не осталось и следа. Хотя — с чего бы остаться какому-то следу? Наступил новый день, игра и вправду закончилась, и сейчас рядом был просто Морозов — человек, которого я не переношу. Человек, который чтением глупого сонета никак не мог заставить мое сердце биться сильнее.

Пора собираться и ехать домой, но сначала — всё же задать еще один волнующий вопрос.

— Скажите, а мы... э-э... спали здесь? То есть — в одной постели?

— Извини, у меня только одна кровать. Но насчет спали — громко сказано. Потому что я, например, при всем желании не мог заснуть. Ты всю ночь пыхтела, как паровоз, каталась из стороны в сторону и забрасывала на меня ноги. Ах, да — еще несколько раз порывалась снять платье, потому что оно тебя душит, но сама не могла этого сделать, а я помочь не решился.

Я снова схватилась за голову:

— Ужас!

— Ладно, ты идешь в душ? — по-прежнему безразлично уточнил Денис Сергеевич.

Я кивнула, но тут у него зазвонил телефон — кто-то упорно хотел Морозова в это утро. Он ответил — я лишь успела заметить, что голос в трубке — женский, потому что потом Денис Сергеевич ушел в другую комнату. Интересно, после той истории у него что-нибудь завязалось с Бесединой? Хотя почему мне это должно быть интересно — пускай он хоть весь факультет пере...

Я зачем-то пересела в кресло, где только что сидел этот ледяной человек. Кресло было на удивление теплым. Потом мне стало скучно, я подошла к окну и начала разглядывать прохожих.

И всё-таки — сколько можно разговаривать? Я сейчас уйду. Честное слово, молча соберу вещи и уйду, а он — пускай трындит хоть до вечера. Не нужны мне ни завтрак его, ни душ. Или подождать?

Я опять присела в кресло и погрузилась в тягостные мысли.

— Ну что, идем?

Неужели? Наконец-то изволил освободиться! Я кивнула, вышла в коридор и пошла вслед за Денисом Сергеевичем, но по пути вдруг увидела комнату с кодовым замком. Никогда не встречала подобного в квартирах. Несмотря на подавленное состояние, природное любопытство взяло верх — я остановилась.

— Ты чего? — он обернулся.

— Денис Сергеевич, а что там? — спросила я. И внезапно решила «пошутить». — Комната с плетками?

— С плетками? — он усмехнулся. — Виктооория... да ты что? Такие книги читаешь?

Я покраснела, а он продолжил:

— На самом деле, все намного хуже.

— Хуже? Боже, я теперь ночами спать не буду.

— Хочешь посмотреть?

— Еще бы!

Он подошел к этой двери, набрал код, распахнул ее и сказал:

— Ну, смотри!

Я зашла внутрь, и у меня глаза на лоб полезли.

ГЛАВА 17. ТАЙНАЯ КОМНАТА

Комната сверху донизу была забита книгами. То есть забита — даже не то слово — я в жизни такого в квартирах не видела! Там стояли огромные стеллажи — до самого потолка, как в библиотеках.

Я прошла вглубь, оглядываясь по сторонам, и вдруг увидела... увидела...

НЕУЖЕЛИ?

— Разворот фламандского черного часослова!

Лист иллюминированного Евангелия из Кентербери сразу же померк в моих глазах.

— Угу, — снова своим безразличным тоном подтвердил Морозов, и мне захотелось его убить. Как можно оставаться таким холодным, когда у тебя под носом подобное сокровище? Да я бы поселилась в этой комнате — не выходила бы отсюда до конца своих дней!

Я уставилась на разворот, не в силах отвести взгляда. Просто поверить не могла, что чудо было так близко, а я даже не догадывалась об этом.

— Могу я...? Можно мне его... потрогать? — наконец с трудом выдохнула я.

— Да, конечно, — он открыл стеллаж, достал манускрипт, отдал его мне и отошел в сторону.

Морозов, миленький, какой ты добрый, — век не забуду!

Правда, после этого я моментально забыла о существовании Дениса Сергеевича. Да и остального мира тоже. В благоговейном трепете я опустилась на колени, продолжая держать разворот в руках, но никак не решалась его потрогать. Потом все-таки прикоснулась — слегка, кончиками пальцев. Затем, войдя во вкус, начала его поглаживать и в то же время — внимательно рассматривать. Два листа были прикреплены к необычному переплету — кожаному, похожему на кожаную папку. От нее исходил невероятно дурманящий запах, и сочетание этого запаха с безумной радостью от прикосновений к мечте толкнуло меня на дикий поступок — я резко и совершенно неожиданно для себя наклонилась и провела языком по краю переплета — прямо на границе с листами.

Денис Сергеевич закашлялся. Трындееец! Я совсем забыла, что не одна. Повернув голову, я увидела, что Морозов смотрит на меня потемневшими и расширившимися (от ужаса?) глазами. Боже, что я наделала! Наверное, со стороны это выглядело кошмарно. И совершенно определенно указывало на то, что я в состоянии испортить ценную вещь.

— Вика, — спросил Морозов странным хриплым голосом, — что ты... делаешь?

— Аййй! Простите, Денис Сергеевич! Я его не повредила, совсем не повредила! — от страха, что у меня сейчас заберут манускрипт и выгонят из этой комнаты (когда я еще не всё успела рассмотреть) я заверещала на всю квартиру.

Но он, словно не слыша моих извинений, произнес:

— Отдай его мне.

Несмотря на тяжесть преступления, мне совсем не хотелось расставаться с драгоценным экспонатом, и я отступила назад, прижимая разворот к себе.

— Денис Сергеевич, с ним совсем-совсем ничего не случилось, клянусь!

— Вика, — он стал приближаться и опять повторил странным голосом:

— Отдай. Его. Мне.

Делать нечего, я протянула ему папку. Он задумчиво на нее посмотрел, а потом вдруг провел пальцем там, где все еще оставался влажный след.

— Вот видите, — сказала я, — с манускриптом всё в порядке! Пожалуйста, верните его — хоть на несколько минут! Честное слово, в жизни больше так не поступлю!

Морозов поднял глаза, и вид у него стал какой-то растерянный, если не сказать — потерянный. Он быстро сунул папку мне в руки и вдруг попятился назад, бормоча:

— Я... наверное, сначала я... схожу в душ, а потом — ты, — после этих слов он чуть ли не пулей вылетел из комнаты.

Я тоже растерялась и, выглянув в коридор, крикнула ему вслед:

— Вы что же — оставляете меня здесь одну? И можно смотреть, что угодно?

— Да! Делай, что хочешь, — донесся издали его голос.

Ну и дела! Не знаю, что случилось с Морозовым, но я чуть с ума не сошла от счастья. Не выпуская из рук папку, я начала рассматривать книжные полки и поняла, что фламандский манускрипт был самым древним, но, скорее всего, не самым дорогим из всего, что здесь находилось. Тут было много первых или просто редких изданий самых разных книг — я о таком и мечтать не могла!

Интересно, возможно ли хоть что-нибудь выпросить почитать? И, кстати, где до сих пор хозяин этих сокровищ? Рассматривая книги, я потеряла счет времени — но, кажется, времени прошло немало.

В задумчивости потянув к себе одно из изданий «As You Like It» (их тут был не один десяток), я заметила между книгами открытку и вытащила ее на свет. Открытка была из какого-то музея.

Что за...???

— «Madonna de Augustin», — прочла я вслух, — да она же похожа... похожа на...

— ... на тебя?

От голоса Дениса Сергеевича я вздрогнула. Повернувшись, увидела, что он стоит, прислонившись к дверному косяку, и наблюдает за мной.

— Откуда это у вас?

— Не у меня. Она тут уже была, когда я приехал. Ты закончила?

Он что — покраснел при этих словах или мне показалось?

Я кивнула, расставила книги по местам, засунула открытку обратно и — наконец-то! — добралась до ванной комнаты. Она оказалась довольно просторной — там была как ванная, так и душевая кабина.

Увидев себя в зеркале, я содрогнулась. Вот почему Морозов так настойчиво посылал меня в душ! «Макияж очень стойкий», — обещал визажист, — «выдержит любые испытания». Ага, но явно не такие, каким я его подвергла. Тушь и тени под глазами осыпались, образовав темные разводы.

— Вот. Возьми, пока не высохнешь. Думаю, тебе понравится. — Морозов с насмешкой протянул мне какую-то майку.

Я развернула ее и остолбенела. На майке была надпись — «quod me alit me extinguit» — «что меня питает, то меня гасит». Но... ведь по смыслу эта фраза была той же самой, что и фраза на моей сумке?

— Это из «Перикла» Шекспира, ты разве не знала? — он снова усмехнулся. — Когда-то девиз мне понравился и я заказал себе это.

Я была в шоке.

— Только эта фраза — не про ненависть. Я думаю, она — о писательском труде, — продолжил Морозов и запнулся.

Но меня заинтересовало другое.

— Вот как значит, да? — мысль о писательском труде я пропустила мимо ушей. — А откуда бы Шекспиру знать девиз Марло, если даже весь мир узнал об этом совсем недавно, можете объяснить? — я так разволновалась, что подошла к Морозову вплотную.

— Виктория, — он сделал шаг назад и прижался к душевой кабине, но я не собиралась отступать и снова приблизилась к нему, — ты... правда считаешь, что сейчас подходящее время и место это обсуждать?

Со стороны ситуация действительно выглядела немного странно — воскресным утром я прижимаю молодого красивого мужчину к душевой кабине и, размахивая его майкой, пытаюсь разрешить шекспировский вопрос. А еще — как на грех! — приблизившись к Денису Сергеевичу, я вдруг почувствовала на его всё еще влажной коже какой-то совершенно дурманящий запах и безотчетно потянула носом, вдыхая этот запах.

Пожалуй, если до этого момента у Морозова еще оставались сомнения в моей вменяемости, то теперь они точно улетучились. Он бросился наутек, сообщив, что отправляется на кухню.

Но я так просто сдаваться не собиралась. Забравшись в ванную, я стала обдумывать новую загадку.

— Денис Сергеевич, ответьте мне на один вопрос, — спросила я после того, как с купанием-обдумыванием было покончено, и мы расположились на кухне.

— Какой еще вопрос? — без энтузиазма откликнулся Морозов.

Хочу заметить — после того, как я пощупала манускрипт, настроение несколько улучшилось — я снова стала болтливой и решила не обращать внимания на вредное поведение этого товарища.

— В вашей любимой пьесе «Как вам это понравится» есть фраза, которая относится к дептфордской истории: «это ранит мужчину смертельнее, чем большой расчет в маленькой комнате». И вот как вы объясните, что там употребляется именно слово «reckoning»? Прямо как в протоколе гибели Марло? Напомню, что коронер составлял этот протокол на латыни, а слово «расчет» написал как «le recknyng», почему-то употребив редкое староанглийское слово с французским артиклем. Откуда Шекспир мог знать, что именно этим словом надо обозначать ту историю в таверне, если протокол был засекречен почти четыреста лет?

— Виктория, хватит морочить мне голову, — очень любезно ответил на этот вопрос Денис Сергеевич. — У меня уже давно время поджигает, пора уезжать.

— Хорошенькое дело! — моему возмущению не было предела. — Сначала вы три часа трындите по телефону, потом на полдня закрываетесь в ванной, а теперь, значит, я в этом виновата и «время поджигает»? Просто сказали бы, что не знаете.

— Хорошо, — ответил он, усмехнувшись. — Я не знаю. Если б знал, получил бы миллион долларов от фонда Келвина Хоффмана.

— Вот видите! — я пропустила мимо ушей его иронию и торжествующе подняла палец вверх. — И есть еще многое, чего вы знаете!

Потом я зачем-то повторила — «reckoning, reckoning»... — и вдруг вспомнила:

— Погодите... расчет! Я же снова должна вам деньги!

— Давай ты просто оставишь меня в покое и тогда мы точно будем в расчете? Я правда спешу.

Этот человек определенно обладал талантом заморозить даже начавшее оттаивать настроение. Может, всё же обиделся на барана? Пожалуй, с бараном был перебор. Хотя вон как упирается моим попыткам вывести его на сторону света. Я молча доела завтрак, быстро собралась, вызвала такси и отправилась домой. Но по пути все-таки размышляла о том, как мне *в будущем* подобраться к *тем книгам*. Можно ли хоть немного улучшить отношения с Морозовым и чем придется для этого пожертвовать?

Как вскоре оказалось, то были совершенно глупые размышления. Потому что на следующий день наши отношения вступили в стадию, от которой у меня до сих пор ледяные мурашки под кожей.

□

ГЛАВА 18. COLD WAR

Вернувшись домой, я завалилась спать и проснулась лишь когда вернулись родители. Поначалу они никак не комментировали мое поведение на свадьбе, но я чувствовала — папа собирается что-то сказать. И, скорее всего, это «что-то» мне вряд ли захочется услышать. Так и вышло.

— Вика, — он решил не откладывать разговор и начал его тем же вечером. Мы как раз сели ужинать. — Кажется, твой избранник — неплохой человек, но что-то ты на него слишком насела.

— Чего? — я чуть не подавилась.

— Вы не так давно знакомы, а ты уже песни поешь про замужество. Мужчины такое не любят, даже в шутку.

— Но я...

— Не слушай его, дочь, — улыбаясь, перебила мама. — Мужчины разные. Если человек любит — его ничем не испугаешь. И пример — перед глазами — если б я когда-то не взяла ситуацию в свои руки, твой отец до сих пор ходил бы в холостяках!

Ох уж эта знаменитая история женитьбы родителей! Всё у них было не как у людей — в нашей семье предложение отцу сделала мама. И, как видим, папа совсем никуда не сбежал, а даже наоборот. Но меня, если честно, эта их история немного шокировала.

— Наш случай — счастливое исключение, — парировал папа. — А большинство мужчин такое давление не переносят.

Я почему-то подумала — когда в скором времени придется объявить, что моя личная жизнь булькнула и пошла ко дну, он многозначительно скажет: «Вот! Я же говорил!».

Но это будет после, а пока мне надо было приходиться в себя после бурных событий и возвращаться к нормальной жизни. Я прошла в свою комнату, но делать ничего не хотелось.

Включив ноут, я почему-то полезла смотреть папины ролики. «Пять признаков того, что мужчина в тебя влюблен». «Почему он никогда на тебе не женится?». Ох, зачем я это смотрю, что тут может быть интересного? Кстати — а почему Морозов до сих пор не женился? Или... может, он был женат? А потом жена сбежала, что, — при его характере, — совсем неудивительно. Боже, ну и чушь лезет в голову, мне-то какое дело? И всё же — очень некультурно он меня выставил из квартиры, даже если обиделся.

Я тряхнула головой, пытаюсь сосредоточиться на чем-то полезном, но так ничего и не вышло.

А на следующий день, на работе, я заметила странности. Они наверняка стали происходить еще раньше, просто у меня голова была занята свадьбой и я в упор их не видела.

Теперь же отметила вот что. Когда мы с Машкой в обед сидели в кафе и болтали, мимо прошел Андрей. Я улыбнулась и махнула ему рукой, приглашая присоединиться, но он — улыбнувшись и махнув мне в ответ, — присел за соседний столик. Потом пришел Морозов и тоже сел отдельно — ну, это как раз неудивительно. А вот затем появилась Беседина и... уселась рядом с Андреем, а не с Морозовым!

Что за...?

— Что происходит, Маша? Ты можешь мне объяснить?

— Ах, — ответила она, — не знаю!

Но губы у нее при этом задрожали.

— Маша!

Она вдруг вскочила и выбежала в коридор, но я ее догнала.

— Машуня, да что с тобой?

— Ничего! Ничего — за исключением того, что я переспала с Андреем!

— Чтоооо? Как?

— Да вот так! Помнишь историю с коньяком? Не успели мы тогда зайти на кафедру, как он набросился на меня, и... сама не знаю, как все произошло.

— Но он же...

— Любит Беседину, да? Я знаю. Ах, как мне плохо теперь, зачем я это сделала!

— Прости, но это не ты на него набросилась!

Конечно, я не могла осуждать Машу — ведь, если на то пошло, я тоже — *как бы* — переспала *кое с кем* и тоже не знала, как это произошло. А вот на Андрея я почему-то сильно рассердилась.

— После он сказал, что совсем запутался в себе и ему надо обо всем подумать. Теперь со мной не общается. А почему Беседина сегодня к нему, а не к Морозову прилипла, — не спрашивай! Я понятия не имею! — закончила Мария.

Ох! От мужчин — одни проблемы, это — факт! Как хорошо, что я больше никого никогда не полюблю!

— Только прошу, Вик, пусть это останется между нами! Не веди себя с Андреем так, будто что-то знаешь.

— Почему?

— Ну... — Машка замаялась. — Вдруг потом всё наладится.

— Да что может наладиться? Зачем вообще такое надо — отношения, в которых мужчина даже не знает, кто ему нужен, и болтается из стороны в сторону!

— Конечно, тебе легко говорить! — вдруг заявила Машка. — Но за мной-то красавцы не бегают! За мной вообще никто не бегает!

— Прости? Ты на что сейчас намекаешь? — почему-то после этих слов меня бросило в жар. Я никому не говорила про фальшивые свидания, но вдруг нас с Морозовым кто-то видел вместе?

— Ни на что не намекаю, — Маша, видимо, решила свернуть эту скользкую тему.

— Нет уж! Если есть, что сказать — говори!

— Вика, я сейчас не в себе, извини. Пошли работать.

Я так и не поняла, к чему был тот намек, но если у Машки и имелись какие-то подозрения насчет Морозова, то с того дня они бы непременно испарились. Потому что он перестал меня замечать. Совсем. Приходил на кафедру, слегка кивал и... всё. Не заговаривал со мной, даже ни разу не посмотрел в мою сторону! В один миг я стала для него пустым местом.

Беседина-старшая напирала, заставляя написать заявление на нового научника — я выбрала Анисимова. Морозов и на это никак не отреагировал. Несомненно, после истории со свадьбой и манускриптом он осознал, что я больная на всю голову, и решил меня избегать.

Только... отчего это так задевало? Я чувствовала, что меня прямо распирает с ним поговорить — но почему? Неужели мне были так нужны *те книги*? Я подумала, что на день рождения Морозова испеку для него имбирное печенье, а заодно выпрошу что-нибудь почитать. Только не сдержалась — полезла к нему раньше, и ничем хорошим это не

КОНЧИЛОСЬ.

Я знала, что Денис Сергеевич все-таки стал готовить сонеты для конкурса. Иногда он сосредоточенно писал что-то от руки, а потом всё перечеркивал. Я пыталась подсмотреть, какие сонеты он переводит, но не получалось. Поэтому однажды я не выдержала и спросила напрямую:

— Какой у вас любимый сонет?

— Что? — от неожиданности он вздрогнул.

— Ну, должен же быть любимый? У меня, например...

— Я знаю. Семьдесят четвертый.

— Откуда... Как вы догадались?

— Очень трудно было догадаться, чего уж...

Кажется, я уловила иронию в его голосе, ну да ладно.

— Так какой у вас любимый? И что вы сейчас переводите?

— Какая тебе разница?

Ох. Кажется, подобный ответ я уже слышала, причем не так давно. И вдруг меня понесло.

— Денис Сергеевич, если я вас всё же чем-то обидела, прошу прощения еще раз. Но почему вы так себя ведете? Сказали, что в личном плане наши пути больше никогда не пересекутся — да это и понятно — с чего бы им пересекаться! Но мы же работаем вместе. И что — теперь даже на работе разговаривать не будем?

— Хорошо, — он кивнул, — давай поясню. — Я на тебя не обижаюсь. Но и общаться больше смысла не вижу. Я советовал тебе оставить твои... гм... исследования и заняться чем-нибудь другим. Не потому, что я — плохой. А потому, что знаю, как обстоят дела в академической среде. И знаю лучше тебя — пробиться со своими работами ты не сможешь. Но ты ничего слушать не желаешь. Ладно. Тогда иди своей дорогой, — то есть — в никуда. И, кажется, ты радоваться должна. Когда-то просила, чтоб я отстал от тебя. И я отстал. Что ещё? О чём нам разговаривать?

Вот это послал так послал. Как же я разозлилась на себя! Зачем завела этот глупый разговор? Выходило, что я прямо жить не могу без Морозова и общения с ним.

— Ах, боже мой! — вскричала я в гневе. — Да и не разговаривайте, не очень-то и нужно!

— Отлично, — он отвернулся и снова начал что-то черкать.

Конечно, никакого имбирного печенья в свой день рождения этот человек не увидел. В тот день я его не просто не поздравила — даже не поздоровалась с ним.

И вообще — после того случая мы не разговаривали почти полтора месяца. Это было непонятное время — в моей жизни ничего не происходило, дни были совершенно неотличимы друг от друга. Я тогда не только с Морозовым — и с другими людьми почти перестала общаться. Чета Королевых сняла квартиру в другом районе, и мы редко виделись. У Машки с Андреем так ничего и не налаживалось. Мария нервничала и старалась меня избегать, а с Андреем я и сама не желала вести беседы.

Погрузившись в тягостную рутину, я даже не заметила, как прошла осень и наступил декабрь. Вскоре началась праздничная предновогодняя суета, но я чувствовала себя какой-то опустошенной и странно одинокой.

А ведь недаром в Средневековье к одиночеству относились с недоверием! Считали, что оно открывает дорогу дьяволу. Теперь я уверена — это правда! Потому что иного объяснения тому, что я сделала в новогоднюю ночь, у меня нет.

□

ГЛАВА 19. HAPPY (?) NEW YEAR

Я, конечно, догадывалась, что в новогоднюю ночь меня ничего хорошего не ждет. Тут и догадываться нечего — всё очевидно. Аля с Сергеем улетят в Прагу, родители поедут в горы. А я — как предполагали родные, останусь дома и буду отмечать праздник с «любимым». Да-да, я до сих пор не призналась им, что (больше) никакого любимого у меня нет.

Было ли это с моей стороны проявлением малодушия? По правде, я в то время просто была слишком подавлена. Если бы я во всем призналась, родители прихватили бы меня с собой, тогда как мне совсем не хотелось никуда ехать. Я уверила себя, что прекрасно проведу эту ночь дома.

Но когда накануне все разъехались и я пробыла двое суток одна в пустой квартире, то осознала — я ошибалась. Навалилась невероятная тоска, я пыталась себя чем-нибудь занять, но всё валилось из рук. 31 декабря тоска усилилась и к вечеру достигла предела. Я стала размышлять, как же дошла до такой жизни — в двадцать три года встречать Новый год в полном одиночестве? Неужели моя жизнь идет под откос? От этих мыслей дико захотелось "выйти в свет" — хоть куда-нибудь, только бы не сидеть в четырех стенах.

Я собрала волосы в узел, напаялила на себя что попало и отправилась на работу. Ну как — на работу. Конечно, факультет был наглухо закрыт и проникнуть внутрь не представлялось возможным. Я просто присела на лавку и смотрела на окна кафедры. Почему мне так грустно?

Погода стояла просто волшебная — тихо, безветренно. Снег красиво мерцал от мигающих разноцветных огней, откуда-то доносились рождественские мелодии, группы веселых людей сновали туда-сюда... Какая-то влюбленная парочка остановилась перед входом в ЗАГС, и парень вдруг опустился на одно колено, вытащил коробочку и протянул ее девушке. Она, радостно вскрикнув, кинулась в его объятия.

Почему всё это так невыносимо? Я сходила в ближайший магазин, купила бутылку шампанского, попросила совершенно незнакомых людей это шампанское открыть и только потом вернулась назад. Парочка уже ушла. Я стала пить шампанское, и вдруг пошел снег. Снежинки завораживающе кружились в воздухе и медленно опускались в стаканчик.

И мне вдруг стало так себя жалко! Наверное, я совсем, совсем никчемная. После того как бутылка была изрядно опустошена, в стаканчик стали капать мои слезы. И это странно — ведь, как известно, когда мне плохо, я не рыдаю, а смеюсь. Не успела я об этом подумать, как меня окликнули.

— Вика? Что ты здесь делаешь... в такое время?

Этого еще не хватало! А он-то что здесь делает?

Я быстро утерла слезы — не хватало в очередной раз опозориться! — и вежливо ответила:

— Денис Сергеевич, вас это не касается. Идите, куда шли.

— Вика... — он присел рядом со мной на лавку и попытался рассмотреть мое лицо. — Ты — что? Плачешь?

Я подскочила и закричала:

— Вы что, русского языка не понимаете? Оставьте меня в покое!

Потом резко повернулась, решив убежать, но поскользнулась и упала в снег. Шапка тут же съехала набок, волосы растрепались — выглядела я, наверное, как чучело. Морозов

бросился меня поднимать, я упиралась и отмахивалась, но он оказался сильнее — обнял меня за талию и рывком поставил на ноги:

— Ну хватит, хватит, успокойся!

И тут — вместо того, чтобы продолжить спасаться бегством, — я вдруг прислонилась к его плечу и зарыдала — так громко и отчаянно, как не рыдала с самого раннего детства.

Боже, какой ужас! Неужели я пала так низко, что готова плакать на плече человека, который меня ни во что не ставит? Подумав об этом, я попыталась отстраниться, но он не отпускал. Всхлипывая, я начала бормотать:

— Отпустите меня... Я пойду.

— Куда пойдешь — искать приключений? Кажется, ты снова набралась. Пошли ко мне.

Он взял меня за руку и привел к себе домой. Наверное, я должна была отчаянно сопротивляться и задать вопрос — что происходит? Ведь сейчас праздник и Денис Сергеевич явно куда-то шел — не собирается же теперь отмечать Новый год со мной?

Но мне было так плохо, голова от шампанского кружилась, ноги не держали, язык заплетался, и я почему-то не решилась — или не захотела — что-то спрашивать, а позволила напоить себя чаем и уложить спать. Очень странно, но я так крепко заснула, что даже не слышала звуков петард и салюта. Проснувшись, увидела, что Морозов спит на другом краю кровати — в джинсах и майке, слегка укрывшись пледом. Свое одеяло он любезно предоставил мне.

Который час? Очень хотелось пить. Я тихо поднялась, прошла на кухню, выпила воды и зачем-то заглянула в холодильник. Мда, нормальной еды у Морозова не водилось даже на Новый год. Посмотрев на часы — три утра — я стала размышлять, чем бы заняться, и решила что-нибудь почитать. Конечно, комната с кодовым замком оказалась закрытой, но вдруг есть что-то интересное в открытом доступе? Пройдя по коридору, я обнаружила еще одну комнату — видимо, это был рабочий кабинет Морозова. Я включила настольную лампу на столе и огляделась. Помещение было завалено бумагами. Точнее, — рукописями. Ну и дела! Он и вправду сначала всё пишет от руки?

Я присела за стол и стала рассматривать бумаги. Что это? Прочитав несколько листов, поняла — Денис Сергеевич пишет (или писал?) книгу. В голове вдруг всплыли его слова о писательском труде.

Роман был о человеке, который всю жизнь стремился к одиночеству — до того момента, пока оно не стало неизбежным. Когда этот человек потерял семью, он переосмыслил свои взгляды, но было уже поздно. Писал ли Морозов о себе? Он говорил мне, что потерял родителей, но что с ними произошло, я не знала. А у героя в его книге родители погибли в новогоднюю ночь — их сбил пьяный водитель. С тех пор этот человек не отмечал Новый год, а январь был для него месяцем траура — в это время он носил только черное. В глобальном смысле вся книга была об опыте преодоления смерти — но это было так талантливо написано, что я не могла оторваться, и лицо не высыхало от слез. Почему-то все мои проблемы, переживания сразу показались такими мелкими, незначительными! В конце я уже не сомневалась, над каким сонетом так долго бился Денис Сергеевич — над тридцатым:

Когда на суд безмолвных, тайных дум

Я вызываю голоса былого, —

Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

* * *

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!
Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

Так и оказалось. Я нашла несколько десятков вариантов перевода этого сонета — подстрочник он сделал хорошо, но сложить всё в стихи никак не получалось. И вдруг я взяла ручку и написала свой вариант, оставив его на столе. А потом заметила, что наступил рассвет.

Я снова вернулась в спальню, легла на кровать и стала рассматривать Дениса Сергеевича. В ту ночь я впервые увидела его с новой стороны. Оказалось — он не был поверхностным человеком. Но означало ли это, что, думая о нем плохо, я была ПОЛНОСТЬЮ не права?

Не знаю, почему, — внезапно мне захотелось прикоснуться к Морозову. Поддавшись минутному импульсу, я протянула руку и провела пальцами по его щеке.

Денис Сергеевич слегка пошевелился, но не проснулся, а потом вдруг тоже протянул руку и притянул меня к себе. Сердце мое бешено забилося, — как тогда, на свадьбе, — и снова вспыхнул тот страшный огонь — только теперь он был в сто раз сильнее. Что происходит? Я даже думать об этом боялась. Первый раз все эти симптомы могли оказаться случайностью, но второй...

Из книг и фильмов давно известно — это очень опасные симптомы. Настолько опасные, что я должна была немедленно оттолкнуть этого человека и бежать, куда глаза глядят, а вместо этого я еще сильнее прижалась к нему. И тут Морозов открыл глаза. Несколько секунд мы, не мигая, смотрели друг на друга, а потом он испуганно вскочил с кровати.

— Вика, что... Который час? Я думаю, тебе пора уезжать.

Конечно, мне была пора уезжать. Точнее — улепетывать оттуда, пытаясь навсегда забыть об опасных симптомах. Но я открыла рот и ответила:

— Нет.

— Нет?

— Нет. Еще очень рано, и я хочу спать. Когда высплюсь, приготовлю поесть. И только потом уеду, — завернувшись в одеяло, я отвернулась от Морозова.

Наверное, от такой наглости он впал в ступор, потому что ничего мне не ответил. Сосредоточиться на сне после всего пережитого, конечно, было сложно, но я постаралась.

Когда я проснулась — в полдень — Денис Сергеевич сидел рядом со мной в кресле. Он был одет во все черное и держал в руках лист с моим переводом.

— Ты заходила в мой кабинет? — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да.

— Что-то еще там читала, кроме переводов?

— Нет.

— Вика, честно!

Но у меня не хватило смелости признаться.

— Нет, больше ничего, честно.

По-моему, Морозов выдохнул с облегчением.

— Ну что ж, — он помахал листом, — а это у тебя вообще-то неплохо получилось.

— Я знаю, — скромно ответила я и добавила, — если вы дадите мне другие подстрочники, я еще лучше смогу.

Он покачал головой:

— Серьезно? Хочешь, чтобы мы закончили это вместе?

Я кивнула.

— Вика, можешь обижаться, но я не вполне уверен в твоей надежности, ведь еще недавно ты говорила совсем другое. Нужно закончить работу к середине февраля, ты уверена, что хочешь это сделать? Уверена, что не подведешь меня?

Я снова кивнула:

— Уверена, Денис Сергеевич.

Кажется, именно так я подписала себе смертный приговор.

---

* Сонет № 30 приводится в переложении Маршака.

□

ГЛАВА 20. О ТОМ, КАК ОПАСНО ДЕВУШКАМ ЗАНИМАТЬСЯ ПЕРЕВОДАМИ СОНЕТОВ

— Денис Сергеевич, есть такое явление — мурмурация — когда тысячи птиц, выстраиваясь в определенном порядке, формируют удивительные фигуры. Жаль, что со словами и предложениями всё иначе. Иногда они совсем не желают выстраиваться так, как надо.

Вот уже несколько недель мы с Морозовым работали над переводами сонетов. Началась сессия, но все свободное время нам приходилось проводить вместе. Конечно же, на кафедре.

В основном Денис Сергеевич делал подстрочник, а я перелагала текст в стихотворную форму. Иногда он редактировал мои варианты или предлагал свои. Я никак не могла понять, какие черты заставили меня изменить своим принципам, поддаться непонятной минутной слабости и ввязаться в эту авантюру. А может, тогда я просто не хотела ничего понимать. Раз уж дала слово — надо его выполнять, а не рвать на себе волосы, сожалея о минутных слабостях.

Стихи получались хорошие (мне давно говорили, будто у меня талант в этой области), но время от времени будто находил какой-то ступор. Тогда я пыталась найти способы его преодолеть и делилась ими с Морозовым:

— Хочу заметить, ваш метод — писать всё сначала от руки — тоже, оказывается, помогает!

— Он не всем помогает. В основном — кинестетикам.

— Что?

— Кинестетики — это такие люди...

— Да-да, я знаю, — перебила я его. Еще не хватало слушать лекции о кинестетиках! — Но я усовершенствовала этот метод. Значит, так. Если слова никак не желают выстраиваться в нужном порядке, надо лечь, положив рядом блокнот и ручку. Расслабиться, закрыть глаза, поразмышлять о чем-то приятном. Войти в медитативное состояние, а потом подумать о своем тексте.

Рассказывая, я решила продемонстрировать метод, — прилегла на стол, закрыла глаза и продолжила объяснять.

— Как только слова начнут выстраиваться в голове как надо, хватаем блокнот с ручкой и быстро все записываем. Вот так-то! «Мурмурация слов» — методика Виктории Горячевой.

— Что-то мне подсказывает — этой методике — сто лет в обед, — хмыкнул Морозов.

Не успела я обидеться, как дверь распахнулась и на кафедру влетела Машка. Когда она увидела меня лежащей на столе, то сделала такооое лицо, что захотелось ее придушить.

— Вика, э-э... у меня бумага закончилась, можешь поделиться?

— Конечно, — я вскочила со стола, — бери, сколько нужно.

Когда я передавала ей бумагу, Мария кинула быстрый взгляд на Морозова и вдруг подмигнула мне. Кажется, душевное состояние этой девушки после Нового года значительно улучшилось, раз она стала так кривляться. Что еще за подмигивания? Я собиралась выйти вслед за Марией в коридор и объяснить ей всю неуместность подобных кривляний, но с улицы вдруг донесся такой вопль, что мы подбежали к окну. Была пятница — день свадеб, и прямо под окнами нашего факультета какая-то невеста истошно визжала и лупила жениха букетом, перемежая вопли выдержками из небезысвестного нам словаря.

Морозов засмеялся, а Маша задумчиво посмотрела на него:

— Как думаете, что случилось?

Денис Сергеевич пожал плечами, потерял интерес к этой истории и продолжил работать. Мы досмотрели, как невесту оттащили от жениха, а потом Машка внезапно спросила:

— Денис Сергеевич, а вы когда-нибудь были женаты?

— Что? — Морозов снова засмеялся. — Нет, Мария, я никогда не был женат.

— А почему вы смеетесь?

— Просто я еще не встречал в своей жизни человека, который бы меня не спрашивал о женитьбе — был ли я женат и собираюсь ли жениться.

Как это — не встречал? А как же я? Хотелось возмутиться, но я промолчала.

— Ну, это неудивительно, — сказала Мария, — ведь «все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену. Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочери», — процитировала она «Гордость и предубеждение».

А потом снова подмигнула мне и вышла. Да, девушке явно полегчало. Надо бы намылить ей шею при случае.

Случай представился очень быстро. Не успела я прийти на обед в кафе, как она прискакала следом, села рядом и почему-то шепотом, будто раскрывая страшную тайну, сообщила:

— Я была в деканате и слышала, что скоро везде поставят камеры. Так что вы с Морозовым это... будьте осторожнее.

— Чего?

Кажется, я ошиблась. Девушке не полегчало, а стало хуже — она совсем тронулась головой.

— Маш, что ты несешь? Совершенно по-дурацки шутишь на эту тему уже полгода, но такое говорить, как сейчас... это слишком.

— А вот теперь я как раз и не шучу. Ты стала проводить с ним много времени. Сонеты переводите? Ха-ха-ха.

— Что смешного?

— Нет, ну правда, чем же еще заниматься, оставаясь наедине с Морозовым? Только сонеты переводить, — она засмеялась еще громче.

— Мария, — строго сказала я. — Кажется, у тебя кукуха поехала.

— Нет, ну вы что — серьезно? Только сонеты переводите? Тогда это у вас с кукухой беда. Точнее, у тебя. С Морозовым-то, очевидно, как раз все в порядке — вон, он смотрит так, будто хочет тебя сожрать, а не салат в своей тарелке.

Я посмотрела на Дениса Сергеевича за соседним столиком — он с аппетитом ел свой салат и на меня вообще не смотрел. Правда, вскоре к нему подлетели студенточки и стали о чем-то спрашивать.

— Маш, что за очередная чушь, — возмутилась я и внезапно продолжила, — ведь если даже теоретически — абсолютно теоретически! — представить... ну как можно встречаться с таким мужчиной? На которого все девушки вешаются?

— Встречаться? Разве я говорила — «встречаться»? — Машка снова стала хохотать. —

Какая у тебя фантазия бурная! Еще скажи, что он тебе кольцо подарит и замуж позовет. Нет, подруга, он видимо, уже и не женится. Речь о другом. Привлекательная девушка и красивый молодой мужчина начинают работать над каким-то проектом. Они много времени проводят вместе, и неизбежно наступает момент, когда — бац! — взаимная сопротивляемость равна нулю.

При слове «бац» Мария хлопнула в ладоши — я даже подпрыгнула на стуле. А эта негодяйка тем временем закончила:

— Так вот — я просто говорю о том, что рано или поздно вы окажетесь в одной постели.

«Вообще-то — уже оказывались, и всё обошлось, и даже никакие *опасные симптомы* больше не возникали, так что — отвали», — могла бы ответить я, но ограничилась лишь одним словом.

— Бред.

— Ах, Вика, — вздохнула Маша, — ты совсем не знаешь жизни! Я бы тебя еще больше просветила, но сейчас мне нужно срочно решить один вопрос, так что я побегу.

И снова бросив взгляд на Морозова, она ускакала в неизвестном направлении.

Ах, Мария! Если честно, я бы предпочла совсем не знать жизни, чем узнать ее с той стороны, с какой мне довелось ее вскоре узнать!

И «узнавание» это началось с вполне невинного случая.

Однажды на факультете отключили отопление. Холод стоял собачий, и мы переместились к Морозову домой. Бумаг у нас скопилось уже невероятное количество — мы разложили их на полу в его спальне, потому что кабинет был слишком маленьким для двоих. Пытаясь собрать и сложить листы в нужном порядке, Морозов потянулся и внезапно оказался очень близко. Я — как и тогда, в ванной, — вдруг почувствовала странный дурманящий запах и непроизвольно громко его вдохнула.

Денис Сергеевич, наверное, неправильно меня понял, потому что резко дернулся и сказал:

— Я, наверное... э-э... схожу в душ.

— Только не на полдня, как в прошлый раз, — решила пошутить я, — разве что...

— Что?

— Знаете, я давно хотела попросить у вас некоторые книги. Ну, из той комнаты. Понимаю — не все можно взять, но я выберу не очень ценные. Если вы меня туда запустите, тогда можете сидеть в ванной хоть до ночи.

— Хорошо, — улыбнулся он, — но можешь взять любые, какие хочешь.

Вот это да! Радости моей не было предела! Снова оказавшись в этой комнате, я, как одержимая, стала перебирать книги и откладывать в сторону те, что меня заинтересовали. Но в то же время я не забывала и о сонетах — прокручивала в уме варианты самого трудного на сегодняшний день отрывка. Потом меня вдруг осенило, и я бросилась в спальню за ручкой — надо скорее записать, чтоб не забыть. Но ручка как сквозь землю провалилась.

Я вытащила из сумки телефон — черт, разрядился! Забежав в кабинет Морозова, я увидела на столе закрытый блокнот, а в нем — ручку. Вынув ее, я записала всё, что надо, а потом, решив положить ручку на место, раскрыла блокнот и случайно прочла запись.

«Вика, что ты делаешь? — было написано там. — И что я делаю? У меня почти не

осталось сил сопротивляться. Когда ты рядом, я чуть не...» Продолжение было на другой странице, но дочитывать я не стала. Меня и так бросило в жар, руки затряслись, всё поплыло перед глазами, и я уронила блокнот на пол. Что там Денис Сергеевич «чуть не...», я уже знать не желала.

Меня вдруг охватил какой-то дикий страх. Мигом собрав все свои вещи, я пустилась наутек из этой квартиры, даже одеваться не стала — куртку накинула уже в подъезде, а про шапку и вовсе забыла.

Выскочив на улицу, я побежала куда глаза глядят, совсем не чувствуя холода.

Что это было? Неужели Маша права и Морозов действительно ко мне равнодушен? ААААА, какой ужас, как теперь с ним работать? Как вообще теперь смотреть ему в глаза?

Я даже не помню, как в тот день добралась домой. Дома я то носилась по всем комнатам, как угорелая, то плюхалась на кровать. Телефон — на всякий случай — включать не стала, стараясь отсрочить тягостное признание и выяснение отношений. В какой форме дать отказ?

«Товарищ Морозов! Ввиду наличия обстоятельств непреодолимой силы отношения между нами не представляются возможными».

«Милостивый государь Денис Сергеевич! С глубочайшим почтением и великим прискорбием сообщаю, что выраженные Вами чувства принять мне невозможно».

Черт, как же всё это неловко! И как после такого закончить проект?

Я не спала всю ночь, с ужасом ожидая и нового дня, и объяснения с Морозовым. Уж не знаю, что я там ожидала от него услышать, но... явно не то, что услышала.

□

ГЛАВА 21. ОБЪЯСНЕНИЕ

На работу я ехала в подавленном состоянии. По дороге пыталась отвлечься и стала перечислять в уме всех жен Генриха VIII, но ничего не получалось. Мысли возвращались к одному — удастся ли мне перенести неприятный разговор хотя бы до вечера? Как только я подошла к факультету, поняла — не удастся.

Денис Сергеевич ждал меня на улице, прямо около входа. В руках у него был какой-то пакет. Сердце мое забилося чаще, во рту почему-то пересохло. С трудом сглотнув, я направилась напрямик к своим неприятностям.

— Вика, — сказал Морозов, — я звонил тебе несколько раз, но не мог дозвониться.

Я молча опустила голову, потому что до сих пор не придумала, что говорить.

— Думаю, нужно кое-что прояснить. Знаю, ты зашла в мой кабинет, и... Вообще-то я предпочитаю, чтобы люди оставались в неведении насчет моей личной жизни. Но, раз уж так произошло, скажу. Есть девушка, которую я люблю. Только... все сложно.

Чего? Я чуть не поперхнулась. У него есть девушка? И ее зовут так же, как и меня? Серьезно? Совпадение, конечно, странное, но не фантастическое.

— Только... почему ты сбежала, когда это прочла?

Потому что я дура, вот почему.

— Ты подумала, что я... — он запнулся и пристально посмотрел на меня, — писал о тебе?

— Зачем бы мне такое думать, — невнятно стала бормотать я в ответ, — вы же сами говорили, что между нами ничего не может быть. И теперь это... совершенно очевидно, ведь я... люблю Королева, а вы... эту свою девушку. А почему убежала... да сама не знаю, почему. Вы же знаете, у меня проблемы с головой.

Боже, что за пургу я несу? Лучше б молчала уже.

— Я не думаю, что у тебя проблемы с головой, — сказал Морозов, — просто ты импульсивная и впечатлительная, часто додумываешь то, чего на самом деле нет. Ну да ладно. Я вот тебе принес книги, которые ты отобрала, но в спешке забыла. А сейчас — пошли работать?

Я кивнула.

Конечно, Денис Сергеевич, пойдёмте. Почему бы не поработать, когда всё так прекрасно объяснилось. Ведь мне же невероятно полегчало от ваших слов — прямо гора с плеч свалилась. Я люблю другого, вы любите другую — и никаких тягостных объяснений. Просто чудесно и замечательно, как все вышло.

— Да, — я постаралась выдавить улыбку, — и... это... мне просто была нужна ручка, и я...

— Нечаянно? — он усмехнулся. — Я даже не сомневаюсь.

Мы пришли на кафедру, но сосредоточиться на работе оказалось не так и просто. Я, помимо своей воли, украдкой бросала взгляды на Морозова. У него и правда есть девушка?

А ведь он ходил со мной на свидания! Сонет мне читал, негодяй. И два раза спал в одной постели. У этих мужчин вообще совесть есть — ну хоть чуть-чуть? Неудивительно, что у них «все сложно». Я б на месте девушки Морозова пришибла бы его и за меньшие грехи.

«Ты часто додумываешь то, чего на самом деле нет». Это всё Машка виновата, задурила

мне голову. Хотя я тоже хороша, уши развесила. Разве можно быть такой идиоткой? С чего я вообще взяла, что в меня хоть *кто-нибудь* может влюбиться?

Я отмахивалась от этих мыслей изо всех сил, но они атаковали снова и снова. Морозов поковырялся в телефоне и вдруг сообщил, что ему надо сегодня уйти пораньше. Через два часа и я решила отпроситься домой, но тут на кафедру заглянула Мария.

— Нас вызывают к декану, — сообщила она.

— Что еще случилось? — недовольно фыркнула я. — Конечно, я не могла отругать эту девушку или рассказать о том, что произошло, но злиться-то мне никто не мог запретить?

— Пока ничего говорить не буду. Но ты со смеху умрешь, когда узнаешь.

Я взяла пакет с книгами (не оставлять же такую ценность без присмотра на кафедре?) и направилась за ней. Выяснилось — Маша, как всегда, наврала. Всё оказалось совсем не смешно.

В кабинете декана сидели декан и нервный режиссер. У меня похолодело сердце. Что происходит?

— Это все? — спросил режиссер.

— Нет, еще парочку подкину, — ответил декан и обратился к нам.

— Скоро мы будем ставить «Тристана и Изольду». К 14 февраля или к 8 марта, еще не решили. Но Виктор Алексеевич наотрез отказывается брать на главные роли студентов. Так что играть будете вы. Тебя, Горячева, он выбрал на роль Изольды.

— Что? — возмутилась я. — А зачем нам это нужно? И вообще — во всех универсах в подобных... гм... мероприятиях только студенты задействованы.

«Во всех нормальных универсах» — чуть не вырвалось у меня.

— Видите ли, мадемуазель, я тоже не могу объяснить, почему этот товарищ горит желанием поставить сию дребедень, — вдруг очень вежливо вмешался режиссер и кивнул на декана, — и тем более не знаю, почему он желает видеть в качестве постановщика этой белиберды лишь меня. Но я ему обязан, а потому вынужден согласиться. Тем не менее, мои нервы, знаете ли, не железные, и сил работать с тупыми овцами больше нет. А вас я видел в деле... Хотя разговор надо было начинать не с этого. С твоим... с Денисом я уже договорился, так что... теперь, я думаю, ты тоже не откажешься.

Что? Мое сердце после этих слов похолодело еще сильнее.

«А причем тут Денис Сергеевич?» — хотела спросить я, но испугалась, что режиссер в ответ ляпнет лишнее и промолчала. Надо уходить отсюда скорее, а то Машка стала на меня странно коситься.

— Горячева, какие-то проблемы выполнить мою просьбу? — спросил декан.

— Нет, нет, какие проблемы! — взмахнула я руками и попятилась к выходу.

— Ну вот и замечательно! Вам сообщат, когда начнутся репетиции, — улыбнулся декан.

— А я кого буду играть? — спросила Машка.

— Пока не знаю, — ответил режиссер. — Возможно, Бранжъену.

— Хорошо.

Я продолжила пятиться и наконец оказалась в коридоре.

— И что это сейчас было? — спросила Маша, которая вышла за мной. — Что означает — «с твоим»?

— Откуда я знаю! — огрызнулась я. — Наверное, он хотел сказать — «с твоим

коллегой».

— Ну да, ну да... — задумчиво пробормотала Мария. — Узнав, что он согласен, ты тоже должна согласиться.

— Полная ерунда! — закричала я. — Понятия не имею, что за чушь молот этот человек! И участвовать я нигде не собираюсь.

— Но ты уже дала слово. И вообще — прежде, чем ссориться с деканом, надо обдумать последствия своих поступков. К тому же — всё не так плохо. Прекрасное развлечение — вновь почувствовать себя студентами! И у тебя ведь для спектакля даже платье подходящее есть... как там его... название французское... забыла... — сказала Машка.

Ага, прекрасное развлечение! Я такие «развлечения» и в студенческие годы десятой дорогой обходила! А тут — играть Изольду! С Морозовым? И когда это он успел согласиться? Ну, сейчас я ему устрою!

Маша тем временем расплылась в улыбке.

— Чего лыбишься?

— Я вдруг вспомнила... твой день рождения... мы говорили про Тристана и Изольду, помнишь? И вино — помнишь? А ведь в книге именно Бранжъена угостила Тристана и Изольду заколдованным вином... а теперь... вы... мы... Совпадение? Не думаю. Наверное, я всё-таки — ведьма!

Еще бы не ведьма! Несешь ересь, а потом из-за тебя люди глупости делают! Инквизиция по тебе плачет! Но сейчас мне некогда с тобой возиться, сначала надо разобраться с Морозовым. Отделавшись от Машки, я выскочила на улицу, набрала Дениса Сергеевича и завопила в телефон:

— Что за дурацкая история с постановкой? Почему вы согласились? Разве мы с вами еще не наигрались?

— Меня так упрасивали, что сердце дрогнуло, — кажется, в его голосе я услышала насмешку. — А что такое? Почему ты нервничаешь?

— Потому что по горло завалена работой! Будто других проблем в жизни мало! Одни ваши чертовы сонеты чего стоят!

— Ну вот, приехали! Что ты сказала про сонеты? Разве тебя кто-то заставлял...

Конечно, не заставлял, я сама ввязалась. Где были мои мозги?

— Нет, но...

— Тогда почему теперь кричишь на меня?

Я сделала глубокий вдох. И выдох. Как там учила мама?

И правда — чего я на него кричу? Никто меня не заставлял заниматься этими переводами, сама виновата. А постановка — ну, это всего лишь постановка. К тому же действительно лучше не портить отношения с деканом. Но извиняться перед Морозовым я не стала.

— Ладно, до свидания, — пробурчала я в трубку и нажала «отбой».

На следующий день Морозов вел себя как обычно, и я тоже. Казалось, жизнь вошла в прежнюю колею, хотя иногда в голове всё же вертелись мысли о девушке Дениса Сергеевича, и даже время от времени возникало ощущение, что тут дело нечисто. Но проблема в том, что вскоре произошел совершенно непредвиденный случай, и я потеряла способность рассуждать здраво.

□

ГЛАВА 22. БУРЯ 2.0 (СОВСЕМ ДРУГАЯ БУРЯ)

Дни шли, а я так ни разу и не притронулась к книгам, что принес Морозов. Когда я окончательно осознала, что желание читать у меня почему-то пропало, то решила их вернуть. И выбрала для этого, как оказалось, самый неподходящий момент.

Денис Сергеевич в тот день в универ не пришел. Я пыталась ему дозвониться, но телефон был отключен. Беседина-старшая на расспросы ответила, что Морозов заболел и отпросился с работы.

Ну и ну. Мне что теперь — целый день таскаться с дорожными книгами и снова вести их к себе домой? Через какое-то время пришло оповещение, что владелец этого богатства появился в сети. И почти сразу же он мне перезвонил.

— Что-то случилось?

— Нет, но я... сегодня привезла ваши книги...

— Так быстро прочла?

— Я вообще быстро читаю. Раз уж вы не вышли на работу, могу я их на кафедре оставить?

— Конечно, нет. Как их можно там оставить? Еще и выходные впереди. Если не трудно, занеси мне их домой после работы.

Ну да! Мне же делать больше нечего!

— А вы заболели?

— Не волнуйся, — он странно хмыкнул в трубку, — тебе точно ничего не угрожает.

Что бы это значило?

— Я и не волнуюсь. Ладно, занесу.

Когда я подходила к его подъезду, возникло ощущение, что сейчас произойдет какая-то фигня. В детстве я упала с качелей, и с тех пор у меня остался шрам на левом бедре. Перед всякой фигней он почему-то начинал чесаться и зудеть. Пытаясь отогнать дурное предзнаменование, я позвонила в домофон. Ответил женский голос:

— Да?

— Я... — сначала я запнулась, думая, что ошиблась при наборе цифр, но потом все-таки закончила. — К... Денису Сергеевичу.

— Да-да, заходите.

Стараясь унять странное беспокойство, я поднялась на нужный этаж. Дверь в квартиру Морозова открыла девушка, и... меня бросило в жар. Девушка была невероятно красивой. До этого момента я думала, что такие только в Инстаграме водятся. Несмотря на холодное время года, она была одета в шорты и короткий топ, и нельзя было не заметить, какая у нее гладкая и загорелая кожа. А ноги у этой девушки начинались на уровне моего лица. Но главная проблема была не в этом, а в том, что красавица была слишком... как бы это помягче выразиться? — юной.

— Проходите, — она приветливо мне улыбнулась.

Я сделала шаг в прихожую, но не смогла вымолвить ни слова, просто таращилась на эту девушку. Блин, блин, блин! Денис Сергеевич, чертов извращенец, она хотя бы совершеннолетняя?

— Я — Вика, — продолжая улыбаться, представилась девушка.

— А... я... э-э... я... — я запнулась.

Что мне говорить?

Я — та, что спала с твоим мужчиной. Ходила с ним на свидания и однажды готовила ему завтрак. Проводила с ним в последние недели почти всё свободное время. И даже в новогоднюю ночь мы были вместе. А ты... черт побери, где всё это время была ты?

— Я знаю, вы — тоже Вика, — вдруг сказала девушка. — Вы с Денисом работаете на кафедре, он мне говорил.

Ну, явно не всё он тебе говорил, иначе бы ты сейчас так мило не улыбалась. Говорит мне «вы»... боже, боже! Я почувствовала себя настоящей старухой.

Но где же этот негодяй?

— Денис в душе, он скоро выйдет, — словно прочитав мои мысли, сказала девушка.

В душе? Чем они тут занимались, пока я не пришла, ааааа! Надо валить отсюда как можно скорее и постараться забыть всё, что я сейчас видела.

— Я... пойду, наверное. Вот, — я протянула ей пакет с книгами.

— Нет, нет, подождите! — возразила она и ничего не взяла.

Вдруг у этой Вики зазвонил телефон и она ответила на звонок. Сказала что-то... по-французски? Еще и французский знает?

Как только она закончила беседу, в коридоре возник Денис Сергеевич. Конечно, он вовсе не походил на больного, обманщик.

— А почему ты стоишь в прихожей? Проходи в комнату, — он махнул мне рукой.

Ага, этого еще не хватало!

— Да, останьтесь! Давайте вместе выпьем чаю, кино посмотрим, — сказала девушка.

Что? Спасибо, я только что такое кино видела...

— Нет-нет, я пойду, очень-очень спешу, — невнятно забормотав о своей невероятной загруженности, я сунула Морозову пакет с книгами и стала пятиться назад.

Денис Сергеевич почему-то не спускал с меня глаз. И что было в его взгляде? Насмешка?

— Виктооория... — протяжно произнес он мое имя, — ну что же ты, Виктория... к чему такая спешка?

Иди к черту, извращенец!

Я выскочила в подъезд и — уже второй раз в жизни — бросилась из этого дома наутек. Но не успела пробежать и пару сотен метров, как пришло сообщение от сестры.

«Вика, ты уже освободилась с работы? Можешь встретиться со мной в ***** кафе? Надо поговорить».

Ох, что за срочная встреча? Да еще и в самый неподходящий момент, когда мне хочется забиться в какой-нибудь угол. Чтобы хоть немного успокоиться, я не села в маршрутку, а пошла в это кафе пешком — точнее, побежала, — хотя до него было несколько километров.

— Вика? — сестра широко распахнула глаза, когда меня увидела. — Что у тебя за вид? И где твои шапка и шарф?

Действительно, шапки и шарфа на мне не было. Я их потеряла по дороге?

— Боже, ну на кого ты похожа! Лохматая, ненакрашенная! — не успокаивалась Алевтина. — Я тебе зачем столько косметики оставила? Нужно же хоть немного следить за собой! Вон, на свадьбе, ты какой красавицей была, а сейчас... только посмотри на себя в зеркало!

Я вспомнила идеальную со всех сторон девушку Морозова, ее безупречную укладку, красиво изогнутые брови, ровный загар, и... сердце заныло.

— Ладно, присаживайся, — Аля вроде бы уgomонилась, — я тебе сейчас такое скажу!

Я послушно присела за столик, но сосредоточиться никак не могла. Почему девушка Дениса Сергеевича говорит по-французски? Где они познакомились? Что за проблемы между ними были? Или главная проблема в том, что она — несовершеннолетняя? «У меня почти не осталось сил сопротивляться». Как бы ни было — ясное дело — сегодня он уже не сопротивлялся. Даже работу прогулял! Больным ради *этого* прикинулся, негодяй!

— Вика! Ты меня вообще слушаешь?

— Что? А, да! Слушаю, конечно!

— По-моему, нет. Я тебе только что сообщила, что ты станешь тетей, а ты вообще никак не реагируешь.

— Тетей... — прошептала я, — да-да, хорошо.

И вдруг до меня дошло.

— Чтооо? Ты беременна?

— Неужели? Наконец-то услышала!

— Это, конечно, замечательная новость, — сказала я, оглядываясь по сторонам. — Но почему же... почему ты сообщаешь мне такую прекрасную новость в таком ужаснейшем месте?

— Как это? С чего бы это место — ужасное?

— А ты посмотри вокруг, — я повела рукой. — Стены — синие, стулья — синие, даже скатерти — и те синие. Какой же мерзкий синий цвет, снова синий, везде синий, это же просто невыносимо, ненавижу его! — заявила я, а потом крикнула на всё кафе, громко и по слогам, — НЕ-НА-ВИ-ЖУ ЕГО!

— Викуль, да что с тобой? Чем тебе внезапно синий не угодил? — недоуменно спросила сестра и коснулась рукой моего лба, — слушай... да ты вся горишь! Ты больна, Вика, у тебя жар! Срочно поезжай домой, я тебе сейчас такси вызову!

Аля немедленно отправила меня домой. К вечеру лихорадка усилилась. Сутки я провела словно в аду на раскаленной сковороде, затем жар спал, хотя меня по-прежнему трясло. Я чувствовала невероятную слабость, совершенно пропал аппетит и сон, а самое ужасное — я погрузилась в беспросветную тоску. В понедельник на работу я не вышла, во вторник — тоже. Хотя и дома оставаться было невыносимо.

Вся обстановка в квартире стала меня раздражать, особенно — наша «малахитовая гостиная». Когда-то малахит был пигментом в темперной живописи. Но если размолоть его слишком мелко, краска получалась грязно-пепельного цвета. И теперь мне казалось, что всё вокруг — вся жизнь — превращается в измельченный малахит, а я скоро буду погребена под толстым слоем грязно-пепельного безумия.

Как ученый, я должна была наконец-то посмотреть правде в глаза и проанализировать происходящее с научной точки зрения. Почему новость о беременности сестры не вызвала почти никаких эмоций, а встреча с девушкой Морозова всколыхнула в душе целую бурю? Почему мне сейчас так плохо? Что происходит?

Самую полную этиологию моей болезни я нашла в разделе *De amore qui hereos dicitur* книги *Lilium medicinale* («Врачебная лилия») доктора Бернара де Гордона, профессора университета Монпелье: «Болезнь, называемая hereos, это унылая тоска, вызванная любовью. Симптомы болезни — отсутствие сна, отказ от еды и питья. Все тело слабеет, лишь глаза

остаются зоркими». Доктор Бернар упоминал также повышенную возбудимость, беспорядочный пульс и приступы безумия. Прогноз болезни был неутешительный: «Если больных не лечить, они сходят с ума и умирают».

Унылая тоска, вызванная... любовью? Какой кошмар. А что же тогда было со мной раньше? Ведь я же... любила Королева? Но аппетит мой при этом всегда был отменный, да и тело ни разу не слабело. Или то была не любовь? Хотя... размышлять об этом сейчас — бессмысленно.

Бесполезно и думать о том, как же я могла вляпаться в такую жуткую историю, почему отмахивалась от *опасных симптомов* и упустила момент, когда всё вышло из-под контроля.

В любом случае, итог очевиден — теперь моя жизнь точно пошла под откос. Этот ужасный человек всё-таки разрушил ее, пусть и не таким способом, какой я могла предположить. И если в любом другом случае я могла бы с ним бороться, то сейчас единственный выход — забвение. Работать с ним я больше не смогу, придется уволиться. И учиться я там больше не смогу. Честное слово, даже если б Морозов был свободным и не являлся извращенцем, то и тогда бы я не решила строить с ним отношения. Да, надо признать — он оказался умным и талантливym ученым — за время совместной работы я окончательно в этом убедилась, но... Ведь наверняка у него было слишком много девушек, а я такое не терплю.

При данных же обстоятельствах бегство и вовсе — единственная возможность спастись от этого кошмара. Конечно, придется начать жизнь с чистого листа. Где, как? Неизвестно. Скорее всего, надо будет уехать в другой город. Только кому я нужна — в другом универе, в другом городе? Хорошо бы заручиться хоть какими-нибудь рекомендациями. Обдумав разные варианты, я решила все-таки не поступать слишком опрометчиво, а осторожно поговорить на эту тему с Бесединой-старшей. Но от Морозова буду с этого момента держаться подальше — пусть как хочет, как и заканчивает проект.

Нужно ли объяснять, что всё снова пошло не так?

□

ГЛАВА 23. КОГДА ВСЁ СНОВА ИДЕТ НЕ ТАК

На следующий день на работу я опоздала — на кафедре были почти все сотрудники, но меня это уже не особо волновало, всё равно скоро уволюсь.

Томашевский, который две недели отсутствовал, увидев меня, присвистнул:

— Ну и ну! Денис Сергеевич, что ты сделал с этим ребенком? Сонеты переводить, конечно, замечательно, но ты только посмотри! Она вся осунулась, похудела, синяки под глазами появились! Если и дальше так пойдет, то после завершения конкурса ты просто обязан будешь на ней.... обязан будешь отвести ее воон в то учреждение, — он показал рукой на ЗАГС.

Вот же тупые шутки!

— Думаете, от этого поправляются? — спросил вдруг Морозов.

А он-то что несет?

— Ходят слухи, что многие поправляются. Живот, во всяком случае, начинает расти, хе-хе.

— Борис Александрович, снова вы со своими пошлостями, — прервала его Беседина, и еще ни разу в жизни я не была настолько рада ее вмешательству. — Виктория, присядь рядом, есть серьезный разговор.

Начнет отчитывать за опоздание? Или еще что-то случилось на мою голову?

— Вика, — сказала вдруг Беседина, — тебя преследует злой рок. Анисимов по состоянию здоровья собирается увольняться, так что тебе снова придется искать научного руководителя. Но есть и хорошая новость — его часы можно передать тебе. Конечно, не прямо сейчас, а с нового учебного года, и всё же...

Новость о том, что я могу занять место Анисимова, еще неделю назад привела бы меня в дикий восторг, но теперь я просто промычала в ответ нечто невразумительное, и Беседина странно на меня покосилась. А я всё думала, как бы мне остаться с ней наедине и прояснить *другой вопрос*, но в тот день так ничего и не вышло.

С Морозовым я старалась не общаться, всем своим видом показывая, что за время моего отсутствия появилось множество безотлагательных дел и мне сейчас не до сонетов. Но после обеда пришлось все-таки с ним поговорить — я сказала, что всё еще плохо себя чувствую после отравления и уйду домой раньше. При этом я старалась не смотреть ему в глаза.

— Отравления? — почему-то задумчиво произнес Денис Сергеевич и, запустив руку себе в волосы, зачем-то их взъерошил, — ну да, ну да... иди.

Что это означало, я не поняла. Да и какая разница?

На следующий день Беседина-старшая пришла на работу рано, сразу после меня, и я незамедлительно приступила к важной части моего плана.

— Любовь Константиновна, возник один вопрос. Абсолютно теоретический. Предположим, есть человек, который хочет перевестись из аспирантуры одного ВУЗа в другой. Это очень сложно? Могут ли преподаватели ВУЗа, в котором этот человек учится, оказать поддержку — например, дать рекомендации? Или успех зависит от статуса рекомендующего и его репутации в академической среде? — спросила я у нее.

В этот момент — как обычно некстати — дверь распахнулась и на кафедру зашел Морозов.

— Я сегодня пришла пораньше не для того, чтобы возиться с тобой. У меня есть куда

более важные дела в деканате. Так что не морочь мне голову. Вон, Денису Сергеевичу морочь.

— Что случилось? — спросил Морозов.

— Горячева, кажется, собралась переводиться в другой университет, — пожалала плечами Беседина и, прихватив кое-какие документы, покинула кафедру.

А мы остались с Морозовым наедине. Сначала он сел за стол и разложил бумаги. А потом с непонятной усмешкой спросил:

— Так куда это ты собралась бежать? И почему?

— Что? — я разозлилась, но постаралась держать себя в руках. — Вовсе я не бегу. Просто мне всё здесь надоело, уже вот где сидит! — я показала рукой на горло, — и вся эта муторная работа, и пробки по утрам, и тупые спектакли, и вы с вашими сонетами...

— Я тебе надоел? Так это из-за меня ты бежишь?

— Еще чего! — я стала злиться сильнее. — С чего бы мне от вас бежать? Говорю же — просто, всё, всё здесь надоело! И я уже давно хотела перевестись!

Морозов откинулся на стуле и задумчиво произнес:

— Действительно, с чего бы тебе от меня бежать? Ты же — смелая девушка.

А потом посмотрел мне в глаза и еще раз повторил:

— С чего бы?

«Смелая девушка» изо всех сил старалась не отвести взгляда и вызывающе передразнила:

— Вот именно — с чего бы?

— Никуда ты переводиться не будешь, — сказал вдруг Денис Сергеевич. — Давай, садись и начинай работать. И так много времени потеряли, — он встал из-за стола, подошел ко мне и протянул какой-то лист.

Я пробежала глазами текст:

«My love is as a fever, longing still
For that which longer nurseth the disease...»

«Моя любовь — как лихорадка, которая все время жаждет того, что еще больше вскармливает болезнь...» (прим.: далее сонет цитируется в переложении Маршака):

«Любовь — недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.
Мой разум-врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.
Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят...»

Он издевается, да? Руки мои задрожали, а кровь закипела так, что я мгновенно потеряла контроль над собой, разорвала этот лист на мелкие кусочки и бросила ему в лицо:

— Вы чего тут раскомандовались, а? Кому-нибудь другому будете приказывать — не мне! А я — не буду больше с вами работать, ни минуты не буду!

Внезапно — это произошло настолько быстро, что я даже моргнуть не успела — Морозов схватил меня и прижал к стене. А хватка у него, надо сказать, оказалась такая, что я вообще не могла пошевелиться и от неожиданности стала задыхаться и запинаться.

— Что... что вы дела...ете? Отпусти... те меня... немедленно! — выдавила я с большим трудом.

— Виктория, слушай внимательно. Я отпущу. Но сначала ты прекратишь истерику. Возьмешь себя в руки и начнешь нормально работать.

— Но...

— Молчи. Мы закончим этот чертов проект. Вместе, как и договаривались. И сыграем в этой постановке. А потом... потом я, может быть, скажу тебе кое-что... что тебя заинтересует. Только так, и никак иначе.

— Но...

— Больше никаких «но». Или буду держать тебя, пока кто-нибудь не зайдет. Ты этого хочешь?

Я помотала головой — «нет, не хочу».

— Отлично. Сделаешь, что обещала мне раньше?

Черт. Я так испугалась, что кто-нибудь зайдет на кафедру! И поэтому ответила:

— Ладно-ладно. Сделаю. Но только потому, что раньше обещала. На остальное мне плевать. Вы никогда не сможете сказать ничего, что меня заинтересует. Ничего, что было бы для меня важно! Да я и не хочу знать ничего, связанного с вами!

— Хорошо, я понял, ничего не хочешь знать, — вдруг совершенно безмятежно ответил Морозов, отпустил меня, присел за свой стол и, как ни в чем не бывало, снова принялся за переводы.

Я никак не могла отлипнуть от стены — наверное, если отойду, обрушу на его голову что-нибудь тяжелое.

— Виктория, начинай работать! Или мне еще раз объяснить? — спросил Денис Сергеевич, будто и не замечая моих яростных взглядов.

На его счастье, в помещение снова вошла Беседина. Увидев листки на полу, она развозмущалась. И мне оставалось только всё это молча убрать, сесть за стол и приняться за работу, хотя я думала лишь о том, что сейчас произошло. Нет, ну какое всё-таки наглое и вызывающее поведение! Не знаю, чего он этим хотел добиться, но теперь я уже на сто процентов была уверена — ни за что не останусь в стенах этого универа! Ладно, всё что обещала, — выполню, так уж и быть. А потом — непременно уеду.

И, конечно же, — уже по старой «доброй» традиции — события стали развиваться совсем по-другому.

□

ГЛАВА 24. О ТОМ, КАК ОПАСНО ВСПОМИНАТЬ ПРОШЛОЕ

— Ты знаешь... — Маша задумчиво опустила глаза и зачем-то стала разглядывать свои ногти, хотя в них не было совершенно ничего примечательного, — я вынуждена признать, что была неправа насчет тебя и Морозова. Честно говоря, давно так не ошибалась.

Я вздохнула с облегчением. Ну вот, Мария начинает умнеть.

Шла третья неделя репетиций «Тристана и Изольды». За это время произошло единственное хорошее событие — я, стиснув зубы, наконец-то завершила сонетную тягомотину и одной — достаточно большой — проблемой стало меньше. Теперь в освободившиеся часы я изучала возможности своего перевода в другие ВУЗы

А вот репетиции — спектакль решили всё-таки поставить к 8 марта — знатно омрачали мое существование. И дело даже не в том, что приходилось тратить на них свободное время, а потом возвращаться домой в темноте — то по гололёду, то по слякоти и лужам. А в том, что когда всех участников — наконец-то! — собрали вместе, я была в немалой степени ошарашена. Кроме меня, Марии и Морозова в спектакле оказались задействованы Андрей и Ольга Беседина.

Хочу заметить, что после того злополучного вечера Ольгу я видела очень редко. К нам на кафедру она больше никогда не заходила, работали мы на разных этажах, а если и сталкивались вдруг где-нибудь нос к носу, она отводила взгляд и даже не пыталась сделать вид, что мы знакомы.

С Андреем я, конечно, здоровалась, но по-дружески уже не общалась. А тут — в этом спектакле — ему дали роль короля Марка, моего (то есть — Изольды) мужа! Для Бесединой же уготовили роль другой Изольды — жены Тристана. В общем, ситуация нарисовалась — глупее не придумаешь.

Был лишь один забавный момент в этой истории. Кажется, Мария приглянулась режиссеру. Тощий мужчина с большим носом расцветал в ее присутствии — начинал улыбаться, делал комплименты и даже пару раз поцеловал ей ручку. Мария краснела, как школьница младших классов, и начинала запинаться.

А Андрей внезапно стал нервничать и бросать на Машу странные взгляды (в них даже прослеживалось нечто, похожее на ревность). Несколько месяцев находился в спячке, а как увидел конкуренцию, сразу зашевелился — вот такие мужчины загадочные создания!

С режиссером, между прочим, я провела беседу и попросила не распространяться о том, что он когда-то видел на свадьбе, поэтому хотя бы на этот счет была спокойна.

В остальном же дела шли не ахти. Играла я ужасно. Единственное, что действительно получалось отлично — рыдать над трупом Тристана, да и то — так знатно плакала я лишь от сожаления о том, что это не я его убила.

Однако у других участников постановки оказалось иное мнение на счет моей игры. Режиссер нас хвалил, а Маша... выяснилось, что я рано обрадовалась — эта девушка вовсе не поумнела.

— Так вот — теперь я думаю, что всё гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд. И постелью дело между вами не кончится, — именно так она завершила фразу про свою неправоту. Во время репетиции как раз сделали перерыв, и мы вышли в коридор.

— Маша, — ответила я, — вот честно, я уже на грани нервного срыва от таких

разговоров. Почему ты не можешь раз и навсегда закрыть эту тему и сосредоточиться на своей личной жизни? Кажется, в ней наметилось значительное оживление.

— Я сосредоточусь, не волнуйся, меня на всех хватит. Просто... на днях произошел один случай, и теперь я уверена, что была неправа.

— Мне совсем неинтересны твои случаи.

— Но я просто обязана тебе рассказать! Несколько дней назад, когда вы с Морозовым репетировали любовную сцену, Беседина сидела в зале. Смотрела-смотрела на вас, а затем подскочила с места и куда-то побежала. Мне показалось, что она вот-вот заплачет. Я пошла за ней — из любопытства. Думала — с удовольствием посмотрю, как она рыдает. Но когда вдруг и в самом деле это увидела — она забилась в темный угол коридора и всхлипывала, как маленькая девочка, — мне почему-то стало ее жалко! И я привела ее на кафедру, напоила чаем... Ну, если честно, то — коньяком... А потом она мне неожиданно рассказала одну историю... догадываешься, какую?

— Ннет.

— Ах, Вика! Ты — плохая врунья. История была о том, как она пыталась соблазнить Морозова. И как он ее после этого послал далеко и надолго. В приличной форме, конечно, послал. Сказал, что между ними ничего быть не может, потому что есть девушка, которую он любит.

Тоже мне новость. В моей голове тотчас всплыли слова — «есть девушка, которую я люблю».

— Ну вот — Беседина всё рыдала и рыдала, — как же так вышло, ведь она трындец какая неотразимая, никогда еще ни за кем не бегала и так не унижалась. А тут такой облом. Всё причитала и причитала — «почему она?». А я смотрела на нее и думала — как же сильно втюрился Морозов, раз отказался хоть разок чпекнуться с Ольгой. Все-таки она — красивая, согласись.

— А я-то тут причем? Зачем ты мне всё это сейчас рассказываешь?

— Нехорошо, наверное, поступаю. Ведь я обещала ей хранить секрет. И даже несколько дней старалась держать это в себе. Но не получается — распирает прям! Ведь ты тоже оказалась замешана. И всё это — моя вина. Или заслуга?

— Вина? Заслуга? Что ты несешь?

— Так это же ты — та девушка, которую он любит. И это же я напоила вас тем вином. Вот он и втюрился в тебя без памяти. И ты в него, Вика, тоже втюрилась, хотя почему-то и отрицаешь этот факт. Но Беседина мне глаза открыла. И теперь я внимательнее присмотрелась к вам во время репетиций — как вы смотрите друг на друга, как он тебя обнимает... да, всё так и есть.

Обнимает! Она издевается, да? То были самые ужасные, мучительные моменты репетиций! Мне казалось, что каждое *его* прикосновение — даже сквозь одежду — прожигает меня насквозь, и это было совершенно невыносимо! Я благодарил небеса лишь об одном — что целоваться нас хотя бы не заставляли.

— Слушай меня внимательно, Мария, объясняю в последний раз, — дрожащим от негодования голосом сказала я. — Ничего такого нет и быть не может! Это — чушь! И та история с вином тоже — полная чушь.

— Но он всё-таки выпил его? Выпил?

— О боже мой! Да я не знаю! И какая разница? Зато я хорошо знаю другое...

Я уже собиралась проговориться и рассказать про девушку Морозова, но Маша меня перебила:

— А вот мы сейчас и выясним!

Она забежала назад, в актовый зал, и кинулась к Морозову:

— Денис Сергеевич, вы пили вино?

Он сидел в кресле и читал какую-то книгу, а после Машкиных слов стал оглядываться по сторонам, словно искал вино, о котором его спрашивали.

— Что? Какое вино?

— Ну — тогда... на Викином дне рождения.

— Аaaa, ты об этом, — протянул он. — Нет, не пил.

— Да вы просто забыли, наверное!

— Нет, Мария, я всё прекрасно помню, — он почему-то усмехнулся и посмотрел на меня. — Я не пил, точно. Любовь Константиновна ту бутылку с собой прихватила. А что такое? Почему вы сейчас об этом спрашиваете!

— Нет, ничего, — Мария поджала губы и отошла в сторону.

Морозов удивленно пожал плечами, положил книгу на кресло и вышел в коридор.

— Ну что? — победоносно спросила я. — Шах и мат? Твоя теория полетела к чертям?

— И всё-таки что-то между вами происходит, происходит! — она топнула ногой, как обиженный ребенок.

Ну что за человек — лишь бы настоять на своем!

Тем временем Мария вдруг бросила взгляд на кресло — оказывается, Морозов читал сборник переводов «Тристана и Изольды».

— Ну-ка, поглядим, что тут у нас? — в книгу был вложен карандаш, Машка раскрыла текст на этой «закладке» и воскликнула:

— О, вы только посмотрите, что подчеркнуто! «Изольда любила его. Она хотела его ненавидеть: разве он не пренебрег ею оскорбительным образом? Она хотела его ненавидеть, но не могла, ибо сердце ее было охвачено тем нежным чувством, которое острее ненависти». Интересно, что всё это означает? — Маша посмотрела на меня своим хитрым лисьим взглядом.

Я выхватила книгу — удостовериться, что лиса меня не обманывает. Действительно, были подчеркнуты именно эти предложения. Я привыкла бережно относиться к книгам, но эту — чуть не разорвала на части, как тот лист с сонетом.

И правда — что это означает, Денис Сергеевич?

После того, как мы закончили с переводами, я старалась не общаться с этим человеком, хотя меня не покидало ощущение — он за мной наблюдает. И что он в результате там себе навоображал? Я почувствовала, что вот-вот взорвусь.

Выскочив в коридор, я догнала Дениса Сергеевича и сунула ему под нос разворот с «обличительными» фразами.

— Это что такое?

— Это? Книга, разумеется.

— Очень остроумно! Я спрашиваю — что за дурацкие намеки?

— Какие еще намеки?

— Зачем вы подчеркнули эти предложения? Сначала мне тот сонет подсунули, а теперь...

— Может я тогда уже вообще во всех смертных грехах виноват? — прищурился он. — Вика, это — не моя книга. Она уже лежала там, когда я пришел. И я ничего в ней не подчеркивал.

— Зачем вы...

Я хотела спросить «зачем вы мне врете», но не успела, поскольку услышала голос за спиной:

— Это — моё. Дай сюда.

Повернувшись, я увидела Ольгу Беседину. Которая смотрела на меня с очень недовольным видом. Это правда ее книга и Морозов тут ни при чем? Вот же черт!

Но всё-таки я состроила недовольную гримасу в ответ. Вы только посмотрите — смотрит на меня, как на врага! Считает, что я ей жизнь испортила! А на самом деле — как раз наоборот. Не вешайся она тогда на Морозова, не затащи его на кафедру в тот вечер — жила бы я до сих пор тихо-спокойно, горя не знала. Ну, может, и не совсем спокойно бы жила, но менять место жительства уж точно бы не пришлось. А теперь она еще и разбрасывает глупые книги в самых неподходящих местах!

От досады на Беседину и на себя — за то, что в очередной раз повела себя как дура, я закусила нижнюю губу, сунула Ольге ее дребедень и вернулась в актовый зал.

Боже мой, ну почему я вляпываюсь то в одну глупую историю, то в другую? Неужели Морозов был прав и я слишком импульсивна? Устроила скандал на пустом месте.

Однако в тот момент я твердо решила — до самого увольнения буду вести себя спокойно и безмятежно, что бы ни случилось. Пусть Маша мелет свою чушь, пусть Морозов насмехается и думает обо мне что угодно — ничто больше не сокрушит мой душевный покой.

Но давать себе обещания гораздо проще, чем их выполнять. Ибо уже в этот же вечер произошла новая неприятная история, — которая еще больше вывела меня из равновесия.

□

ГЛАВА 25. САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ДЕВУШКА В УНИВЕРЕ

После перерыва репетиция продолжилась и длилась еще около часа. В конце режиссер — мучитель! — попросил нас Морозовым повторить очередную любовную сцену. Не успели мы ее закончить, как я услышала несколько подозрительных щелчков, краем глаза уловила вспышки, вздрогнула от неприятного предчувствия, и, мигом отскочив от Дениса Сергеевича, развернулась в сторону зала.

Рядом со сценой стоял грузный парень с фотоаппаратом в руках.

Что за...

— Что за... — словно угадав мои мысли, завопил режиссер. Но потом, видимо вспомнив, что в присутствии Марии — а она сидела в этот момент в зале — он неприлично не выражается, быстро изменил постановку вопроса:

— Ты кто вообще такой? И какого черта сейчас делаешь?

— А... я... э-э... я с факультета журналистики... про приказу декана... для рекламы, — забормотал этот папарацци недоделанный и, попятившись в выходу, скрылся за дверью.

Для рекламы? Какой еще рекламы? Мне всё это совсем не понравилось. Кубарем скатившись со сцены, я бросилась за папарацци и догнала его в коридоре.

— Мальчик, милый мальчик, — вкрадчиво произнесла я, — сотри эти фотографии, пожалуйста.

— Не могу, — пробасил «милый мальчик», — извините, у меня — приказ декана.

Так, по-хорошему не получилось. В два прыжка я оказалась рядом с этим упертым типом, вцепилась в его фотоаппарат и заорала:

— Кому сказала — сотри всё немедленно!

— Да что вы такое творите, аппаратуру испортите! Знаете, сколько стоит? И не стану я ничего стирать! — парень попытался вырвать фотоаппарат, но не тут-то было — я вцепилась в него мертвой хваткой. Точнее, — в них — в парня и его «аппаратуру». И вдруг услышала голос за спиной:

— Вика, успокойся. Что ты делаешь?

Повернувшись, я увидела Морозова. И, конечно же, в этот момент упустила папарацци — тот моментально скрылся в неизвестном направлении.

— Ну, спасибо, Денис Сергеевич, удружили! Вместо того, чтобы помочь — что вы наделали? — я в отчаянии взмахнула руками. — Что теперь будет?

— Что будет? Да ничего не будет. Это — всего лишь постановка. И просто фото.

«Просто фото»? Если бы я знала, что меня ожидает после этого #простофото, то догнала б того парня, прибила и закопала бы где-нибудь на аллее между нашим факультетом и ЗАГСом. Вместе с Морозовым, который, убедив меня в том, что всё — сущий пустяк, заставил вернуться на репетицию.

Между тем, это оказалось не просто фото. А фото, на котором я была в объятиях Дениса Сергеевича. Папарацци, чтоб ему пусто было, поймал момент, когда мы — по какому-то ужасному стечению обстоятельств — действительно выглядели как влюбленная парочка. И так смотрели друг на друга... аааааа, кошмар... я вдруг поняла, почему Машкина фантазия в последнее время забурлила.

Конечно, на самом деле это была «просто игра», только пойдя это теперь кому докажи!

Уже на следующий день злополучное фото появилось везде, где только можно — на сайте университета, на сайте факультета, в соцсетях и даже — со множеством огненных смайликов — в Инстаграме моей сестры! А я, между прочим, ничего не говорила ей о постановке и уж тем более — не собиралась приглашать на спектакль.

Теперь о покое можно было забыть.

Теперь все студентки универа прекращали разговоры, когда я проходила мимо, а потом что-то шептали мне вслед (не исключено, что проклятия).

Теперь в мою честь создавались обсуждения в чатах, городских и университетских пабликах: «Кто такая Виктория Горячева? Что связывает обычную лаборантку и самого завидного холостяка университета?»

«Обычная лаборантка»? Ну так и не трогайте меня, раз я обычная. Но нет — люди обсуждали всё: как я выгляжу, как одеваюсь, действительно ли Морозов на меня «запал» и если да, то почему. Точнее — они обсуждали всё, кроме моих научных достижений. Если я когда-нибудь и мечтала о славе, то уж точно не о такой позорной!

И это было еще полбеда. У меня сердце холодело при мысли о том, что фото и обсуждения может увидеть девушка Морозова. Тогда я уж точно второй раз в жизни останусь без волос.

Ситуация усугубилась тем, что вскоре на факультете повесили еще и плакаты с этим фото — злополучную рекламу спектакля.

Но если с соцсетями я бороться не могла (разве что полностью их игнорировать), то тут сделала всё, что было в моих силах. Дождалась, пока люди разойдутся, сорвала эти плакаты, разорвала на мелкие кусочки и уничтожила улики в туалете.

На следующий день плакаты повесили снова. И я снова их уничтожила.

А потом меня вызвали к декану.

— Виктория, — спросил он у меня почти ласково, — ты разве не в курсе, что у нас теперь везде камеры установлены? Скажи, почему ты срываешь плакаты?

Ох, черт! Про камеры-то я и забыла!

— Э-э, — промычала я в ответ.

А что тут скажешь?

— Я знаю, что вы с Денисом Сергеевичем встречаетесь, — продолжил декан. — Мне режиссер еще до начала репетиций сказал.

Вот же черт! Всё-таки проговорился он тогда декану про свадьбу сестры.

— Я... э-э... нет. Мы не встречаемся, нет, — промямлила я.

— Виктория, — сказал декан, — вы — взрослые люди. Нет ничего зазорного, что вы встречаетесь. В стенах нашего факультета возникла уже не одна супружеская пара. Даже я со своей будущей женой сблизился во время совместного проекта.

Да кто ж этого не знает? Жена декана была заведующей кафедрой общего и сравнительного языкознания. И многие считали, что это он ее «продвинул». Только... зачем он мне сейчас это говорит?

— И профессор Колесников, и профессор Лабузов... — продолжал перечислять декан. — Главное, чтобы личные... эээ... отношения не мешали работе. Но вы, кажется, отлично сработались. Я получил хорошие отклики по вашим переводам. Думаю, есть неплохие перспективы выиграть...

Эх. Он может хоть до скончания веков рассказывать о нашем с Морозовым «прекрасном» тандеме или о том, кто и когда переженился на факультете — мне все равно, потому что...

— Я не встречаюсь с Денисом Сергеевичем, — повторила я — в этот раз громко и четко. — То было просто недоразумение.

— Вика, ты не сможешь это долго скрывать. Рано или поздно все узнают.

Вот же упрямый тип! Да у нас на факультете просто сборище баранов!

— Но...

— Вика, думаю, мы друг друга поняли. Всё, можешь идти. Но — пожалуйста, больше не срывай плакаты, ладно?

Я вышла из деканата, понуро опустив голову.

С того момента я еще больше злилась на Морозова. А он-то почему никаких действий по ликвидации этой катастрофы не предпринимает? Почему я должна отдуваться за двоих? И эта его девушка — она вообще знает про постановку? Придет на спектакль?

Если честно, меня не на шутку волновал сей вопрос и я хотела спросить об этом Дениса Сергеевича напрямую, но как бы невзначай и в шуточной форме — мол, в свете последних событий обеспокоена за сохранность своей шевелюры и т. д. и т. п., что-нибудь в таком духе.

А все получилось иначе.

ГЛАВА 26. ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ДЕЛА

В день генеральной репетиции у меня разболелась голова. Маша дала таблетку аспирина и предложила прогуляться (ибо времени до начала оставалось еще больше часа), только я уже успела переодеться в свое знаменитое котарди. Если б пошла на улицу, то запачкала бы подол, да и вообще — почему-то хотелось побыть одной. Поэтому, отделавшись от Машки, я поднялась на кафедру. Там никого не было. Меня стало клонить в сон. Переместившись в соседнюю комнату, я прикрыла дверь, прилегла на диванчик и задремала.

Не знаю, сколько времени прошло, но проснулась я от звука мужского голоса.

— Всегда думал, что хорошо понимаю женщин. А теперь понимаю, что ничего не понимаю. Кроме одного — от женщин одни неприятности.

Это был Андрей. Нет, вы только посмотрите — столько месяцев портил нервы моей подруге, а теперь еще какие-то претензии женщинам предъявляет! Я подскочила с дивана — вот сейчас выйду и он узнает, что такое настоящие неприятности!

— Правильно делаешь, что не женишься, — тем временем продолжал Андрей.

— Правильно? — это был голос Морозова. — Вообще-то, я собираюсь жениться.

Я уже взялась за дверную ручку и... застыла на месте.

— Да ты что? Seriously?

— Более чем.

— И когда же?

— Я бы — хоть завтра, но...

Про «но», узнать не удалось, потому что дверь на кафедру распахнулась и я услышала звонкий Машкин голос.

— Виинииика! — пронзительно закричала она.

— Вики здесь нет, — сообщил ей Андрей.

— Как это — нет? А говорила, что будет на кафедре.

— Сама посмотри!

Я затаилась. Но поверхностный осмотр, видимо, удовлетворил Марию, потому что она недовольно пробурчала:

— И где же эта девчонка? Телефон выключен. Ну ладно, пойду в кафе поищу.

— Я с тобой, — вдруг заявил Андрей.

Я услышала, как они вышли. Почти в тот же миг дверь в мое «убежище» распахнулась — еле успела отскочить, чтоб не заработать синяк на лбу.

— Вика, у тебя развлечение такое — прятаться в этой комнате? — спросил Морозов.

— Ничего я не пряталась, — ответила я. — Это у вас прямо дар — появляться в ненужное время в ненужном месте.

Морозов хмыкнул, и повисла тишина.

Ирония судьбы — в этот момент мы стояли друг напротив друга так же, как и в день нашей первой встречи. И я даже была в том же платье. Но обстоятельства в этот раз были для меня куда более печальные. Я вдруг опустила глаза и сказала — совсем не к месту:

— Послезавтра премьера.

Вот зачем такое говорить? Будто это какая-то новость.

— Да, — подтвердил Морозов.

— А... эээ... Виктория... придет на спектакль? — нечаянно вырвалось у меня.

— Виктория? Нет, не придет, — ответил он.

И после паузы добавил:

— Она не живет в России. Учится в магистратуре во Франции.

— В магистратуре? Сколько же ей лет?

«Вика, остановись», — твердил внутренний голос, — «зачем ты всё это говоришь, зачем говоришь, зачем говоришь».

— Двадцать.

— Двадцать? А выглядит младше.

— Ты тоже выглядишь младше, и что?

— Ничего.

Мы снова замолчали.

Значит, Денис Сергеевич не такой извращенец, как я сначала подумала, хотя в целом от этого не легче. Девушка у него — во Франции (это и есть «но»?), а он тут непонятно чем занимается.

Подняв глаза, я увидела, что Морозов *очень странно* на меня смотрит.

Вика, я... — внезапно сказал он и запнулся. — Ты... — и снова запнулся.

Черт возьми! Он смотрел на меня, будто... Да прямо как на том плакате дурачком смотрел, клянусь! Но если тогда была «просто постановка», всего лишь игра, то сейчас-то мы были вдвоем! Перед кем тут играть?

Денис Сергеевич, что же ты творишь, не смотри на меня так! Немедленно уходи отсюда! В горле пересохло, и я с трудом сглотнула. Тем временем Морозов — вместо того, чтобы уйти — подошел ко мне вплотную, слегка приподнял пальцами мой подбородок, наклонился еще ближе и... аааааааа!

Трындец как мне стало страшно! Мелькнула мысль, что сейчас он наверняка сделает что-то неприличное, а я... я даже не стану сопротивляться. И это будет совершенно ужасно, вопиюще и немыслимо!

Боже, боже, надо срочно подумать о чем-нибудь отрезвляющем, но совершенно некстати вспомнился сонет -

«Откуда столько силы ты берешь,

Чтоб властвовать в бессилье надо мной?

Я собственным глазам внушаю ложь,

Клянусь им, что не светел свет дневной...»,

А еще я подумала, что Морозов весь январь носил черное, а сейчас тоже почему-то в черном, и хотя считается, что черный цвет — это отсутствие светового потока от объекта, для меня *его* черный — как источник света, а я — словно мотылек, готовый безрассудно лететь на этот свет, а вообще — надо признать — черный *ему* невероятно идет. Потом пришло в голову, что я думаю *совсем не о том*, вспоминаю нечто бесполезное, а надо бы вспомнить *полезное* — то, что приведет меня в чувство. И я вспомнила — что Морозов собрался жениться, и в тот же миг — сама не знаю, как это вышло — вдруг со всего размаху влепила ему пощечину. В этот удар я вложила ненависть ко всем мужчинам, которые читают сонеты одним женщинам, а потом женятся на других.

— Ох! — Денис Сергеевич потер щеку. — Вика, ты что делаешь? Почему ты меня ударила? Я ведь только хотел... рассмотреть твой глаз. Что с ним такое?

— Мой глаз?

— Ну да.

Я подскочила к зеркалу и увидела ужас ужасный — видимо, когда лежала на диване в неудобной позе, у меня лопнул сосуд или какая-то другая неприятность с левым глазом произошла. И теперь он был наполовину красный.

Ой... как же неловко вышло! Я стала бормотать извинения, и вдруг, повернувшись к Морозову, увидела, что он... Что? Улыбается? Он тут же быстро от меня отвернулся. Это смутило еще больше.

— Что смешного? — недоуменно спросила я.

— Ничего, ничего. Но ты всё-таки ооочень импульсивная. Когда-нибудь это может плохо кончиться.

— Плохо? Для меня всё уже и так хуже некуда. С тех пор, как жизнь свела с одним невыносимым человеком, — процедила я сквозь зубы.

— Что ты сказала? — по-моему, он всё прекрасно расслышал и засмеялся уже в открытую.

Что в этой ситуации забавного? Непонятно. Недоумение переросло в раздражение, и я подумала — а не заехать ли Морозову еще раз.

Но, на его счастье, в этот момент на кафедру забежала Машка и, радостно вскрикнув, сообщила, что репетиция начинается. Вздохнув, я вышла в коридор и — как я тогда думала — на финишную прямую своего пребывания в университете. Мария что-то возбужденно мне рассказывала про Андрея, но я не слушала, поскольку всю дорогу к актовому залу повторяла про себя: «Вика, наберись терпения. Еще чуть-чуть осталось. Скоро всё закончится. Всё закончится». Какой я была наивной!

На самом деле — всё только начиналось.

ГЛАВА 27. ИЗОЛЬДА МНОГОЛИКАЯ

— Мда, Викуль, странно, — Алевтина подозрительно уставилась на мое лицо, — вроде ты сейчас и покрашенная, а видок всё равно — не очень. И что с твоим глазом?

Дался же всем мой глаз! За последние сутки что я только с ним не делала — и примочки прикладывала, и капли разные капала, а краснота лишь немного уменьшилась. В итоге вместо Изольды Белокурой в постановке была Изольда Красноглазая, ну и ладно. Главное — все мучения наконец-то позади.

7 марта — а именно в этот день была премьера, — мы стояли в фойе универа втроем — я, моя сестра и Королев. Узнав о спектакле, Алевтина изъявила огромное желание его посетить. Хотя, на мой взгляд, в ее положении это было глупостью.

Во-первых, накануне ударил мороз и улицы превратились в каток. Передвигаться по городу стало сложно и опасно. Во-вторых — посещение мест с большим скоплением народа — да еще и в период эпидемии гриппа — умным поступком назвать сложно. В-третьих, спектакль заканчивался довольно поздно.

Но Алю это не остановило. Она приехала сама и притащила муженька. Хорошо хоть наши родители были в эти дни в столице — проводили там новый тренинг. А то сестра бы и их притащила.

После спектакля мы вышли в фойе и остановились около лестницы попрощаться — парочка наконец-то собралась уезжать. А я должна была вернуться назад — декан расщедрился и устроил фуршет для участников постановки. Но Але внезапно приспичило обсуждать мой «видок».

— Да, что с твоим глазом? — повторил вопрос сестры Королев, — надеюсь, это не инфекция?

— Ох! Бойтесь инфекций — сидели бы дома! — возмутилась я.

Сергей вдруг взял меня двумя пальцами за подбородок и приблизил свое лицо к моему — в точности как Морозов пару дней назад. Уж не знаю, что он там хотел рассмотреть, но я, глядя в его глаза, вдруг с удивлением поняла, что ничего, совершенно ничего при этом не чувствую. Ну удивительно же! Столько времени я была равнодушна к этому человеку, а потом — раз, и все прошло — совершенно бесследно.

А еще я подумала — мою историю с Королевым никак не назовешь приятной. Я испытывала и горечь, и разочарование, однако... не горела в таком адовом огне, как теперь. И не разрывалась на части от ужасных, противоречивых чувств. С одной стороны, я предпочла бы никогда не знать, что такое любовь. С другой — хотела бы, чтоб сейчас именно Морозов снова держал меня за подбородок и смотрел в мои глаза. От этих малодушных мыслей стало так невыносимо, что я резко дернулась, запуталась в подоле платья, оступилась и кувырком полетела вниз по лестнице. Правую ногу тотчас же пронзила дикая боль:

— Ааааааа! — заорала я.

— Ааааааа! — заорала моя сестра.

— Вика, ты сильно ушиблась? — Сергей подбежал ко мне и попытался поднять с пола, но я продолжала орать:

— Ногаааааа! Моя ногаааа!

— Денис, где Денис? — внезапно вскрикнула сестра и вытащила телефон, — надо

срочно ему сообщить! Вдруг ты что-то сломала!

От удивления я на какое-то время даже позабыла о боли.

— Стой! Это кому ты сейчас собралась звонить?

— Станный вопрос. Денису твоему, кому же еще?

Я с опаской огляделась вокруг и с облегчением отметила, что никого из коллег в этот момент рядом не оказалось. Слава богу! Ведь услышь кто Алькины слова — станут сплетничать еще больше.

Надо заметить, что до спектакля и сестра, и Королев уже успели пообщаться с Денисом Сергеевичем. Точнее — перекинуться с ним парой слов. Я в очередной раз горько пожалела, что до сих пор не рассказала им о «разрыве». А перед Морозовым вообще было неловко, хотя он и вел себя, как ни в чем не бывало.

— Откуда у тебя его номер?

— Еще на свадьбе взяла, когда он тебя увозил.

— И ты общалась с ним за моей спиной?

— Не общалась, а просто иногда звонила и спрашивала, как дела.

— Иногда? То есть это было не один раз?

— А что поделывать, систер? У тебя ж вообще ничего не вытянешь.

Кошмар, какой кошмар. Так вот для чего существуют старшие сестры — чтоб позорить младших!

«У тебя ничего не вытянешь». А у Морозова? Что она у него «вытянула»?

Пока я находилась в оцепенении, пытаюсь осмыслить сказанное, сестра успела набрать Дениса Сергеевича. И уже через пару минут он был рядом с нами.

— Кажется, Вика сломала ногу. Надо срочно отвезти ее в травмпункт, — сообщила Аля.

— Ногу сломала? Здесь, в фойе? Как это произошло? — удивился он.

— Я хотел рассмотреть ее глаз, а она вдруг — кааак дернулась... и улетела вниз, — сообщил Королев. В это время я, стоя на одной ноге, держалась за него, но после таких слов рассердилась и ухватилась за перила.

— А, понятно, — Морозов посмотрел на меня с усмешкой.

Зачем только сестра его позвала? А Королев? Кто просил молоть языком? Какие все противные вокруг!

— Не нужно меня везти ни в какой травмпункт, — недовольно заявила я. — Хочу домой.

Но троица была непреклонна.

Морозов сбегал на кафедру и принес мои вещи — куртку и сапоги. Правда, поскольку больная нога распухла, надеть удалось лишь один сапог.

Меня загрузили в машину Сергея и повезли в больницу. Уже в машине я вспомнила, что сумка осталась на кафедре.

— Моя сумка! Мы забыли сумку! Там телефон! — вскрикнула я.

— Вика, — сказала сестра, — угомонись. Никто на твою сумку не позарится. И телефон — зачем он тебе сейчас нужен? Ты лучше думай о том, что станешь делать, если это действительно перелом. Как будешь передвигаться? Хотя... кажется, у нас есть костыли. В кладовке.

Да, костыли у нас определенно имелись — у папы когда-то был перелом ноги

— Теперь Изольда не только Красноглазая, но и Хромоногая, — пробормотала я.

— Еще и пытаешься острить? — спросила Аля.

— А что мне делать? Рыдать? — огрызнулась я.

В травмпункте, несмотря на позднее время — почти десять вечера — была огромная очередь. Не успели мы войти, как несколько человек, подозрительно покосившись на мое котарди, стали звучно сморкаться, будто у них аллергия на этот вид одежды.

— Ой, — сказала сестра. — Я боюсь.

Не поздно ли спохватилась, голубушка?

— Вы поезжайте домой, а я останусь, — заявил Морозов.

— Позаботишься о ней? — спросила Аля.

— Конечно, не волнуйся, — уверил ее Денис Сергеевич.

После этого Аля и Сергей усадили меня на свободное кресло и спокойненько уехали.

— Не надо мне от вас никакой помощи, уходите, — сообщила я Морозову сразу, как только парочка скрылась из виду. — Я просто не стала при них разборки устраивать, но вообще-то — и без вас справлюсь.

— Угу, — кивнул он.

После чего присел рядом и стал что-то смотреть в телефоне.

— У вас что — проблемы со слухом? Или с восприятием информации? — стала «закипать» я.

— Проблем нет, — ответил он, не отрываясь от телефона. — Но я тебя не брошу. Отвезу домой, как и обещал твоей сестре.

— Я не хочу от вас никакой помощи! — упрямо повторила я.

— Вика, не вредничай, пожалуйста. То есть ты можешь, конечно, вредничать, но я все равно никуда не уйду.

Какой упертый тип!

Мы замолчали. Потом я решила, что должна сказать нечто важное.

— Аля мне сегодня сообщила, что звонила вам несколько раз, — заявила я. — И вы о чем-то общались за моей спиной. Значит, вы в курсе — я до сих пор не сказала им правду... про нас. То есть правду я и не собиралась говорить, уж извините. Я не сказала, что нас больше ничего не связывает. Но это — лишь потому, что случай не представился. Я их почти не видела в последнее время. Только поэтому.

— Меня это совершенно не волнует, — ответил Морозов, но ко мне так и не повернулся.

Нет, вы только посмотрите! А есть хоть что-нибудь, что его волнует? Ну, кроме женитьбы? Почему-то при мысли об этом я «вскипела» еще больше и подумала — как хорошо, что скоро я буду далеко! И забуду всё, как страшный сон!

— Слава богу, всё закончилось! — нечаянно вырвалось у меня.

Ляпнув такое, я испугалась.

Ведь Морозов обещал мне рассказать *что-то, когда все закончится*. Вдруг он сейчас подумает, будто я именно на это намекаю. Подумает, будто мне всё это триндец как интересно. А на самом деле — ну вот нисколько неинтересно!

Я с опаской покосилась на Дениса Сергеевича и заметила, что он улыбается. Поскольку я была уже на взводе, то не выдержала:

— Скажите, я разве что-то смешное говорю или делаю? Почему вы в последнее время так часто улыбаетесь?

— А почему ты думаешь, что это связано с тобой? — наконец-то он повернулся ко мне.

— Ну да! Наверное, просто есть повод для прекрасного настроения, — с досадой сказала я.

— Наверное, есть, Вика, — продолжая улыбаться, ответил он.

А мое настроение от этого испортилось еще больше.

К счастью, в этот момент меня вызвали к врачу. Оказалось, что перелома нет и даже вывиха нет — всего лишь сильное растяжение. Хоть какая-то хорошая новость! Правда, чтобы все скорее зажило, придется несколько дней соблюдать определенный режим.

— Это — ваш муж? — врач кивнул на Морозова. — Вы должны обеспечить ей покой на несколько дней, — обратился он к Денису Сергеевичу.

— Нет! Он, слава богу, не мой муж, — ответила я. — И этот человек не может обеспечить покой. Он может обеспечить только беспокойство.

Врач засмеялся. Ну надо же — какие веселые люди меня окружают!

После этого Морозов вывез меня в коридор и вызвал такси.

Машину пришлось ждать довольно долго. И ехали мы — из-за гололеда — тоже довольно долго. Я была уже изрядно измучена и мечтала лишь об одном — скорее завалиться спать. Но сначала надо будет сделать холодный компресс, как врач советовал.

Когда мы наконец-то подъехали к моему дому, Денис Сергеевич сунул таксисту деньги и попросил подождать пять минут. Он собирался доставить меня в квартиру и вернуться назад, но не тут-то было!

Не успели мы зайти в лифт и доехать до нужного этажа, как свет замигал и погас. А с ним погасла и моя надежда, что этот день всё-таки закончится хорошо.

□

ГЛАВА 28. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Лифт дернулся и остановился.

Морозов, который держал меня на руках (когда мы вылезли из такси, я пыталась сопротивляться такому способу транспортировки, но Денис Сергеевич настоял, что «так быстрее»), сказал:

— Вика, я тебя сейчас поставлю, сможешь стоять на одной ноге? Просто мне не видно кнопку вызова лифтера, хочу телефоном подсветить.

Я стала смеяться.

— Что смешного?

— Денис Сергеевич, этот лифт старше меня и даже старше вас. И кнопка вызова лифтера перестала работать еще до моего рождения. Надо ждать, пока дадут свет или пытаться выбраться самим.

— Все равно нужно телефон достать. Позвоню таксисту — может, он поможет.

Морозов осторожно поставил меня на ноги (точнее, на одну ногу), достал телефон и с недоумением обнаружил, что сей прибор, по причине полной разряженности, перестал функционировать.

— А чего еще можно было ожидать! — воскликнула я. — Вы ж его в больнице замучили, вот он и умер.

— Прямо не день, а стихийное бедствие! — пробормотал Денис Сергеевич.

— А если б вы не тащили меня на руках, то мы бы медленнее дошли, зато не застряли бы в лифте! — продолжила я перечислять Морозову его «грехи».

— В том, что ты ногу повредила, тоже я виноват? — язвительно поинтересовался он.

На эту реплику я решила не реагировать. Хотя — да, в повреждении моей ноги он тоже был виноват.

Тем временем Денис Сергеевич попытался открыть двери лифта.

— Что вы делаете?

— Хочу попробовать выбраться — не сидеть же здесь до утра.

Оказалось, что мы застряли между этажами. То есть — не совсем — некая возможность выбраться всё же имелась — большая щель наверху. Морозов каким-то образом подтянулся и вылез в эту щель. Но как только ему это удалось, дверь захлопнулась и я осталась в крошечной темноте совершенно одна.

— Ааааа! — завопила я уже второй раз за вечер. И подумала — вот будет «весело», если Морозов, припомнив и мои «грехи», бросит меня здесь. Но тут же услышала его голос:

— Вика, не волнуйся. Сейчас я тебя вытащу.

Он снова открыл дверь, и, просунувшись в щель, подхватил меня и вытащил наружу. А потом

попытался рассмотреть свою руку.

— Кажется, я поранился, — сказал он, — правда, тут почти ничего не видно.

— Давайте уже поднимемся в квартиру, — недовольно отозвалась я, — там хотя бы свечи есть.

Выяснилось, что мы застряли между третьим и четвертым этажом. А жила я на восьмом. Морозов с легкостью доставил меня в квартиру — будто я весила всего лишь пару килограммов.

Оказавшись дома, я сразу же поскакала к окну — посмотреть, на месте ли такси. Конечно, таксиста и след простыл. Замечательно, ничего не скажешь!

Я зажгла свечи, затем достала из кладовки костыли — надо же как-то передвигаться по квартире, не наступая на больную ногу, — и приступила к осмотру «раны» Морозова. Это оказалась всего лишь небольшая ссадина. Достав антисептик, я обработала ее и заклеила пластырем, одновременно размышляя о сложившейся ситуации. Такси сейчас никак не вызвать. На дворе ночь и общественный транспорт в нашем районе не ходит. Значит, Морозову в данный момент не добраться домой. Разве что пешком. То есть...

— Давайте что-нибудь поедим, — пробурчала я. — А потом — если хотите, можете остаться. Комната сестры сейчас пустует.

Денис Сергеевич кивнул, но ничего не сказал. Я достала из холодильника еду и мы сели ужинать.

«Какая ирония судьбы», — подумала я, — «только решила, что всё закончилось, и вдруг жизнь подбрасывает мне *с ним* ужин при свечах! Кошмар! Но... к своему стыду вынуждена признать, — есть в этом что-то завораживающее. И этот негодяй — какой же он всё-таки красивый! Хотя я не должна на него пялиться».

Только я собралась отвернуться, как Денис Сергеевич, который до этого рассматривал еду, поднял на меня глаза и произнес:

— Какая же ты добрая девушка, Вика! Даже считая меня... ужасным человеком, не отказываешь в еде и крыше над головой.

У меня возникло ощущение, что он издевается. И, тем не менее, я ответила:

— Я — не добрая. Просто вы оказались в такой ситуации по моей вине. Что еще остается делать? И я... не считаю вас ужасным человеком, просто между нами...

Тут я запнулась.

— Между нами... что?

— Тотальная несовместимость, вот что.

После этих слов Морозов усмехнулся и вдруг тааак на меня посмотрел... еще похлеще, чем тогда, на кафедре. Меня прямо в жар бросило, руки и ноги затряслись.

«Надо срочно что-нибудь сказать, чтоб развеять дурацкое наваждение», — подумала я. Но все нужные слова из головы вылетели, — будто я была первоклашкой, а не дипломированным филологом.

— Вика, — внезапно спросил Морозов, — скажи, почему ты меня боишься?

— Я... — пробормотала я, — нне боюсь. С чего вы ввзяли?

— Так ты дрожишь сейчас не от страха?

— Ддрожу? Ннет, не от страха. От холода. Я замерзла.

— От холода? Серьезно? По-моему, здесь очень жарко, — сказал Денис Сергеевич и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

Я судорожно сглотнула и постаралась взять себя в руки.

— И совсем не жарко у нас. Холодно. — Усилием воли я заставила себя произнести эту фразу уверенно и без запинки.

— Ладно. Пусть будет холодно, — почему-то подозрительно быстро согласился со мной Морозов. — А ведь тебе еще лед к ноге нужно будет приложить. Хочешь, помогу?

— Вы мне очень поможете, если поскорее отправитесь спать, — любезно ответила я, решив, что с наваждениями надо быстрее «завязывать». — Все остальное я пока еще в состоянии сделать сама.

— Хорошо. Тогда я наелся, спасибо.

Я отвела его в комнату Алевтины. На мою беду, полки в этом помещении были полностью заставлены фотографиями. Морозов вдруг поднес свечу к одной из них, затем взял ее в руки и начал смеяться.

— Это — ты? Правда? Такая толстая?

Я в негодовании вырвала у него фото.

— Мне тут всего полтора года! Дети бывают толстыми, вы не знали?

Морозов взял другую фотографию — на ней мы были вдвоем с Алевтиной. И заметил:

— А вы с сестрой всё-таки похожи.

Конечно, это была неправда. Но чтобы скорее отвязаться, я не стала спорить — ответила:

— Неудивительно, раз мы — родственники.

И только собиралась сказать — ну хватит пялиться на фотки, пора спать, как Денис Сергеевич выудил новое фото. Где мы были вдвоем с Королевым. Никогда не забуду — это фото было сделано в день выпускного Сергея и Алевтины. Я тогда еще пребывала в счастливом неведении насчет их отношений и радостно улыбалась.

— «Love alters not with his brief hours and weeks,

But bears it out even to the edge of doom», — сказал вдруг Морозов.

Между прочим, это был отрывок из последнего переведенного нами сонета. Я вспомнила, как мы спорили насчет толкования первых строк этого сонета. Там был двойной смысл — "да не признаю я, что возможны препятствия для союза верных душ" и "пусть я не буду препятствием для союза верных душ"*. Но сейчас Денис Сергеевич процитировал другую фразу — «любовь не меняется с быстротекущими часами и неделями, но остается неизменной до рокового конца».

Зачем он это сказал? В голове промелькнуло, как я недавно смотрела в глаза Королеву и ничего при этом не чувствовала.

— Почему вы вдруг вспомнили самую тупую фразу из всех сонетов?

— Тупую? — переспросил он.

— Глупо думать, что существует неизменная любовь.

— Откуда ты можешь знать, что она не существует? — даже при свете свечи я увидела, как Денис Сергеевич прищурился. — Разве ты когда-нибудь любила по-настоящему?

Что еще за выпад?

— А вы откуда можете знать, что она существует? — парировала я. — Разве вы когда-нибудь любили по-настоящему?

И тут же пожалела, что это сказала.

— О! Я вижу, тебе многое обо мне известно, — заметил Морозов. — Интересно, где ты почерпнула такие сведения? Ах, да! Ты же читала мою книгу!

— Что? — от удивления я покачнулась и чуть не упала.

— Я потом нашел следы — в некоторых местах рукописи ты чернила размазала.

Вот же черт! Хорошо, что темно и не видно, как я смутилась.

— Конечно, после этого ты могла сделать вывод, что я никого никогда не любил. Ни по-настоящему, ни... вообще никак, — продолжил он. — Только, Вика, я ведь писал эту книгу

несколько лет назад. А сейчас достал переписывать. Теперь я знаю многое про любовь. Знаю, что она может залечить любые раны.

Меня эти слова будто ножом полоснули. Так и хотелось съязвить: «... только чтобы залечить ваши раны, потребовались двухметровые ноги».

Конечно, ничего подобного я вслух произнести не могла. Просто сказала:

— Спокойной ночи, — и вышла из комнаты, отправившись на кухню прикладывать лед к ноге.

Как жаль, что к сердцу лед не приложишь! Оно продолжало полыхать — от негодования и обиды. Сон как рукой сняло. Нет, вы только посмотрите — этот ценитель юных красоток еще будет рассказывать мне о настоящей любви!

Заснуть удалось лишь к утру. Проснулась я часов в десять от умопомрачительных ароматов, разносящихся по квартире. Проковыляв на кухню, обнаружила, что Морозов...? Чтоооо? Готовит завтрак?

— Э-э... что вы делаете? Готовите? — удивленно выдавила я.

— Доброе утро! — он повернулся ко мне, — ха-ха, видела бы ты сейчас свое лицо! Чему ты удивляешься? Думала, я не умею готовить? Нет, Вика, я умею. Научился когда-то. То есть — пришлось научиться. Просто мне обычно некогда, да и не люблю я это дело. Но сегодня же — праздник. Решил — надо тебя хоть как-то поздравить, — сообщил он с абсолютно невозмутимым видом и начал сервировать стол.

Чего-чего? Я еще не отошла от ночного разговора, и вся эта ситуация меня очень рассердила.

— А зачем вы МНЕ готовите завтрак? Девушке своей готовьте! И ее поздравляйте! — вырвалось у меня.

Морозов странно на меня посмотрел, а ответил на мой выпад и вовсе удивительно:

— Вика, у меня в последнее время возникают сомнения, что ты — филолог. Ты точно сама проводила лингвистический анализ текстов?

Вот к чему такое говорить, а? Я рассердилась еще больше и сказала:

— А у меня возникают сомнения, что вы — доктор наук. Такие тупые вещи иногда выдаете.

По непонятной причине Морозов и на эту реплику не обиделся, а с насмешкой произнес еще более странную фразу:

— Так наличие ученой степени не свидетельствует о наличии ума, ты разве не знала? Ученая степень говорит лишь о том, что человек умеет добиваться поставленных целей.

Я вдруг подумала, что наш диалог в данный момент напоминает постмодернистский текст — какой-то смысл в нем есть, но какой именно — понять сложно. Или смысл в том, что Денис Сергеевич хочет прикинуться дураком?

Пока я раздумывала, не обрушить ли этот завтрак ему на голову, входная дверь распахнулась и в квартиру ввалилась Алевтина. Увидев нас, она сделала квадратные глаза.

— Я... э-э... не могла дозвониться и... э-э... приехала узнать, как дела, — сообщила она смущенно. — Теперь вижу, что прекрасно. И сейчас же возвращаюсь назад.

— Нет, погоди. Этот человек уже уходит, — я кивнула в сторону Дениса Сергеевича.

— Вика! Ну как не стыдно! — возмутилась сестра.

— Мне действительно пора, — сказал ей Морозов и затем обратился ко мне, — я позже привезу твою сумку.

— Нет! Не надо мне никакой сумки, — сообщила я. — Пускай лежит на кафедре,

ничего с ней не случится.

— Вот те раз! — воскликнула Аля, — вчера срочно была нужна сумка, а теперь — не нужна. Денис, у этой девчонки семь пятниц на неделе!

□

— Я заметил, — поддакнул ей этот тип и пошел одеваться.

После того, как он ушел, Алевтина хитро мне подмигнула:

— Ну что, Викуля, далеко дело зашло, да?

Да, Аля, трындец как далеко. Твоя сестра притащила домой мужчину, который скоро женится на другой, накормила его ужином при свечах и оставила ночевать у себя дома.

— А почему ты его так быстро выставила? Какой у тебя всё-таки вредный характер, Вика! Нельзя так себя вести с мужчинами, папа бы тебе объяснил, — не успокаивалась Аля.

— Папы, слава богу, здесь нет, — заметила я. — И пожалуйста — не говори родителям о том, что сейчас видела.

— Так и быть, буду молчать. Если ты угостишь меня завтраком.

Не дожидаясь моего приглашения, сестра накинулась на еду и стала поглощать ее с бешеной скоростью. Причмокивая, она сказала:

— Вкууусно! Молодец, сестричка! Не потеряла кулинарных навыков, так держать!

Я вдруг тоже почувствовала голод и, испугавшись, что сестрица в момент всё сожрет, присоединилась к трапезе, с прискорбием отметив, что еда у Морозова действительно получилась вкусная.

После того, как Аля уехала, я в очередной раз приложила лед к ноге и снова отправилась спать. Проваливаясь в сон, подумала — а почему Морозов всё-таки не сказал мне это свое *кое-что*? Ведь возможность для подобного разговора у него имелась!

Сейчас я понимаю, почему — потому что в *тех* обстоятельствах он наверняка получил бы от меня костылем по голове.

А Денис Сергеевич, что бы я там ни говорила, был далеко не дурак. Видимо, он как следует всё обдумал и решил свести риски к минимуму, сообщив мне *нечто* в такой момент, когда я меньше всего этого ожидала и никаких «санкций» применить не могла.

---

*В адаптации Маршака первые строки 116 сонета звучат так:

«Мешать соединенью двух сердец

Я не намерен. Может ли измена

Любви безмерной положить конец?

Любовь не знает убыли и тлена».

□

ГЛАВА 29. СПОР

После праздников я шла (то есть — ковляла) на работу с твердым намерением написать заявление на увольнение. К тому времени я уже передвигалась самостоятельно, без костылей, и всё же наступать на ногу было еще немного больно.

Не успела я дойти до здания факультета, как двери его распахнулись. Навстречу выбежала Таня Журавлева и... бросилась мне на шею, словно самая закадычная подруга.

Что за дела?

— Викуля! — заверещала Татьяна. — Какая же ты молодец! Поздравляю! Поздравляю!

Вот те раз! С чем это она меня поздравляет? С прошедшим праздником? Но тогда почему я — молодец?

Пытаясь вырваться из цепких объятий Журавлевой, я постаралась выяснить, что происходит.

— Я сейчас была в деканате, — объяснила Журавлева, — и узнала, что ты... то есть — вы с Морозовым — выиграли конкурс переводов. Только что сообщили. Декан на седьмом небе от счастья. Сразу же стали тебе звонить, но не могли дозвониться. И я вышла тебя встречать — хотела первая сообщить новость.

Ну и ну! Я ошарашено захлопала глазами. Если честно, работая над этим проектом, я совсем не думала о победе и тех перспективах, что она может принести.

Как оказалось, — зря не думала. В тот день я узнала — принести она может немало. В деканате, куда меня притащила Журавлева, сказали, что на днях я поеду в Москву на вручение этой премии. И церемонию даже покажут по телевизору.

Вот это да! Наконец-то и на моей улице наступил праздник.

Значит, больше никто не посмеет назвать меня «обычной лаборанткой».

Значит, мне теперь не нужны ничьи рекомендации, чтобы перевестись в другой ВУЗ.

И всё бы хорошо, если б не ложка дегтя, подпортившая приподнятое настроение. Точнее, — ложек было целых две.

Первая — победа в конкурсе предполагала получение гранта на другие переводы и дальнейшую публикацию сборника этих переводов. Ведь для участия мы отправили лишь часть сонетов — все за такой короткий срок, конечно же, перевести было невозможно (да это по условиям и не требовалось). Только вот в моем случае ни о какой дальнейшей работе в этом направлении речь идти не могла. Значит, — не видать мне сборника. Я понимала — глупо отказываться от такой возможности. Серьезные ученые так не поступают. Серьезные ученые, стиснув зубы, идут к своей цели, не обращая внимания на личные неурядицы. Но продолжать и дальше *кое с кем* работать было просто выше моих сил. Выходит, я — не серьезный ученый. Мысль об этом изрядно омрачала радость победы.

Вторая ложка дегтя была такой: не *я поеду* в Москву на вручение этой премии, а *мы поедем* — вместе с Морозовым. Конечно, дегтем это было лишь для меня, а в глазах окружающих — триндец какой подарок судьбы.

— Я слышала — служебная командировочка намечается! Мммм... как романтично! — Маша подкатила глаза.

После бурных поздравлений в деканате и на кафедре (Томашевский даже раздобыл где-то плакат со словами Маршака: «Перевод стихов — высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два — на вид парадоксальных, но по существу верных — положения. Первое:

перевод стихов невозможен. Второе: каждый раз это исключение» и вручил его мне) наступило время обеда. Не успела я занять место за столиком, как прискакала Мария и, как всегда, начала нести ересь.

— Что романтического-то? — огрызнулась я.

— У Морозова же в Москве квартира есть...

— И какое мне дело до его квартиры? Тем более, мы на один день едем. Туда и назад.

— Правда? — кажется, Мария даже расстроилась. — Жаль.

А мне вот было вообще не жаль. Перспектива провести с Морозовым хоть лишний час совсем не радовала. Хорошо, что терпеть его присутствие придется не так уж и долго. Хотя организаторы конкурса и оплатили нам билеты на самолет, я не собиралась лететь вместе с этим товарищем.

— Что? Как это — поедешь на поезде? — недоуменно переспросил Морозов, когда я сообщила ему эту новость. — У нас уже билеты на самолет есть. Они невозвратные.

— Ну и что? Пропадут, значит. А я поеду сама и за свой счет.

— Это из-за меня?

— О боже! Нет, конечно! Или вы думаете, что во вселенной всё вокруг вашей персоны вертится? Вы тут вообще ни при чем.

— А в чем тогда дело?

— Ни в чем.

— Виктория!

— Ну что — «Виктория»? Аэрофобия у меня!

— Аэрофобия? — Денис Сергеевич засмеялся.

— Что смешного? Последний раз во время перелета мне было так плохо, что даже родители ничего сделать не могли, а ведь они, между прочим, дипломированные психологи! С тех пор я зареклась летать на самолетах.

В голове сразу же всплыла та поездка — тогда от страха у меня начались дикие спазмы. Из-за чего тошнило всю дорогу — так сильно, что стюардессы не успевали менять бумажные пакеты.

Родители говорили, что аэрофобия бывает у людей, привыкших всегда и всё держать под контролем. Но толку от этого знания, если никакая терапия мне не помогала?

— Не волнуйся, в этот раз всё будет хорошо. Я знаю прекрасное средство от аэрофобии, — заявил Морозов в ответ на мое признание.

— Ага, как же, знаете!

— Вика, честно! Ты даже не заметишь, как долетишь.

— Хотите напоить? Нет, алкоголь на меня в этом случае не действует.

— Напоить? После того, как видел твои выходки в пьяном виде? Боже упаси!

— А что тогда предлагаете? Что может мне помочь? Полный вынос мозга?

— Ну, в этой области ты у нас — доктор наук. Я с таким не справлюсь.

— Почему же? У вас прекрасно получается.

— Поверь — до тебя мне далеко.

— Ха-ха. И всё же — средств, которые избавят меня от аэрофобии, просто-напросто не существует.

— Хочешь поспорить?

— Я бы поспорила, но не уверена, что в случае моей победы вы сможете отдать то, что я захочу.

— А что ты хочешь?

— Разворот черного часослова.

— Идет.

Что? Вот так просто? Он настолько уверен в своей победе? Даже ни на секунду не задумался.

— А вы что хотите, если вдруг выиграете? То есть, это, конечно, невозможно, но всё же...

— Ты останешься на кафедре.

— Что?

— Я знаю — ты собираешься уйти. Но если я выиграю — ты останешься. Займешь место Анисимова.

— А зачем вам нужно, чтобы я осталась? Вы же меня ни во что ни ставите! И работы мои ни во что ни ставите!

— Ты опять за старое, да? Я никогда такого не говорил. Я говорил, что ты занимаешься не тем, чем надо.

— Надо — кому? Вам?

— Твоей научной карьере.

— Моей карьере больше ничего не угрожает.

— А по какой причине, интересно, ей больше ничего не угрожает?

Черт. Я прикусила язык. Ведь получается — именно то, от чего я долгое время бежала и то, что всегда критиковала, привело меня к успеху. И оказывается, я ошиблась насчет двух ложек дегтя. На самом деле их было три. Третья — сегодняшним успехом я была обязана Морозову. Много лет я занималась тем, *чем хотела*, но чего-то добилась лишь тогда, когда занялась тем, чем *принято заниматься* в академической среде. Все случилось именно так, как и предсказывал Денис Сергеевич. Из-за осознания этого факта настроение испортилось еще больше.

— Ну так что? — Морозов тем временем не отставал. — Мы спорим или нет?

Я снова вспомнила, как сильно меня тошнило в самолете, как суетились вокруг стюардессы и родители. Ну что ж, пускай потом пеняет на себя. Всё же возможность стать обладательницей фламандского манускрипта такая заманчивая... ради этого, пожалуй, можно перенести пытку.

И я поспорила.

Но беда в том, что я даже не подозревала, какую ловушку уготовил мне этот коварный скорпион.

□

ГЛАВА 30. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ АЭРОФОБИИ

— Вика, тебя и правда по телевизору покажут?

После известия о награждении сестра приехала в гости и целый вечер досаждала мне своими глупостями.

— Правда, — буркнула я.

— А по какому каналу?

— По «Культуре». Но вряд ли ты слышала о таком канале. Сомневаюсь, что ты даже значение слова «культура» знаешь.

— Всё еще дуешься на меня?

— Нет, Аля, на что мне дуться? Это же мечта всей жизни — услышать, как родная сестра называет тебя чучелом!

— Я так не говорила! — Алевтина пошла на попятную. — Всего лишь заметила, что надо срочно купить тебе платье на церемонию награждения, а то ты, как всегда, не придашь этому значения и...

— ... и поеду, «как чучело»!

— Ладно, извини, я погорячилась! Так когда отправимся за платьем? Время-то поджигает!

— Не поеду я с тобой никуда! В последний раз из подобной поездки ничего хорошего не вышло.

— Как это — не вышло? По-моему, всё просто отлично получилось! Не платье купили — огонь! Но в данном случае такое, конечно, не подойдет. Надо выбрать что-то скромное и в то же время — элегантное.

В общем, сестрица так на меня насела, что я поехала с ней за платьем — лишь бы отстала. Но, если честно, ее помощь пришлась кстати. Вкус у Алевтины всё же имелся — она подобрала отличное платье. Одна я бы не справилась. Потому что перед поездкой уже плохо соображала — находилась в диком нервном напряжении. Мое буйное воображение рисовало картины жутких авиакатастроф. Я и не догадывалась, что командировка приведет меня к совсем другой катастрофе.

В день вылета пришлось встать в четыре утра. В восемь я приехала в аэропорт. Денис Сергеевич уже был на месте. Мы прошли регистрацию на рейс и поднялись в зал ожидания, из панорамных окон которого открывался вид на взлетно-посадочную полосу. Меня начала бить дрожь, ладони покрылись липким холодным потом. Я с тоской смотрела на коньяк в витрине всё еще закрытого дьютика и проклинала Морозова, который совершенно безмятежно развалился в кресле и стал что-то тыкать в своем планшете.

К тому времени я уже сильно жалела, что ввязалась в дурацкий спор. И готова была сама подарить кому-нибудь фламандский часослов (и даже инкунабулу, если б она у меня была), — лишь бы поехать на поезде.

При посадке в самолет у меня стали подгибаться колени и страшно пересохло во рту. Хотелось броситься наутек, но было поздно. Мы заняли свои места. Время потянулось мучительно долго.

Накануне я решила, что не стану специально расспрашивать Морозова о его *верном средстве от аэрофобии* — будь что будет! Но когда самолет набрал скорость и взмыл в небо, а у меня заложило уши и сердце ушло в пятки, я не выдержала. Вцепившись в руку

Дениса Сергеевича, громко воскликнула:

— Ну и где же это ваше хваленое средство?! Чего вы тянете? Что там нужно съесть или выпить — давайте скорее, а то меня сейчас стошнит!

Денис Сергеевич, который успел найти какой-то гляцевый журнал и теперь делал вид, что увлечен чтением, после этих слов отложил журнал в сторону, наклонился к моему уху и негромко произнес:

— Это была моя сестра.

— Что? Какая еще сестра, вы сейчас о чем? — сначала я вообще ничего не поняла.

— Девушка у меня дома. Вика. Моя родная сестра.

Я почему-то растерялась. И еще не до конца осознавая происходящее, стала нести всякую ерунду:

— Ваша сестра? Но она же... совсем на вас не похожа! Разве что — ростом...

— Вот видишь — значит, родственники не всегда похожи, — ответил Денис Сергеевич.

Вдруг до меня дошло. Я увидела прошлое в совсем другом свете. И это меня настолько поразило, что я начала говорить совершенно невозможные вещи:

— Так зачем же вы мне тогда сказали, что она — ваша девушка?

— Что? Когда это я такое говорил? Напомни, пожалуйста.

Я быстро-быстро заморгала, пытаюсь воссоздать в уме события двухмесячной давности.

— Вика, если ты забыла, напомню, — видимо, Денис Сергеевич понял, что ответа от меня не дождешься и решил взять ситуацию в свои руки. — Я тогда сказал: «есть девушка, которую я люблю», а не «у меня есть девушка». Разницу чувствуешь? Не зря же я спрашивал про твои навыки в лингвистическом анализе. Ты абсолютно неправильно интерпретировала мою речь.

— Ах, так, значит! Но ведь вы же... вы специально это сделали! Построили предложения так, чтоб я ее неправильно интерпретировала!

— Я сделал все, чтобы мы нормально закончили проект. Потому что знал, как это важно. Когда ты убежала от меня в тот вечер без объяснений... когда на следующий день шла мне навстречу с расширившимися от ужаса глазами — я понял — если не скажу подобное, ты не станешь дальше со мной работать.

— И для этого вы даже подстроили мне встречу... с Викой?

— Подстроил? Как же я мог такое подстроить? Нет, всё случайно вышло. Она прилетела на пару дней — подписать кое-какие документы. Я и понятия не имел, что ты в это время решишь вернуть мне книги. И уж тем более не мог представить, что ты так... гм... бурно отреагируешь. Да, не буду отрицать — я многое утаил, не объяснил сразу. Но только потому, что сам не ожидал увидеть такую реакцию... а потом подумал, что тебе нужно время... разобраться со своими чувствами.

— Чувствами?

Лишь в тот момент я внезапно осознала, О ЧЁМ мы *на самом деле* говорим. И это меня так шокировало, что я закричала:

— Какую еще реакцию, что за глупости вы несете! И нет у меня никаких чувств!

— Совсем никаких чувств? Ладно. Зато смотри, как замечательно — от твоей аэрофобии не осталось и следа, — насмешливо заметил Денис Сергеевич.

Я снова быстро-быстро заморгала. А ведь и правда! Я даже забыла, что нахожусь в самолете.

— Так что... ты проиграла, Вика, — подвел итог Морозов.

В негодовании я отвернулась к иллюминатору и замолчала, но мозг мой в это время работал с бешеной скоростью. Да, я проиграла, но сейчас есть проблема поважнее. Если то была его сестра, тогда о ком он писал в блокноте? И на ком собрался жениться?

Будто услышав мои мысли, Денис Сергеевич вдруг снова наклонился к моему уху и произнес:

— Вика, раз мы этот вопрос прояснили, перейдем к другому. Я хочу сделать тебе предложение.

После этих слов он положил свою ладонь на мою руку.

AAAAAAAAAAAAA!

— Что? — нечаянно вырвалось у меня. — Вы с ума сошли, что ли? Кто же делает предложение в самолете?

Боже! Сколько раз я потом пожалела о своих словах — не передать! Можно сказать, они сыграли роковую роль в дальнейшем развитии событий.

— Почему нет? Какая разница? Вика, я хочу... очень хочу стать твоим... научным руководителем.

— Что?

Хорошо, что я была в самолете. Иначе убила бы *этого человека*.

Плохо, что я была в самолете. Никуда не убежишь от *такого позора*.

Денис Сергеевич старался сохранять серьезный вид, но я чувствовала — это явное издевательство! Поэтому нахмурилась и снова отвернулась к иллюминатору.

— Вика! Ну почему ты рассердилась? Согласна или нет?

— Денис Сергеевич! — любезно отозвалась я. — Пожалуйста, оставьте меня сейчас в покое.

Краем глаза я заметила, что после этих слов он откинулся в кресле и прикрыл глаза, с трудом сдерживая смех.

Я чувствовала себя полной дурой! Как это вообще возможно — чуть ли не прямым текстом заявила, что *имею определенные виды*, хотя на самом деле это совсем не так! Точнее, не совсем так!

Мое неподобающее приличной девушке поведение, да и вся эта история настолько выбили меня из колеи, что я даже не помню, как мы долетели в Москву и добрались до нужного места.

Там я почему-то заявила организаторам, что не только не буду выступать, но и на сцену выходить не стану. Хотя накануне готовилась, речь писала. Да и платье именно для этого прикупила — как последняя дура. Денис Сергеевич почему-то на мое заявление вообще никак не отреагировал, и я еще больше разозлилась.

Боже, скорее бы вернуться домой! Всё бы отдала, чтобы оказаться сейчас в своей комнате, а не сидеть в первом ряду в этом зале, слушая витиеватые речи ученых мужей о будущем науки. Не хочу я уже никакой премии!

Тем временем началась церемония награждения, и на сцену вышел Морозов. Да-да, пускай все лавры себе забирает!

Но Денису Сергеевичу, оказывается, нужны были вовсе не лавры. Злосчастное выступление понадобилось ему совсем *для другой цели!* После непродолжительного вступления его речь приняла неожиданный оборот.

— На самом деле, эта победа — в значительной степени заслуга одной замечательной девушки, моей коллеги. Без нее успех был бы невозможен, — сказал этот ужасный человек и посмотрел на меня.

Камеры внезапно тоже развернулись в мою сторону, а один из операторов знаком попросил подняться. Что поделаешь... пришлось встать с места.

— И я уже давно понял, что хочу разделить с ней не только научные победы и поражения, успехи и неудачи... — продолжил Морозов, — я хочу разделить с ней всё — всю мою жизнь. Виктория Горячева, ты выйдешь за меня замуж?

□

ГЛАВА 31. ДА ИЛИ НЕТ

Па-бам! Я покачнулась и едва не упала — показалось, что земля разверзлась под ногами.

Что он сейчас сказал? Это точно не (страшный) сон? Со всей дури ущипнув себя за руку, я ошарашенно завертела головой по сторонам. Увы. Это был совсем не сон.

В зале повисла мертвая тишина: сотни людей не спускали с меня глаз, с нетерпением ожидая моего ответа. Хотя какие там сотни! С учетом трансляции — тысячи... десятки тысяч людей!

От ужаса у меня язык прилип к нёбу. Как поступить в такой ситуации?

Наверное, прошло не так уж и много времени, хотя казалось, что целая вечность, прежде чем я наконец-то смогла снова посмотреть на Дениса Сергеевича и ответить дрожащим голосом:

— Да. Выйду.

Зал разразился оглушительными аплодисментами.

Только вот никто из присутствующих не догадывался — голос мой дрожал вовсе не от волнения, а от злости. Я вдруг вспомнила недавние слова Морозова — «ученая степень свидетельствует о том, что человек умеет добиваться поставленных целей».

Браво Денис Сергеевич, браво! Это ж надо такое устроить! Как же ты всё отлично рассчитал, какой момент выбрал подходящий!

Правда, на себя я злилась не меньше. Понятно же, что из-за того нелепого возгласа в самолете можно было сделать вывод, будто я совсем не против подобного предложения. Вот уж вляпалась так вляпалась!

Тем временем вокруг завертелась просто бешеная суета — меня тоже вытолкали на сцену, и все принялись нас поздравлять. Потом в соседнем помещении начался фуршет, от которого было никак не отказаться — и там нас тоже зачем-то снимали. Пришлось делать вид, будто я невероятно счастлива и позировать с дурацкой улыбкой до ушей. А в это время виновник всех моих бед пользовался своим привилегированным положением и наглым образом меня обнимал, понимая, что в данный момент ему совершенно ничего не угрожает.

Когда же он окончательно потерял страх от своей безнаказанности, я незаметно, но яростно наступила ему на ногу каблуком. К сожалению, это не возымело совершенно никакого эффекта. Ну, Морозов, погоди! Вот устрою тебе — ждать осталось недолго!

В довесок к прочим неприятностям телефон начал чуть ли не взрываться от сообщений, только я не стала никому ничего отвечать, решив временно его отключить.

Но всему рано или поздно приходит конец, и данный случай не был исключением. Через пару часов люди стали расходиться. Мы с Денисом Сергеевичем также собрались и вышли на улицу.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что за нами больше никто не наблюдает, я тут же отскочила на безопасное расстояние. Морозов попытался приблизиться и что-то сказать:

— Вика...

Но я протянула руку вперед, показывая, что лучше ему оставить эту затею:

— Стоп, Денис Сергеевич! С этого момента — держитесь от меня подальше!

— Так я уже пробовал держаться от тебя подальше — ничего не выходит, — с насмешкой ответил он, — Тянет к тебе, как магнитом.

В такой ситуации еще и шутит? Я нахмурилась и пошла прочь.

— Вика, погоди! — крикнул он мне вдогонку.

Я не останавливалась. Он догнал меня и схватил за руку. Я тут же с негодованием ее вырвала.

— Да постой же! Прости! — теперь вид у него был совершенно серьезный. — Я понимаю, это получилось стремительно... неожиданно, но... давай всё обсудим. У меня тут квартира недалеко, а впереди — выходные. Может, задержимся хотя бы на день?

Что, и здесь квартира в «пяти минутах ходьбы»? Так я ему сейчас устрою — и квартиру, и «разговоры»! От пережитого недавно шока у меня ум за разум зашел, поэтому я понесла невероятную ерунду:

— Вы за кого меня принимаете, а? Думаете, я теперь вообще на всё согласна?

— Ты это о чем?

— Наверное, я не вчера родилась! Останемся на выходные в вашей квартире? Чтобы вы полезли ко мне со всякими глупостями?

— Вика... — засмеялся он, — ты — просто удивительная девушка! Разве мы женимся не для того, чтобы, в том числе, заниматься... э-э... как ты выразилась, «всякими глупостями»? Только сейчас я и правда хотел поговорить. К тому же, ты едва держишься на ногах — тут уж не до... э-э... «глупостей».

Вот зря он всё это сказал! Меня стало «заносить»:

— А мы женимся? Вы в этом уверены?

— Но ты же согласилась...

— Да, согласилась! Согласилась! Но лишь под давлением обстоятельств! Не хотела вас прилюдно позорить на всю страну! — вырвалось у меня.

— То есть... на самом деле ты не хочешь выходить за меня замуж. Я правильно понял?

После этого вопроса он так пронзительно посмотрел мне в глаза, что сердце чуть не разорвалось на части! Вся моя злость мгновенно улетучилась, на ее место пришли непонятная растерянность и безотчетный тягучий страх.

Ничего не ответив, я опустила голову и стала рассматривать асфальт.

— Вот поэтому я и говорю — нужно всё серьезно обсудить, — настаивал он.

— Извините, но я... не готова обсуждать... я не знаю ответа на ваш... вопрос, — запинаясь, наконец выдавила я, — мне надо... подумать. Но сейчас, как вы заметили, я действительно очень устала и хочу вернуться домой. Сегодня. Давайте вернемся... хорошо? — я снова подняла глаза и посмотрела на Дениса Сергеевича чуть ли не с мольбой.

— Хорошо, — после непродолжительной паузы ответил он. — Если настаиваешь, давай вернемся.

Почти всю дорогу назад я проспала. Потом Денис Сергеевич вызвал такси в аэропорт и даже сопровождал меня до подъезда, но я, конечно же, не стала приглашать его в гости.

Вернувшись домой, я чувствовала себя совершенно разбитой. Родители сразу же накинулись с поздравлениями, хотя и немного повозмущались, что не могли мне дозвониться. Только тогда я вспомнила, что до сих пор не включила телефон.

Зато все родственники, сообщили мама с папой, уже оборвали их телефоны, спрашивая о дате свадьбы. Также родители рассказали, что Алевтина, хоть и пришла в полный восторг от *новости*, невероятно сокрушалась, что не смогла со мной связаться. И даже порывалась приехать, чтобы караулить меня в родительском доме — ей не терпелось немедленно начать подготовку к свадьбе. Еще сестра хотела устроить праздничный ужин, но не была уверена,

что я вернусь именно сегодня (как хорошо, что я забыла включить телефон!).

От всех этих разговоров у меня пухла голова, но я держалась и натужно улыбалась. Затем немного поела (после пережитых волнений аппетит почти пропал) и отправилась в свою спальню, сославшись на усталость и головную боль.

Включив наконец-то телефон, я увидела миллион сообщений от Алевтины, парочку — от Маши, Андрея и других университетских коллег, и несколько — совсем «свежих» — от Дениса Сергеевича.

Д. Морозов: *Вика, мы же оба понимаем, что ты знаешь ответ.*

И я жду его.

Завтра.

Да или нет.

Да: ты открыто признаешь, что любишь меня. Ты навсегда станешь моей — и только моей, а я — навсегда твоим — и только твоим. Мы разделим все радости и горести, ты родишь мне детей (я хочу как минимум троих), и мы вместе встретим старость.

Нет: я навсегда уеду из города.

Решай.

ГЛАВА 32. ДОГОВОР

Я медленно опустилась на кровать. Строки прыгали перед глазами, я раз за разом перечитывала их, чувствуя, как на меня опять накатывает удушающий страх. Потом взяла и снова выключила телефон.

Жаль, что мысли так просто не выключишь! Как теперь заснуть?

«Ты знаешь ответ».

Но это была неправда. Я знала лишь то, что любила этого человека и... боялась его. Да, недавно я заявляла, что не боюсь, только это было враньем. Точнее, пугал меня не он, а та власть, которую он так стремительно и совершенно непостижимым образом надо мной приобрел. Я даже физически ощущала, как перестаю себе принадлежать.

Впервые в моей жизни появилось то, что я совсем не могла контролировать. Это дикое чувство жгло тело и душу, заставляло сердце то останавливаться, то выпрыгивать из груди, совершать глупые поступки, забывать про важные дела, сходить с ума днем и ночью.

«Да: ты открыто признаешь, что любишь меня».

Ну как мне признать это открыто? Я и сама себе в этом с трудом признавалась.

«Нет: я навсегда уеду из города».

Но и такого я допустить не могла. Теперь, узнав что он свободен, я осознала, что уже не представляю свою жизнь без этого человека. Только и с ним пока еще не представляю.

Почему в книгах и фильмах всё легко и просто, а реальная действительность порой похожа на запутанный клубок? Переход от воинствующей коллеги к невесте оказался для меня слишком быстрым и неожиданным, чтобы сразу же его принять.

Беспокоил меня и страх другого рода. Страх, что *такой мужчина* не сможет быть *всегда только моим*. Да, он *пообещал*, но как я могу быть в этом уверена?

В какой-то мере ответ на этот вопрос могло дать его прошлое — точнее, информация об отношениях с девушками. Но как мне получить такую информацию? В его книге на этот счет не было абсолютно ничего, поэтому я и сделала вывод, что Денис Сергеевич никогда не любил. Только означало ли это, что за спиной у моего потенциального жениха не прятался *огромный багаж* несерьезных отношений, о которых он не считал нужным упомянуть? Ревность к прошлому Морозова не давала мне покоя. Я чувствовала стыд из-за этих мучительных мыслей, но никак не могла их отогнать.

Да, сейчас он увлекся мной и даже отказал Бесединой. Да, не было никаких доказательств того, что с момента работы в нашем универе он с кем-то встречался, но всё-таки...

Всё-таки я с недоверием относилась к красивым мужчинам. Если Денис Сергеевич раньше часто менял девушек, могу ли я быть уверена, что прошлое никогда не перейдет в настоящее?

Из-за этих гнетущих раздумий я так и не смогла заснуть до рассвета, а потом зачем-то включила телефон.

И мне сразу же позвонила Аля.

— Вика, у тебя совесть есть? Почему ты не перезвонила? Почему не ответила на сообщения? Я всю ночь не спала!

«Боже, а ты-то чего не спала?» — хотелось спросить у нее, но я сдержалась.

— Что молчишь, рассказывай! — не успокаивалась сестра. — Хотя... я скоро приеду,

тогда подробности и узнаю. Но видела бы ты свое лицо! Не ожидала такого, да? Но это было круто! Вот бы мне кто-нибудь так предложение сделал! Ладно, через пару часиков увидимся и поговорим, а потом и начнем подготовку.

Только этого еще не хватало! Совсем ей, что ли, заняться нечем? Ну ничего, назойливая сестрица, сейчас я от тебя отделаюсь.

— Аля, — зажав пальцами нос, прогундосила в трубку я, — лучше не надо. Кажется, у меня начинается простуда.

— Да? — озадаченно отозвалась Алевтина. По голосу было слышно, что она весьма разочарована крушением своих грандиозных планов. — Ну... хорошо. То есть — не очень, хорошо, конечно. Но надеюсь, ты всё-таки не заболеешь. Я тогда позже позвоню.

— Ага, звони.

Отделавшись от сестры, я наконец-то провалилась в сон. И проснулась в обед от нового звонка. Незнакомый номер. Это еще кто?

— Вика? — уточнил незнакомый девичий голос.

— Да.

— Привет! Мы можем теперь общаться на «ты»?

— Кто это? — осторожно поинтересовалась я.

— Это Вика, сестра Дениса, помнишь? Извини, не смогла удержаться и не позвонить! Я так рада, так рада, никаких слов не хватит, чтоб выразить, как я рада! Я так волновалась за брата, а теперь просто камень с души свалился! — затараторила в трубку эта девушка.

Откуда у нее мой номер? И про какие камни речь? Спросонья я ничего не могла сообразить.

— Э-э... привет, Вика, — сказала я.

И поскольку правила хорошего тона требовали добавить что-то еще, спросила:

— А почему ты за него волновалась? Что-то случилось?

— Нет, я не про сейчас говорю! Теперь-то, конечно, уже не волнуюсь, а последние годы очень волновалась, он же был совсем, совсем один! Как засел за эту свою докторскую — света белого не видел! Очень хотел успеть защититься, пока тетя жива.

О чем она говорит?

— Что? В смысле — один?

— Да, представляешь, ни с кем не хотел строить отношения!

Сон как рукой сняло.

— Ты хочешь сказать, — небрежным тоном, чтобы не показать свой жгучий интерес, уточнила я, — что у него в последнее время не было серьезных отношений?

— Серьезных? Ха-ха. Да вообще никаких не было, в том-то и дело! Спросишь, откуда знаю? Так у него же нет пароля на телефоне, вот я и проверяла. А от соцсетей я его пароль знаю, там тоже проверяла. Понимаю, нехорошо, просто очень переживала! Когда не стало родителей, брату так досталось — пришлось оформить опеку, а еще одновременно учиться и работать. Возможно, тогда у него и были какие-то девушки, но к нам домой он их не приводил. А в последние несколько лет, как за докторскую засел, — точно не было. Это я уже тогда забеспокоилась и стала следить. Ему девицы часто сами писали и предлагали... всякое, но Денис им никогда не отвечал. Совсем. Такой невоспитанный!

Что? Я была в шоке. Похоже, сестра у Морозова еще похлеще моей — и любопытная, и

болтливая. Хотя сейчас мне это было на руку.

— Так вот, — продолжила Виктория, — я уже и надежду потеряла, а потом увидела тебя и всё поняла! Ты же — копия той девушки с его открытки!

— Какой девушки? Какой открытки?

На самом деле, я сразу вспомнила и эту открытку, и реакцию Дениса Сергеевича на нее, но решила узнать подробности.

— Он тебе разве не показывал? Открытка с мадонной из тулузского музея. Я тогда в магистратуру поступала, а после экзаменов мы пошли в этот музей. Там одна девица стала с Денисом заигрывать. Ты не обижайся, но она была довольно симпатичная, а он вообще никак не реагировал. Ну я и спросила — чем она тебя не устраивает? Денис ответил — не в моем вкусе, я возмутилась — а существует хоть кто-нибудь в твоём вкусе? Он засмеялся, выхватил вдруг со стенда эту открытку и говорит — да, вот, смотри, — встречу такую девушку — женюсь! Я сказала — тогда придется создать машину времени! А потом, когда тебя увидела, очень удивилась и обрадовалась! Правда, ты почему-то так быстро убежала... А у брата я ничего выведать не смогла, как ни старалась. Но когда он заснул, взяла его телефон и на всякий случай записала себе твой номер. Вашу переписку я не читала, честно!

Ага, так я и поверила.

— Ну ладно... читала. — Виктория, видимо, осознала, что после всех признаний последняя фраза выглядит неправдоподобно. — Но там же ничего такого не было, только по работе! И другие сообщения у него в телефоне были только по работе, но я как чувствовала — скоро случится что-то грандиозное! И это случилось! Я так счастлива теперь! Мы будем с тобой дружить?

В потоке этих излияний я почему-то «выловила» одну фразу — «когда он заснул, я взяла его телефон». И вдруг вспомнила: «извини, но у меня только одна кровать».

— Вы что, спали на одной кровати? — невольно вырвалось у меня.

Кошмар! Наверное, я совсем сошла с ума.

— На одной? Нет. С чего ты взяла, мы же не извращенцы! У Дениса раскладушка есть, он спал в своем кабинете. А почему ты такое спрашиваешь?

Я прикусила язык. Ну, Денис Сергеевич! Значит, у него всё это время была раскладушка! Только попробуй теперь возмутись. Ответит, что раскладушка — не кровать, а значит, он не соврал.

— Я... это... нет, ничего. Ты... э-э... не говори, пожалуйста, брату, что я такое спрашивала, ладно?

— Ой, а я как раз хотела попросить — давай ему совсем не будем рассказывать об этом разговоре, хорошо? А то он меня прибьет, если узнает, что я в его телефоне копалась и вообще!

Еще бы. Я б тоже прибила такую сестру. Правда, лично мне эта беседа принесла облегчение. Я почувствовала, что одним страхом стало меньше и теперь точно знала, как поступлю. Хотя и тянула время до вечера, прежде чем отправить судьбоносное сообщение.

Вика Горячева: Да.

Ответ пришел почти мгновенно.

Д. Морозов: Когда?

Вот как? Хочет сразу определить сроки, когда мы поженимся. Ну что ж.

Вика Горячева: Следующим летом.

Д. Морозов:... (печатает) ...

Д. Морозов: *Нет.*

Д. Морозов: ... (печатает) ...

Д. Морозов: *ЭТИМ летом.*

В июле.

Я выдохнула. Этим летом? Так быстро? Хватит ли мне четырех месяцев, чтобы преодолеть свой главный страх?

Вика Горячева: *В августе.*

Д. Морозов: ... (печатает) ...

Д. Морозов: *В июле.*

Я вспомнила разговор с его сестрой. Как мужчину его можно было понять. Но пусть тогда и он поймет меня.

Вика Горячева: *Хорошо, но с одним условием.*

Д. Морозов: ???

Вика Горячева: *Никаких свиданий.*

Никакой помолвки и колец.

Д. Морозов: *И никаких «глупостей»?*

Меня бросило в жар.

Д. Морозов: ... (печатает) ...

Д. Морозов: *Я шучу.*

Трындец как смешно!

Д. Морозов: *Или... не шучу.*

Кажется, он решил меня позлить.

Д. Морозов: *Вика, только это — не одно условие.*

Почему?

Вика Горячева: *Вы хотите жениться на мне в июле или нет?*

Д. Морозов: *Я хочу жениться на тебе завтра.*

Д. Морозов: ... (печатает) ...

Д. Морозов: *Но... ладно.*

Я подожду.

Моя дикая невеста.

Нет, он ТОЧНО решил меня позлить!

Вика Горячева: *И никогда больше не называйте меня невестой!*

Д. Морозов: *То есть к слову «моя» претензий нет? Это уже радует.*

Ну что за человек!

Вика Горячева: *Есть претензии! Так тоже запрещаю говорить!*

На это ответа не последовало. Я ждала минуту, две, три, полчаса, час... Нет, вы только посмотрите, какая невоспитанность! И за такого несносного человека я собралась замуж?

Я снова легла на кровать, закрыла глаза и задумалась. Правильно ли я поступила, выдвинув все эти условия? В тот момент мне казалось, что правильно. Но пытаюсь убежать от своего страха, я не знала одной простой вещи — когда ты соглашаешься полностью принадлежать любимому человеку, то не теряешь себя, а становишься более наполненной. И лучший способ преодолеть этот страх — шагнуть ему навстречу. Я читала множество книг, но в вопросе отношения полов всё еще оставалась глупой, невежественной девчонкой.

А наказание за глупость, как мы уже знаем, бывает не менее жестоким, чем за грех.

ГЛАВА 33. СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Я могла запретить Морозову говорить о предстоящей свадьбе (точнее — думала, что могла). Но другим-то людям рот не закроешь! Особенно, если *эти люди* — твоя родная сестра.

Конечно, Алевтина не собиралась так просто сдавать позиции. Выведав у родителей, что я все-таки не заболела, на следующее утро она прибыла к нам визитом. В руках у сестры были какие-то пакеты, и с порога она завизжала:

— Сестричка! Наконец-то я могу тебя обнять и поздравить лично! Но ты тоже должна меня обнять и сказать спасибо! Ведь это благодаря мне ты теперь выходишь замуж! — бросив пакеты на пол, Аля кинулась мне на шею.

— Что?

Я слышала, что у беременных иногда случается временное помутнение рассудка, но не думала, что до такой степени.

— Когда я на своей свадьбе бросала букет, то загадала, чтоб он попал к тебе в руки! И чтоб ты как можно скорее вышла замуж за Дениса! И ты поймала этот заколдованный букет! — «объяснила» Алевтина.

Боже! У одной — вино заколдованное, у другой — букет. В каком веке мы живем? Я вдруг вспомнила эссе Умберто Эко.

— «Средние века уже начались», — сказала я вслух.

— Чего? — удивленно переспросила сестра.

— Работа у Эко такая есть, — объяснила я.

— Она... точно не заболела? — с подозрением покосившись на меня, уточнила Аля у родителей.

— Точно, — рассмеялась мама. — Но ты разве не знаешь Вику? Всё время цитирует какие-то научные труды.

— Ах, ну да... — сестра снова оживилась, — слушайте, а я тут столько вкусок притащила! Скоро будем пить чай и говорить о свадьбе, — после этих слов она вывалила на стол пончики, конфеты и зачем-то — целую гору сушек. А потом, откопав какую-то ленту, нанизала на нее сушки, повесила их на шею и стала носиться по кухне с криками: «Юху! Моя сестричка выходит замуж!».

Трындец. Оказывается, очень опасно быть беременной.

— Аль, да что с тобой? Присядь, я хочу кое-что сказать, — попыталась я уговорить сестру.

Но Алевтина меня не слушала. Сняв сушки с шеи, она нанизала их на пальцы и продемонстрировала мне и маме:

— Смотрите, как я могу! Вик, а ты так умеешь?

— Детский сад! Мне совсем что ли делать нечего — такими глупостями заниматься? — возмутилась я.

— Да просто на твои культияпки они и не налезут, — заявила сестра.

— Чего это у меня вдруг культияпки? — я взяла сушки и с легкостью повторила Алькин маневр, — вот, смотри, довольна теперь?

— Ух ты! Молодец, сестричка! И за это тебя ждут подарочки, — Алевтина быстро сняла сушки с моих пальцев и, прихватив один из пакетов, потащила меня в спальню:

— Вот! — она достала из пакета фотографию в рамке в виде сердца. Это было фото с церемонии награждения — я и Морозов, «улыбаемся и машем». Точнее, «улыбаемся и обнимаемся».

— Откуда... — начала было я, но сестра меня перебила:

— В интернете полно теперь ваших фотографий.

Затем она водрузила фото на мой прикроватный столик и вынесла вердикт:

— Красота!

А потом снова повернулась ко мне и протянула пакет:

— И еще один презент!

— Что это? — заглянув внутрь, я увидела коробку и почувствовала, как заливаюсь краской.

— Подарочек для первой брачной ночи, — невозмутимо отозвалась негодяйка. — Даже если она и не первая, ты должна быть прекрасна.

— За... бери... эээто ссейчас же!

— Даже не подумаю! Еще спасибо мне скажешь!

— Не скажу! И ни за что это не надену! — взяв в руки коробку, я быстро засунула ее в шкаф.

— Ох, Вика! Какая же ты глупая девчонка! Ну что здесь такого? Уже и замуж скоро выходишь, а все краснеешь like a virgin! Ну да ладно, если при мне раскрыть стесняешься, после посмотришь. Но гарантирую — тебе понравится! А уж Денису-то как понравится...

— Замолчи немедленно!

— Ну ладно, ладно! Сейчас у нас, конечно, поважнее дела есть. Надо обсудить подготовку к свадьбе.

Сестра потащила меня в гостиную, где мама уже накрыла стол.

— Я тут... хотела с вами поговорить, — глубоко вздохнув, сообщила я после того, как все расселись.

Все-таки нужно было кое-что прояснить. И чем раньше, тем лучше.

— Дело в том, что всё произошло слишком быстро для меня. И как-то... неправильно. Я еще не вполне готова к такому повороту событий. Можно вас попросить не устраивать спешку? И свадьба пусть будет скромная. Без ресторана и прочей дребедени.

Алевтина, которая собралась съесть пончик и даже поднесла его ко рту, замерла. Когда я закончила, она положила пончик обратно, но так и продолжила сидеть с открытым ртом. Лицо ее стало багроветь, а потом она подозрительно тихо произнесла:

— Ты что сейчас сказала?

— У тебя проблемы со слухом? — уточнила я.

Зря я это сделала. Аля моментально взорвалась:

— А у тебя проблемы с головой? Систер, ты меня временами бесишь, честно! Вы только посмотрите — такого мужчину отхватила, так еще и выпендривается! Слишком быстро ей, видите ли! А ты хотела, чтоб он годами вокруг тебя кружил и смотрел, как ты ломаешься — ах, сударь, ах, я еще не вполне готова, ах, извольте еще подождать? Вот правильно он всё сделал! С тобой так и надо — сразу под уздцы и в стойло.

— Что? С лошастью меня сейчас сравнила?

— Скажи спасибо, что не с овцой! Многие люди всю жизнь ищут свою вторую половинку, но так ее и не находят! А к тебе счастье само пришло в руки! И какой мужчина — мечта! После трансляции всё женское население страны на него слюни пускает! А он

выбрал тебя! При том, что ты — извини, конечно, но такая нудная — капец! Как начинаешь эти свои цитаты цитировать и всякие научные труды вспоминать, — жуть! Такое только Денис может пережить, любой другой мужчина умрет со скуки!

За словами-то следи, — обиделась я.

— А что я такого сказала? Неправда, что ли?

— Аля, ты перегибаешь палку, — вступилась мама. — Может, Вика действительно сейчас напугана. Ей нужно какое-то время, чтобы понять — в настоящей любви не бывает правильного и неправильного.

— Ага, и всё это время она будет дурить и выносить нам мозг? — фыркнула сестра. — И ладно бы нам — Денису начнет выносить, если уже не начала! А он не выдержит и сбежит! Что тогда делать будем?

— Кажется, ты сгущаешь краски.

— И вовсе не сгущаю! Вот увидите — или сам сбежит, или кто-нибудь уведет его из-под носа! — не унималась Аля.

— Да что ж такое! — я была уже не рада, что завела этот разговор, и пошла на попятную. — Я просто хотела, чтоб меня оставили в покое — хоть на время. И всего лишь сказала, что не хочу пышную свадьбу, а ты тут же надумала всякое!

— Зная тебя, мне и надумывать ничего не надо! На какое еще время? Некоторые люди к такому торжеству за год подготовку начинают, так что у тебя, можно сказать, времени и вовсе нет! И почему ты не хочешь нормальную человеческую свадьбу?

Я задумалась. Честно говоря, мне не нравились «нормальные человеческие свадьбы». А мысль о том, что придется еще и заниматься организацией всей этой дребедени, угнетала еще больше. Доступным языком я постаралась объяснить сестре всё, что могла. Кажется, она почувствовала облегчение:

— Ах, ну если тебя пугают только формальности, а не факт замужества на Денисе, то я займусь организацией. У меня же большой опыт и куча связей!

В общем, сестру было уже не остановить. Если что-то надумала — доведет до конца, даже если к этому моменту будет не просто беременной, а изрядно беременной.

Можно сказать, что одной проблемой стало меньше, но... оставалось немало других.

□

ГЛАВА 34. ДОГОВОР?

На следующий день я решила приехать на работу как можно раньше — незаметно пройти на кафедру и не выползать оттуда целый день. После истории с плакатами я поняла, что ненавижу, когда куча незнакомых людей обсуждает меня и мою личную жизнь. А сейчас, после *таких событий*, и вовсе не знала, куда деваться. Особенно было стыдно перед Машкой — ведь я так на нее ругалась, так горячо отрицала все намеки насчет Морозова, и вдруг — хоп! — выхожу замуж за этого человека.

Кто я после этого?

— Зазнайка? — дверь на кафедру романо-германской филологии оказалась распахнута настежь. Маша уже была на месте — видимо, караулила меня, так что незаметно проскочить не получилось. — Ты почему на мои сообщения не отвечаешь? Что, как предложение по телевизору сделали, можно теперь нос задирать? Или выходные слишком жаркие выдались — не до того было? — насмешливо поддела она меня.

Я тяжело вздохнула. Действительно, я так и не ответила на ее сообщения. Но только потому, что чувствовала себя неловко и не знала, что ответить.

— Маш, отстань, а? И без твоих подколок мне стыдно. — Я открыла дверь на свою кафедру, но Мария не отставала — пошла следом.

— Стыдно? — с недоумением переспросила она. — И почему это тебе стыдно?

— Ну... ты столько времени шутила на тему... сама знаешь чего, я на тебя ругалась... а сейчас... получается... — я запнулась. А потом набралась смелости и закончила:

— Но я понятия не имею, как это вышло, честно! Ведь я его терпеть не могла, даже поклялась испортить ему жизнь, а теперь...

— А теперь, — расхохоталась Мария, — получается, ты почти выполнила свое обещание! Нет, ну правда — ведь для тебя самый лучший способ испортить Морозову жизнь — это выйти за него замуж!

— Что? — рассердилась я.

Маша, как ни в чем не бывало, продолжила смеяться:

— Посмотрите-ка — надулась! Вик, ну честно же! Загадка, что он в тебе нашел! То есть, ты, конечно, симпатичная, но сама знаешь, — и покрасивее бывают. А характер, уж не обижайся, у тебя и вовсе — не сахар! Бедный, бедный Денис Сергеевич!

Вот это да! Ладно еще от сестры подобное выслушивать, но от Машки?

— Да не хмурься ты, я же шучу! — она бесцеремонно похлопала меня по плечу, — лучше расскажи, как на самом деле всё произошло. Давно это у вас? Я была права — с сонетов началось или раньше?

— Мария, — я снова вздохнула, — иди-ка ты к себе на кафедру. Не буду я ничего обсуждать. Сейчас бы набраться сил и пережить этот позор.

— Позор? — прищурилась хитрая лиса. — Ты о чем?

— Да о шумихе же, связанной с чертовым эфиром! Всё это — просто ужасно!

— Действительно, позор, — задумчиво произнесла Мария. — Очень умный и невероятно красивый мужчина на всю страну просит Викторину Горячеву выйти за него замуж. Многие женщины, раскрыв рты, мечтают в это время оказаться на ее месте. А Викторину Горячеву, видите ли, что-то не устраивает. Позор тебе, Вика! И если ты чем-то недовольна, могу предложить обмен — меняю твоего Морозова на своих недотёп.

— Не поняла?

— Ага, напряглась? Испугалась?

— Я напряглась от фразы «своих»! Как это понимать?

— Ну как... Андрей наконец-то предложил мне встречаться — это я тебе еще перед генеральной репетицией спектакля говорила. И Виктор... Алексеевич... тоже предложил, уже после.

Про Андрея я совсем ничего не помнила — она и правда такое рассказывала? Но сейчас проблема была не в этом.

— Ты что говоришь? Как режиссер мог предложить тебе встречаться, ведь он женат! Нет, я видела, что ты ему нравишься, но...

— Да, женат, ну и что? — невозмутимо перебила негодяйка. — Не мои проблемы.

— Маша! Если ты на это согласишься, я с тобой разговаривать перестану.

— Да что тут такого? Не я — так другая. Мужчины в принципе не могут хранить верность... — ответила она и осеклась. — Ой, Вик, прости! Ты ведь замуж скоро выходишь! И я... совсем не то имела ввиду! И вообще — я снова пошутила, неудачно! Не буду я, конечно, с женатиком встречаться! Но когда после долгого одиночества сразу двое мужчин оказывают тебе знаки внимания — это все-таки приятно! И я думаю, что...

Но узнать, что там себе думает Мария, не довелось, потому что на кафедру зашел Морозов и внимание этой девушки сразу же переключилось на него. Лучезарно улыбаясь, она вдруг совершенно беспардонно изрекла:

— Доброе утро, Денис Сергеевич! Я хотела бы поздравить вас с предстоящей свадьбой, но не уверена, что тут уместны именно поздравления. И мне не дает покоя один вопрос — почему вы решили жениться именно на Вике? Что в ней такого особенного?

— Маша, ты совсем того? — возмутилась я и покрутила пальцем у виска.

— Помолчи, не с тобой разговариваю, — отозвалась эта вредная девица.

Денис Сергеевич засмеялся, но не успел ничего ответить, потому что на кафедру зашел Томашевский и тут же накинулся на нас с поздравлениями, не забыв приправить их пошлыми шуточками. Вскоре пришла и Беседина-старшая. Мария, осознав, что ответ на волнующий вопрос ей в ближайшее время не светит, с грустным выражением лица удалилась к себе.

Целый день я только и делала, что принимала поздравления, и невозможно было скрыться от этого навязчивого и тягостного внимания. Любовь Константиновна заявила, что в честь такого события она лично накроет стол, но не сегодня, а на днях — когда будет проходить заседание кафедры. Я подумала, что Беседина, видимо, совсем не в курсе дочкиных *пристрастий*, а иначе вряд ли бы предложила такое.

Мой будущий супруг, этот ужасный человек, с утра вел себя вполне прилично, и я даже расслабилась, решив, что так пойдет и дальше. Но не тут-то было!

Только я спустилась в кафе и решила спокойно поесть, как он непостижимым образом оказался рядом. Приблизившись ко мне вплотную, он положил руку на мою талию и произнес:

— Дорогая, что тебе взять?

Все присутствующие моментально бросили свои дела и с любопытством уставились на нас.

— Вы что сейчас творите? — возмущенно зашипела я. — Мы же договорились! Я невнятно объяснила? Или это вы плохо владеете русским языком?

— Я хорошо владею языком, Вика, — с насмешкой ответил он и вдруг наклонился ко мне еще ближе.

ААААААА! Что он делает? Я почувствовала, как мои щеки начинают пылать.

— Но я не понял, о каком договоре ты сейчас ведешь речь, — теперь Морозов говорил еле слышно. — Разве мы о чем-то договаривались? Кажется, я написал, что хочу жениться на тебе завтра, но подожду до июля. А больше ничего не обещал.

Денис Сергеевич, клянусь, я убью тебя!

— Отпустите меня! Немедленно! — зашептала я в ответ. Устраивать скандал прилюдно совсем не хотелось.

— Сначала скажи, о чем мы с тобой якобы договорились.

— Я думала — о том, что вы меня... оставите в покое... до свадьбы.

— То есть ты хочешь, чтобы всё это время я не приближался к тебе и усиленно делал вид, что между нами ничего не происходит? Ты в этом уверена?

В тот момент, чувствуя его горячее дыхание на своем лице, я была уверена только в одном — у меня начинают подкашиваться ноги. И уже не факт, что от страха. Но, собрав волю в кулак, я твердо заявила:

— Что еще за вопрос? Конечно, уверена!

И он тут же меня отпустил. А затем, поправив прядь моих растрепавшихся волос, сказал:

— Ну что ж. Хорошо, Вика. Хорошо.

После этих слов он скользнул взглядом по моему лицу и я заметила, как в синих глазах вспыхнули *странные огоньки*.

Нервно сглотнув, я со сверхзвуковой скоростью вылетела в коридор — есть совершенно расхотелось. Дышать тоже стало трудновато, поэтому я решила не возвращаться сразу на кафедру, а хоть ненадолго выйти на улицу.

Оказавшись на свежем воздухе, я наконец вздохнула с облегчением, подумав, что теперь-то *я точно договорилась*. Но проблема в том, что если скорпион говорит тебе «хорошо» и в глазах у него блестят подозрительные огоньки, еще большой вопрос, кому от этого будет хорошо.

□

ГЛАВА 35. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ...

К КНИГАМ

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно. То есть я, конечно, всё еще была объектом пристального внимания со стороны окружающих, но особо меня уже не трогали.

Денис Сергеевич в этот промежуток времени вел себя прилично и общался со мной только по работе, так что я расслабилась и даже согласилась на его *первое предложение* — о научном руководстве.

Томашевский узнав об этом, заявил, что придумал отличный тост по такому поводу и обязательно произнесет этот тост на фуршете после заседания кафедры.

Вот со дня этого самого заседания меня и ожидала очередная порция неприятностей.

Накануне на кафедру заглянула ведущий методист научной библиотеки нашего университета. Вид у нее был весьма опечаленный, да это и неудивительно. Здание библиотеки, одно из самых красивых и старинных в городе, пришло в упадок, поэтому какое-то время назад библиотеку решили закрыть. Здание находилось рядом, и его на фоне очень любили фотографироваться молодожены. Осыпающаяся штукатурка, трещины на античных коллонадах и заросшая травой кровля их совсем не смущали — напротив, многие считали, что это придает фотографиям некий таинственный флер.

Однако у посетителей библиотеки было иное мнение, и они стали наведываться туда все реже и реже. Когда работать там стало совершенно невозможно, все книги, *по официальной версии*, вывезли и пристроили в другие библиотеки. Но на самом деле это было враньем. Там оставалось еще множество изданий, даже редких, — они хранились в боковых залах, где раньше располагалась картотека и компьютерные классы. Только, на беду, теперь в этих залах были огромные дыры на потолке. Во время сильных дождей вода попадала на книги, после чего их приходилось переносить в подвал для просушки.

После очередного ливня методист и зашла к нам, посетовав, что будущее книг вызывает у нее сильную тревогу — возможно, они не переживут еще одного подобного катаклизма.

Сердце мое тут же защемило от жалости, и я приняла решение хоть какие-то книги *спасти*. Конечно, это стремление вряд ли получило бы положительную оценку общественности, а потому операцию надо было проводить тайно.

Для этой цели я отвлекла вахтершу, позаимствовала запасной ключ от входа в библиотеку (он хранился на вахте филфака), и на следующий день, рано утром, отправилась *спасать книги*.

Встать мне пришлось в пять утра. Я долго думала о подходящей одежде — джинсы подошли бы идеально. Но в тот день должно было проходить заседание кафедры (вместе с фуршетом в нашу честь), так что обстоятельства требовали надеть платье.

Открыв шкаф, я принялась рассматривать гардероб и вдруг заметила бежевую коробку. Что это? Достав ее, вспомнила: Алькин «подарочек». Совершенно некстати любопытство взяло верх и я решила открыть коробку. Внутри оказалось какое-то безумие из белоснежного кружева и шелка. Но такое красивое безумие! Все-таки сестра знала толк в роскошных вещах. Я вдруг очень сильно захотела этот комплект пощупать, но, не успев взять его в руки, тотчас же испугалась и пришла в себя — что я делаю! Зачем? Надо срочно сосредоточиться на спасении книг! Отбросив комплект на кровать, я снова повернулась к шкафу и начала

искать одежду.

Если честно, у меня имелось не так уж и много платьев, поэтому я выбрала то, в котором была на церемонии. Платье было темного цвета и я надеялась, что не запачкаю его в библиотечном подвале.

Одевшись, я вызвала такси. Слава богу, накануне родители снова уехали — не пришлось отчитываться, куда это я собралась в такое время. Прибыв на место, я быстро прошмыгнула в библиотеку и ужаснулась. На рассвете заброшенное здание напоминало съемочную площадку фильма ужасов. Ну и дела! Хватит ли мне духу спуститься в подвал? Добравшись до лестницы, я замерла — слишком страшно. Но потом вспомнила, что есть еще один способ передвижения — из большого зала вниз можно было добраться на лифте. Еще до революции, когда в зале проходили торжественные приемы, а внизу располагалась кухня, на этом лифте гостям подавались полностью сервированные столы, а позже он стал использоваться для подъема в читалку книг из библиотечного фонда.

Мысленно поблагодарив архитекторов здания, я села в лифт, но спуститься, увы, не смогла — на полпути он почему-то остановился. Что происходит? За что лифты так ненавидят меня? Судорожно нажимая на кнопки, я все еще надеялась на лучшее, ибо мозг отказывался принять неизбежное. Ирония судьбы состояла в том, что двери в этом лифте не было, однако — из-за невысокого роста — я не могла подпрыгнуть на нужную высоту, чтобы хоть за что-нибудь уцепиться и вылезти наружу. После получаса безуспешных попыток выбраться я окончательно выбилась из сил. Пришлось смириться и осознать, что теперь существует лишь один способ завершить эту историю *почти без последствий*.

Тяжело вздохнув, я достала телефон и набрала номер своего жениха.

— Вика? — по голосу было слышно, что он очень удивлен.

— Денис Сергеевич, пожалуйста, не задавайте лишних вопросов. Мне нужна ваша помощь, срочно. Можете сейчас прийти в нашу библиотеку? Я тут... застряла в лифте.

— Что? Шутишь? Как ты могла оказаться на рассвете в лифте университетской библиотеки?

— Да какая теперь разница! — в сердцах воскликнула я. — Как-то да и оказалась!

— Погоди-ка... — в голосе Морозова я уловила насмешливые нотки. — Я правильно понял, что ты решила... шпионерить какие-то книги? И теперь я должен тебя выручать?

— Не шпионерить, а спасти! — возмутилась я.

— Думаю, уголовный кодекс с тобой не согласится.

— Ох, не только надо нотаций! Давайте, приходите уже скорее!

— Минуточку. Напомни, пожалуйста, почему я должен это сделать? — по-прежнему насмешливо поинтересовался Денис Сергеевич.

— Что еще за странный вопрос? Ведь я — ваша невеста! — вырвалось у меня.

И что же заявил в ответ этот тип?

— Ты о чем? Не знаю ни про каких никаких невест.

Ах, вот как, значит? В бешенстве я нажала отбой. Ладно, Морозов, не знающий невест, я тебе еще устрою!

Только... сейчас-то что делать? Страшно представить, что будет, если меня здесь обнаружат сотрудники библиотеки. И еще страшнее — если не обнаружат. Я же умру от голода и жажды, аааааа!

Так, стоп, хватит нести ерунду, нужно взять себя в руки. Снова вздохнув, я набрала номер Королева. Сестра, конечно, начнет ругаться, но что поделаешь? Должна же я как-то выбираться. К сожалению, вселенная в этот день была настроена против меня — «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». С замирающим сердцем я позвонила сестре — та же самая "песня". Да что ж такое?

Опустившись на корточки, я уже собиралась зарыдать от безысходности, но вдруг услышала знакомый голос:

— Так что там было насчет невесты? Кажется, ты передумала?

Всё-таки явился, надо же! Только я была так зла на него, что, поднявшись на ноги и задрав голову, громко заявила:

— Идите к черту, Денис Сергеевич! И без вас выберусь!

— Интересно, как? — хмыкнул он.

— Как-нибудь! Но вашу помощь ни за что не приму!

— Вика, не вредничай, я же пошутил! — он опустился на колени, протянул мне руки и скомандовал. — Иди сюда.

— Не пойду! Сама вылезу!

Желая продемонстрировать свою независимость, я снова подпрыгнула, в этот раз — довольно высоко (видимо, от кипевшей внутри меня злости). Да вот незадача — подскочив, я зацепилась за какой-то штырь и ужасом почувствовала, как платье на мне с треском расплзается.

ААААА! Вот теперь это был настоящий кошмар!

Стараясь не выдать своего отчаяния, я попыталась оценить масштаб катастрофы. Масштаб был выявлен немаленький, особенно сзади, где оказался вырван огромный кусок ткани. Что делать? Даже если я теперь и выберусь, как в таком виде добраться домой, чтобы переодеться?

А вот Дениса Сергеевича происходящее, кажется, забавляло. Он едва сдерживал смех, но все еще тянул ко мне руки, предлагая принять его помощь. Вспомнив, что время всё-таки уже поджигает и скоро начнется рабочий день, а потянувшись к нему и позволила себя вытащить. Но это был не единственный удар по моему самолюбию в тот день.

— Денис Сергеевич, — спросила я, кусая от досады губы, — могу я попросить вас съездить ко мне домой и привести другое платье? Первое, что висит на вешалке в моем шкафу, подойдет.

Свой позорный вид во время этой речи я прикрывала сумкой — спереди, а сзади... задом я старалась не поворачиваться.

— Попросить ты, конечно, можешь, — коварно прищурившись, ответил он, — но поеду я только при одном условии.

— Каком еще условии? — напряглась я.

— Раз уж ты открыто признала меня своей невестой — а ты же признала, правильно? — он сделал паузу, пристально посмотрел мне в глаза, и я снова заметила озорные искры.

— Ну признала, признала, — продолжая кусать губы, пробурчала я.

— Значит, теперь возьмешь кольцо, которое я для тебя купил, и отблагодаришь меня за это... поцелуем.

Я даже не знаю, что в этом требовании поразило меня больше — то, что он уже успел купить кольцо или то, что был уверен, будто я его за это еще и *отблагодарю таким образом!*

— Чего? — возмущенно воскликнула я. — А больше вы ничего не хотите?

— Что за вопрос? Конечно, хочу. Но на сегодня сойдет и это.

От подобной наглости я сначала потеряла дар речи. А потом твердо ответила:

— Нет. Ни за что.

— Ну, тогда сама и езжай домой, — он развернулся и невозмутимо направился к выходу.

Что? Действительно бросит меня тут? В таком виде? ААААА!

— Погодите, погодите! — закричала я, когда он уже взялся за дверную ручку, чтобы выйти на улицу. — Я согласна.

Конечно, это не означало, что я действительно согласилась! Просто подумала, что потом как-нибудь обхитрю этого скорпиона, а пока мне нужно срочно заполучить платье. Но он, кажется, поверил, — вернулся и снова подошел ко мне:

— Хорошо. Давай ключи.

Я вытащила ключи из сумки и протянула их ему со словами:

— Не забудьте — первое платье, что висит в шкафу.

— Я-то не забуду, — усмехнулся он, — главное, чтоб и ты не забыла.

Ага, Денис Сергеевич, помечтай, помечтай!

Оставшись одна, я стала строить грандиозные планы мести.

□

ГЛАВА 36. ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Что же ему такое сделать, чтоб раз и навсегда отбить желание так поступать? Я ходила из одного конца огромного зала в другой, позабыв и про подвал, и про книги, только ничего путного в голову не приходило.

Кольцо он купил, вы только посмотрите! Вот вернется и покажу ему кольцо! Да так «отблагодарю», что мало не покажется!

К сожалению, всем моим планам было суждено в тот день с треском провалиться — неприятности следовали одна за другой.

Когда Денис Сергеевич вернулся, я заметила, что вид у него какой-то слишком довольный — прямо как у кота, сожравшего банку сметаны. А ведь я его еще даже не целовала!

— Что такое? Чему вы так радуетесь? — забрав пакет с платьем, недовольно спросила я.

— Вика, как же тут не радоваться, — хитро улыбаясь, ответил он, — ведь я увидел, как активно ты начала готовиться к брачной ночи. Теперь я просто счастлив, что съездил к тебе домой!

Что он несет?

И вдруг до меня дошло. Комплект! Это ж надо было вывалить его на видное место! Я почувствовала, как лицо начинает гореть.

— Э-э... это... вовсе не мое... сестра забыла... — забормотала я.

— Да? Забыла с утра пораньше на твоей постели? И вроде свадьба у Алевтины в прошлом году была. А на коробке написано — свадебная коллекция этого года.

Черт! Аля, чтоб ты провалилась со своим «подарочком»!

— После увиденного... я же теперь ночами спать не смогу, Вика, — не унимался Денис Сергеевич. Правда, говорил всё это он в своей обычной манере, довольно насмешливо, так что было непонятно, шутит или нет. Я решила поскорей пресечь эту ерунду и строго заявила:

— Пожалуйста, выйдите на улицу! Мне надо срочно переодеться, а то мы на работу опоздаем!

Всё с той же усмешкой он направился в сторону двери, но перед тем, как выйти, сообщил:

— Кстати, фото на твоём прикроватном столике мне тоже понравилось.

И я в очередной раз захотела прибить и его, и сестру.

Но это, как оказалось, было только началом моих мучений. Напрасно я надеялась, что Денис Сергеевич сразу же пойдет на работу. Ничего подобного! Он ждал меня около входа.

— Зачем ждете? — возмутилась я.

— Мы еще не все дела завершили.

Что он надумал? Я снова напряглась.

— Какие дела? У вас пары через пятнадцать минут начнутся.

— Ничего, успеем.

Вдруг — я и глазом моргнуть не успела — мы оказались рядом с ЗАГСом. И невесть откуда в руках у Морозова появилась коробочка, обтянутая красным бархатом. ААААА!

Стремительно повернувшись в сторону универа, я заметила около входа нескольких студентов. Точнее, студенток. И они нас тоже увидели — прекратили разговоры, развернулись в нашу сторону и стали с интересом наблюдать, что будет дальше. Заметили ли

они коробочку? Хотелось верить, что нет!

— Что вы делаете, спрячьте немедленно! — воскликнула я.

— С чего бы? — преспокойно отозвался Денис Сергеевич. — Ты обещала, что возьмешь...

И тут мне в голову пришла «гениальная» мысль.

Выхватив коробочку из его рук, я быстро сунула ее в свою сумку и торжествующе заявила:

— Вот. Раз условием было взять кольцо, я взяла. Только носить его не буду!

— Что, даже не посмотришь? И не примеришь ни разу? — в глазах его почему-то снова заблестели странные огоньки.

— Ни за что!

И после этих слов, весьма довольная собой, я направилась в сторону универа. Но он схватил меня за руку:

— Стоп, а куда это ты собралась? Про поцелуй забыла?

— Чего? — растерялась я. — Целоваться? Прямо здесь?

— Да, прямо здесь, Вика.

Я снова повернулась в сторону любопытных студенток. Что будет меньшим из зол — целовать его на глазах у всех или наедине? Опустив глаза, я пробормотала:

— Денис Сергеевич, зачем вы так со мной поступаете?

И что же заявил в ответ этот тип?

— Я просто не люблю, когда мне ставят условия.

— Что? — уж такого я не ожидала. — Но при этом... вы сами ставите условия!

— Что поделать, Виктория. Придется тебе смириться, — невозмутимо откликнулся он. — Давай — меньше слов, больше дела!

После этого он подошел ко мне вплотную и наклонился. Набрав в легкие побольше воздуха, я поднялась на цыпочки, слегка дотронулась губами до его щеки и тут же отскочила на безопасное расстояние.

— Что еще за детский сад? — возмутился Морозов.

— Что поделать, Денис Сергеевич. Придется вам смириться, — ехидно ответила я.

— Вика! Я хочу нормальный поцелуй!

— Обойдетесь!

— Ты сейчас плохо поступаешь, и за это я верну свой долг в многократном размере, — усмехнувшись, он попытался снова приблизиться ко мне, но не тут-то было.

— Разве что в своих снах, Денис Сергеевич! — крикнула я в ответ и пустилась наутек.

ГЛАВА 37. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Кафедра была уже открыта, и там сидели Беседина-старшая и Томашевский. Поздоровавшись с ними, я отдышалась и принялась за работу. Но мысль о кольце всё-таки не давала мне покоя. Почему-то так и распирало на него посмотреть! Через пару часов, улучив свободный момент, я взяла сумку и сообщила Бесединой, что мне нужно в дамскую комнату.

Оказавшись в этой самой «комнате», я подошла к окну, достала коробочку, открыла ее и... внезапно почувствовала, как от восторга перехватило дыхание. Клянусь, еще никогда в жизни я не видела подобной красоты! Кольцо ослепительно засверкало в лучах весеннего солнца, и это зрелище меня словно заорожило. Будто во сне — до сих пор не пойму, как это произошло — я вытащила кольцо и надела его на безымянный палец. Мелькнула мысль — интересно, как Морозов мог узнать мой размер, если я сама его не знала?

Но потом все мысли вылетели из головы — я подняла руку еще выше и замерла, не в силах оторвать взгляда от сверкающего великолепия. Не знаю, сколько времени я так простояла, но в какой-то момент вдруг почувствовала, как шрам на левом бедре начал зудеть и чесаться. И тут же возникло еще более неприятное ощущение — будто кто-то сверлит мой затылок.

Резко повернувшись, я увидела, что сзади стоит Ольга Беседина и, не отрываясь, смотрит на кольцо. Если бы взглядом можно было испепелить, то я бы, наверное, в тот же момент превратилась в золу. Непроизвольно убрав правую руку за спину, я нахмурилась, после чего Ольга странно поджала губы и выбежала в коридор.

Ну и ну! Я решила немедленно снять кольцо и снова спрятать его в сумку, да не тут-то было! Оно словно намертво приросло к моему пальцу и вовсе не желало сниматься!

Осознав, что обычные усилия тут бесполезны, я подбежала к раковине и начала судорожно намывать руки, только и это не помогло. Палец лишь покраснел и стал саднить.

Кошмар! Что теперь делать? Я ни в коем случае не могла появиться перед Морозовым в таком виде — слишком унижительно!

Отпроситься с работы я тоже не могла — надо было вести протокол заседания кафедры. Как же быть? В голову пришла немного безумная мысль. Выскочив в коридор, а затем — и на улицу, я пробежала несколько кварталов и нашла медицинскую лабораторию. Распахнув двери, с порога завопила:

— Умоляю, помогите! Позовите медсестру!

— Девушка, что случилось? — поинтересовалась администратор.

Чуть ли не со слезами на глазах я объяснила, что мне надо срочно забинтовать руку. Неважно, зачем, но я заплачу за это *любые деньги*. В конце концов удалось договориться. Руку, надо заметить, забинтовали знатно, — чуть ли не до локтя (чтобы не вызвать *подозрений*). Но зато я наконец-то вздохнула с облегчением. Хотя, возвращаясь на кафедру, продолжала ругать себя последними словами. Что за блажь пришла мне в голову? Зачем было устраивать дурацкую примерку?

— Боже, что случилось, Виктория? — воскликнула Любовь Константиновна, когда я вернулась. — Я уже собиралась тебе звонить!

— Да вот... — забормотала я. — Поранилась.

— Как поранилась? Где поранилась? — услышала я звучный голос Томашевского за

спиной.

Обернувшись, увидела, что на кафедру, кроме него, входят Анисимов и... мой будущий муж.

— Да вот... так, — я еще не успела придумать подходящую версию травмы, а потому постаралась ответить как можно более расплывчато.

— На такое только ты способна, Вика, — всплеснула руками Любовь Константиновна. — Это ж надо — выйти на пять минут в туалет и вернуться через час с забинтованной рукой!

Морозов, который пристально смотрел на мою руку, после этих слов загадочно улыбнулся и отвел глаза. Что еще за глупые смешки? Я рассердилась.

— Но что же делать? Как теперь будешь вести протокол? — не унималась Беседина.

— Не волнуйтесь, — успокоила я ее. — Я смогу.

Действительно, даже с забинтованной рукой я бы прекрасно пережила это заседание, если бы не *один человек*. Не успела я начать протокол, как пришло сообщение.

Д. Морозов: *Прости. Я же не знал твоего размера. А Алевтина... наверное, она перепутала и измерила сушку с другого пальца.*

Чтоооо? Так вот, оказывается, для чего сестра заставила меня тогда нанизывать сушки! Предательница! Я почувствовала, как щеки начинают пылать. Стараясь скрыть этот факт, наклонила голову как можно ниже, но этот человек никак не желал угомониться!

Д. Морозов: *Ты такая красивая...*

Когда смущаешься.

Когда краснеешь.

Моя дикая невеста.

Боже, мне хотелось провалиться сквозь землю! Когда уже закончится этот день?

Увы, зря я об этом мечтала! Как оказалось — день закончился еще хуже, чем начался.

После того, как заседание завершилось, Любовь Константиновна начала накрывать стол. И вдруг... дверь распахнулась и на кафедру зашла ее дочка! Одарив всех — и меня в том числе! — ослепительной улыбкой, она принялась ей помогать.

Я вытаращила глаза — что вообще происходит? Через пару минут прибежала Машка и тоже вытаращила глаза. А Ольга, как ни в чем не бывало, продолжала суетиться, даря окружающим лучезарные улыбки. Потом, улучив момент, она подошла ко мне и к Морозову, попросила нас на минутку выйти в коридор и там елейным голоском сообщила:

— Я тут подумала... давайте оставим в прошлом все недоразумения и начнем наши отношения с чистого листа!

Серьезно? Это говорит человек, который пару часов назад чуть не сжег меня взглядом? Мы с Денисом Сергеевичем переглянулись, но почему-то замялись и ничего не ответили. Ольга — видимо, приняв наше молчание за согласие — наклонилась, обняла меня за плечи и прикоснулась губами к моей щеке. После чего повисла на моем женихе и расцеловала его в обе щеки. Но не слегка, как меня, а звучно так причмокнула.

От подобной наглости я чуть с ума не сошла. А кому такое понравится? Все-таки эта девица когда-то стояла перед моим будущим мужем практически голая и предлагала свои «услуги». Теперь же якобы хочет всё забыть и тут же целует его на моих глазах! Я снова почувствовала, как шрам начинает зудеть и чесаться. А потом почему-то разозлилась и

молча вернулась на кафедру.

Денис Сергеевич и Ольга тут же прошли за мной. На кафедре уже началось «веселье». Томашевский, разлив шампанское, заявил:

— Денис и Виктория, я знаю, что теперь вы будете заниматься круглосуточно. Желаю, чтобы результатом дневных занятий стало рождение Викиной диссертации, а ночных — скорейшее появление на свет маленьких Морозовых!

Все засмеялись, но мне отчего-то было не до смеха. Сердце охватило какое-то тревожное предчувствие. Я постаралась успокоиться, но теперь уже Машка стала действовать мне на нервы. Поскольку мы с Морозовым стояли рядом, она подошла к нему и спросила шепотом — но так, чтобы я услышала:

— Денис Сергеевич, а все-таки — почему вы решили жениться на Вике?

— Я бы сказал, потому что она — самая красивая, самая умная и самая талантливая. Но вы же знаете, что слово «самая» предполагает сравнение, а это — в данном случае — неправильно, потому что Вика — несравненна, — улыбаясь, ответил он.

Маша с жалостью посмотрела на Морозова — кажется, у нее впервые в жизни зародились сомнения в его умственных способностях.

— А вы точно то вино не пили? — на всякий случай уточнила она еще раз.

— Да нет же! Мне и не надо было, поскольку... — начал Денис Сергеевич и осекся. Только от Машки так просто не отвяжешься.

— Поскольку — что? Вы уже тогда были в нее влюблены? Скажите, когда вы поняли, что хотите связать с ней свою жизнь? — не успокаивалась эта ужасная девица.

Я уже всю демонстрировала ей угрожающие жесты — бесполезно!

— Когда впервые зашел на кафедру и услышал ее речь, подумал — надо брать, пока дают, — отшутился Морозов.

Но Мария почему-то восприняла этот ответ всерьез:

— Выходит, Вика с самого начала была обречена? — хитро уточнила она.

— Выходит, так, — подтвердил он.

В тот момент я и подумать не могла, что слова Марии окажутся пророческими. Я действительно была обречена. Но вот на что?

ГЛАВА 38. КОЕ-ЧТО ПРО УДАРЫ ПО САМОЛЮБИЮ

Казалось, тот кошмарный вечер не закончится никогда. Как только большинство сотрудников разошлись, Любовь Константиновна сказала, чтоб и я отправлялась домой, а она тут все уберет. Мне было неудобно так поступать, и я осталась. Маша вызвалась помочь. Денис Сергеевич почему-то тоже не спешил уходить, как и Ольга. Пройдя в соседнюю комнату и уставившись на манускрипт, она вдруг театрально взмахнула руками и заявила:

— Я уже давно мечтаю рассмотреть этот лист поближе! Можно?

— Конечно, смотри, — совсем без колебаний ответила Любовь Константиновна, вытащила из сумки ключи и протянула ей.

Вот как? Дочке, значит, можно, а меня в подобной ситуации она послала подальше?

Ольга так радостно схватила ключи, будто и впрямь была ценительницей подобного рода раритетов. Открыв стеллаж, она зачем-то взяла стул и стала на него. Совершенно дурацкий поступок, если учесть, что даже я могла дотянуться до манускрипта без всякого стула. Но не успела она взять лист Евангелия в руки, как стул покачнулся, и Ольга рухнула на пол, завизжав, как поросенок.

— Ох, ох, Оленька, ты жива? Сильно ушиблась? — запричитала Беседина-старшая. — Денис, помоги ей подняться!

Морозов, этот рыцарь недоделанный, подскочил и поднял Ольгу с пола. Но она не спешила от него отлипнуть. Обняв моего жениха одной рукой за шею, другую она приложила ко лбу и застонала:

— Ах, как мне плохо! Голова кружится! А вдруг у меня сотрясение мозга?

Надо заметить, что шмякнулась Ольга знатно, но всё же так и хотелось сказать — нельзя сотрясти то, чего нет.

— Надо срочно отвезти ее в больницу! Денис, ты сможешь? Пожалуйста! — попросила вдруг Любовь Константиновна.

Морозов в растерянности посмотрел на меня. Конечно, вся эта затея мне совсем не понравилась. Если этой девице так плохо, пусть вызывает скорую! Или пускай со своей мамой в больницу едет! Но гордость и правила хорошего тона не позволили озвучить эти советы вслух.

Машка, — видимо, оценив неоднозначность ситуации, — постаралась прийти мне на помощь, но вышло еще хуже:

— А поезжайте втроем! Вика ведь тоже руку поранила, пускай заодно проверит.

Спасибо, удружила! Как я могла поехать туда с несуществующей травмой?

— Нет-нет, мне в больницу совсем не надо, я возвращаюсь домой, — запротестовала я. — Я вы... езжайте, — после этой фразы я посмотрела на Дениса Сергеевича. Мысленно я посылала ему приказы никуда не ехать, но этот человек, похоже, еще не научился читать мысли.

Беседина вызвала такси, и они уехали.

— Ты совсем дура, да? — спросила Маша, когда мы закрыли кафедру и вышли на улицу. — Почему не поехала с ними?

— Зачем? — как можно более безмятежно отозвалась я.

— А ты разве не видишь, что происходит нечто странное? С чего это Ольга заявила

вас поздравлять? Да, с какой-то стороны мне жаль ее, — я это уже говорила. Но если смотреть правде в глаза — мы давно ее знаем. Она всегда привыкла получать то, что хочет. А теперь, после такого удара по самолюбию, после недавних слез и причитаний, так быстро со всем смирилась? Не верю.

Я вдруг вспомнила, как Беседина смотрела на мое кольцо.

— И что ты теперь предлагаешь? Следить за ними?

— Не следить! Но выпускать своего мужика из поля зрения на всякий случай не стоит!

— То, что ты говоришь — унижительно! Если человеку не доверяешь, то лучше вообще не выходить за него замуж.

— Доверять нужно, кто же спорит! И я не думаю, что Морозов способен наставить тебе рога, тем более — с Бесединой и перед свадьбой. Но, Вика, жизнь — сложная штука! Ушами хлопать тоже не надо!

Клянусь, этим разговором она испортила мне настроение еще больше. Вернувшись домой, я бесцельно бродила из комнаты в комнату. Несмотря на то, что встала я в тот день на рассвете, спать совсем не хотелось. Что происходит? Неужели я снова ревную? Почему?

По правде, повода для ревности у меня не было. Если бы Денису Сергеевичу нужна была Беседина, он бы ее уже получил — давно и многократно. И вообще, я никогда не замечала, чтобы он смотрел на других женщин с интересом, как у некоторых мужчин иногда бывает — идет с одной, а рассматривает других, — ужас! Нет, за Морозовым такого не водилось. И все равно я никак не могла успокоиться.

Девять вечера. Интересно, он уже вернулся домой? Так хотелось ему позвонить, только дурацкая гордость не позволяла это сделать. Но разве сам он не может мне позвонить или отправить сообщение? Почему-то я стала злиться.

Десять. Может, он уже лег спать, а я тут переживаю!

Только я об этом подумала, как вдруг пришло сообщение с неизвестного номера:

Анонимous: «Ты уверена, что он станет твоим?»

Под сообщением была ссылка на Инсту Бесединой. Фото из больницы — Ольга с моим женихом. Что всё это означает? Он что — еще там? Какого черта? Не мог оставить ее и уехать? Зачем он с ней сфотографировался? И кто и с какой целью прислал мне всё это?

В ярости я кинула телефон на кровать.

Нет, нет, так не пойдет, спокойно. Вдох-выдох и всё такое. Надо срочно прийти в себя, выпить чаю и обдумать происходящее. Я прошла на кухню, заварила чай, и тут же раздался звонок. Ага, Денис Сергеевич, позвонил всё-таки! Ну, сейчас ты у меня отгребешь!

— Слушаю, — буркнула я в трубку.

— Извини... ты так рано встала сегодня... я тебя не разбудил?

— Разбудил, — недовольно ответила я.

— Я просто хотел сказать, что уже дома. И... тут кое-что случилось, прости, я не...

— Вы сейчас о чем? — перебила я его. — И почему вы думаете, будто мне важно, дома вы или нет? Пожалуйста, запомните на будущее — мне это совсем не интересно. Как и то, с кем вы проводите свое свободное время.

— Вика... ты что сейчас такое говоришь?

— Вы плохо слышите? Надеюсь, нет. И я очень хочу спать, до свидания!

Я нажала отбой и тут же выключила телефон. Теперь надо постараться заснуть. Но как?

Через пару часов я снова включила телефон, — новых звонков и сообщений там не было. Ну и отлично, Денис Сергеевич! Ну и отлично!

Я не могу объяснить, почему я тогда так сильно разозлилась. И до сих пор не могу понять, почему с того дня мое поведение стало совсем невыносимым.

ГЛАВА 39. ОБ ОШИБКАХ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

— Вика, ты какая-то странная сегодня. Надеюсь, не поссорилась с Морозовым из-за этой глупости? — именно с такой фразы начала разговор Мария, когда на следующий день мы пришли в кафе на обед.

— Ты о чём? — сначала я решила прикинуться дурочкой.

— Только не говори, что не видела фото в Инсте Бесединой.

— А ты почему видела? — я не выдержала и повысила голос. — Следишь за ней, что ли?

— Не слежу, мне Журавлева прислала. Совершенно очевидно — Беседина это сделала, чтоб подпортить тебе нервы. Жениха твоего она заполучить не может, вот и подстроила мелкую гадость. Ведет себя, как ребенок, которому не досталась игрушка.

— Да? — я решила больше не скрывать своих эмоций. — А он — зачем сфотографировался?

— О боже! Да она могла за секунду поднести телефон и сделать фото, не станет же он с ней из-за этого драться? Вика, неужели ты сердишься на него за это? Но, даже если и сердишься, умоляю, не устраивай истерик, не наломай дров!

Я промолчала, потому что успела их наломать.

Утром, уже на работе, Денис Сергеевич снова пытался со мной поговорить, но я довольно жестко пресекла эту попытку, заявив ему, что нам не о чем разговаривать.

— Вика, ты меня слышишь?

— Да.

— Запомни — стисни зубы, не веди себя, как дура. И вообще — будь с ним поласковой, а то вы совсем не похожи на жениха и невесту. Ты даже до сих пор говоришь ему «вы» — почему?

Я задумалась. Для меня обращение на «вы» было еще одним способом держать между нами дистанцию. Язык не поворачивался вслух обращаться иначе. Но Машке я этого сказать не могла.

— Не знаю. Привыкла.

— А ты отвыкай. И еще раз прошу — не выноси ему мозг, хорошо? Поверь, это может испортить любые, даже самые прекрасные отношения. Лучше бери пример с меня — знаешь, как мне было плохо, когда Андрей так со мной поступил? Намного хуже, чем тебе! Но я не устраивала ему сцен, и вот результат, — Машка послала воздушный поцелуй кому-то у меня за спиной. Я повернулась и увидела, что в кафе входит Андрей и улыбается моей подруге.

— А с режиссером ты разобралась? — настороженно поинтересовалась я, хотя в тот момент мне было совсем не до Машкиных проблем.

— Да. Сказала ему, что у нас ничего не выйдет. Только Андрею об этом знать пока необязательно, пускай еще поревнует, — ответила она.

— Коварная ты, Маша! И хитрая!

— Это — не коварство, а женский ум. И тебе тоже настоятельно советую быть поумнее, — вздохнула Мария.

Я понимала, что Маша совершенно права, но почему-то продолжила поступать так, как было поступать нельзя. В меня тогда словно бес вселился. Несколько дней подряд Денис Сергеевич всё еще пытался наладить со мной отношения, но, натываясь на непробиваемую

стену холодного безразличия, в конце концов оставил свои попытки. После этого мы почти перестали общаться. Страшно вспомнить, но в то время наши отношения словно вернулись к периоду «холодной войны» — вместо того, чтобы становиться ближе, мы стали всё больше друг от друга отдаляться.

Через несколько недель я начала осознавать, что совершила большую ошибку, только почему-то уже не могла остановиться, подойти и сказать, что была неправа. Когда я оставалась наедине с собой, то раскаивалась и жалела о своем поведении, но стоило мне увидеть моего жениха, как из-за какого-то глупого упрямства я отворачивалась, презрительно поджимала губы и вообще — вела себя, как самая ужасная невеста в мире.

Конечно, долго это продолжаться не могло — когда-нибудь меня должна была ждать расплата. Гром грянул в самом конце апреля. Во время обеда ко мне подседа Журавлева и заявила:

— Ох, Викуль! С одной стороны — я тебе завидую, а с другой — сочувствую.

— Ты сейчас о чем?

— Ну как это? В деканате говорили, что Морозова на несколько месяцев пригласили в Лондон. Значит, до самой свадьбы расстанетесь. Но зато, я слышала, с нового учебного года он станет заведующим кафедрой. Наверное, круто будет работать под руководством мужа!

На последнюю фразу я внимания уже не обратила, ибо после первой меня словно чем-то тяжелым по голове ударили. Мой жених уезжает — и не когда-нибудь, а на днях, а я и не в курсе? Вот это да! Сначала я снова разозлилась на него. А потом — на себя. Ведь это я довела наши отношения до такой стадии, что он мне даже не сообщил об этом.

В тот день мой мир перевернулся полностью. Не помню, бывала ли я когда-нибудь в более удрученном состоянии духа. Что я наделала? Я просила его оставить меня в покое до свадьбы. Теперь он уезжает — *покой* мне в этом случае гарантирован, но почему же тогда мне так плохо?

Я вспомнила слова сестры — если я буду дурить, он сбежит. Так, может, он вообще передумал жениться и сейчас не просто уезжает, а бежит *от меня*? От этой мысли прошиб холодный пот. Какой я была дурой! Ведь не каждому дано встретить в жизни человека, с которым тебя свяжет не только взаимное влечение, но и общие интересы. Алька говорила, что любой другой мужчина умрет со мной от скуки, но и я бы умерла со скуки с другими мужчинами. По сравнению с моим женихом они все казались тусклыми и серыми. Даже Королев, если смотреть правде в глаза, — хотя и хороший парень, но со школы, я уверена, не прочел ни одной книжки. И если б он вдруг влюбился в меня, а не в мою сестру, долго мы бы не протянули.

Тогда почему, встретив идеального для себя мужчину — умного, талантливого и красивого, — того, кто полюбил меня со всеми недостатками, того, кто заботился обо мне и моем развитии, я так кошмарно себя вела и всё испортила? Вспоминая теперь свои жестокие слова и ужасные поступки, — например, как снова спрятала кольцо, когда наконец-то удалось его снять, мне хотелось саму себя прибить.

Не удивлюсь, если он решил меня бросить и уехать. Проблем нет — я знала, что у него есть пятилетняя британская виза, поэтому надеяться на то, что с документами вдруг возникнут проблемы и он останется, не стоит.

Впервые в жизни мне стало по-настоящему страшно. Я осознала, что страх потерять

любимого человека намного сильнее страха потерять себя. И поняла, что больше всего на свете хочу, чтобы он остался, был рядом со мной. Чтобы мы сблизились, ходили на свидания, как все нормальные люди и... занимались всем тем, чем положено заниматься перед свадьбой.

Но что же мне теперь делать? Как его вернуть? Если решение принято, заставить его остаться я не могу. Если он разочаровался во мне или разлюбил — настолько, что даже не сообщил об отъезде, то бросаться ему на шею с криком «не уезжай!» уже поздно.

Я могу лишь косвенно попытаться выяснить, испытывает ли он ко мне еще хоть какие-то чувства, но как? Обычно для этих целей девушки используют простой арсенал — юбку покороче, вырез — поглубже, а макияж — поярче. Вот я и решила задействовать эти средства. Правда, надо заметить, — ни коротких юбок, ни блузок с вырезом у меня никогда не водилось. Но для благой цели пришлось их приобрести, а макияж, хоть и не с первого раза, я сделала себе сама, и вроде бы — неплохо получилось.

Приведя себя в «боевую готовность» и набравшись смелости, я отправилась вновь покорять своего (будущего? бывшего?) жениха.

ГЛАВА 40. КОЕ-ЧТО О НАСТОЯЩЕЙ НЕНАВИСТИ

На работе мой вид произвел настоящий фурор. Конечно, оделась я не то чтобы прямо развратно — всё в рамках приличия — но, по сравнению с моим прежним видом, разница существенная. Я заметила, что Денис Сергеевич очень удивлен. С утра он бросал на меня странные взгляды, хотя по-прежнему не заговаривал. Значит, надо было предпринимать более действенные меры. Во второй половине дня, когда мы остались наедине, я сделала вид, что споткнулась и рассыпала бумаги рядом с его столом. После чего наклонилась так, чтоб было видно вырез.

Морозов перестал работать и уставился на меня. А я собирала бумаги очень медленно.

Через какое-то время он не выдержал и заговорил:

— Вика... какие у тебя планы на майские праздники?

Чего? Уж такое я совсем не ожидала услышать. Потому что знала — на майские он уже уедет. Тогда зачем это спрашивает? Накануне я дала себе слово — ни в коем случае не показывать, что его отъезд меня так сильно задевает, но после этого вопроса поспешно распрямилась, поправила волосы и довольно язвительно ответила:

— А какое вам дело до моих планов? Вы-то уже нашли себе занятие в эти дни!

Денис Сергеевич после моей реплики удивленно поднял брови, а потом вдруг закрыл лицо руками и засмеялся. Это было еще более неожиданно. Что тут смешного?

— Ой, не могу! — наконец с трудом произнес он. — А я-то никак не мог понять, что происходит. Ты с чего-то решила, будто я уезжаю?

— А вы разве не уезжаете? — растерялась я.

— Нет. Откуда такие сведения? Мне предлагали, но я сразу отказался.

— Почему? — вместо того, чтобы обрадоваться, я стала нести очередную ересь. — Ведь это — прекрасная возможность...

— Ну и что? — перебил он меня. — Будут и другие возможности. Может быть, даже вместе поедem. Вика, ты, конечно, очень вредная девчонка, и всё же — я не собирался никуда от тебя уезжать.

— Правда? — вот теперь я, кажется, обрадовалась и даже не постеснялась скрыть свою радость. И была готова броситься ему на шею!

— Конечно, правда! Но вернемся к твоему внешнему виду. Неужели ты... испугалась и устроила всё это, чтобы меня... соблазнить?

— Что за глупости, — пробурчала я и отвела взгляд.

Он вдруг перестал смеяться, встал со своего места, подошел ко мне вплотную, приподнял мой подбородок, и, приблизив мое лицо к своему, пристально посмотрел мне в глаза:

— Вика, я польщен, конечно... и очень рад такому резкому и внезапному потеплению. Но разве я не говорил, что не люблю, когда ты носишь открытую одежду?

— Нет простора для фантазии? — сказав это, я удивилась собственной смелости.

— А еще в таком виде ты слишком привлекаешь внимание других мужчин, мне это совсем не нравится.

— А что вам нравится? — спросила я внезапно охрипшим голосом.

— Когда ты не накрашена, — ответил он таким же странным голосом, а после этих слов

вдруг взял и провел пальцем по моим губам, от чего на нем остался красный след. Не отрываясь, я смотрела на этот палец — а он вдруг взял и приложил его к своим губам. Почему-то я задрожала.

— Что вы делаете? — прошептала я.

— Я... хочу... — так же шепотом начал он, но не договорил, потому что в коридоре раздались приближающиеся шаги. Мы моментально отскочили друг от друга. Через несколько секунд на кафедру вошел Соловьев. Прикрыв ладонью нижнюю часть лица, я схватила сумку и выбежала в коридор. Надо было срочно привести свои губы в порядок. Пока я доставала зеркало и стирала остатки помады, пришло сообщение.

Д. Морозов: *Ты пойдешь со мной на свидание?*

Да, да, да, пойду! Я пойду с тобой не только на свидание — на край света пойду! Я больше никогда не буду дурить, обещаю! Я стану носить кольцо, что ты мне подарил, самое прекрасное кольцо на свете, и буду вести себя лучше всех невест в мире!

Вика Горячева: *Да.*

А еще...

Хочу извиниться за свое поведение.

Д. Морозов: *А я хочу провести с тобой все праздники. Только ты и я.*

А я хочу провести с тобой всю свою жизнь, и хочу от тебя детей, и хочу наконец сказать тебе об этом.

Вика Горячева: *Я тоже хочу.*

Очень.

Д. Морозов: *Вика...*

Неужели ты и правда мне все это пишешь?

Я же теперь работать не смогу!

Я и сама не верила, что это пишу. И тоже не знала, как после такого работать.

Все оставшееся до конца рабочего дня время я мечтала снова остаться с ним наедине. Не могу сказать, что поборолла свои страхи полностью, — бешеное сердцебиение говорило об обратном, и всё-таки я наконец решила открыто признаться в своих чувствах.

Однако остаться наедине на кафедре в этот день нам так и не удалось. Зато на улицу мы вышли вместе. На аллее напротив ЗАГСа он взял меня за руку.

— Больше всего на свете мне хотелось бы привести тебя сейчас ко мне домой и уже никуда не отпускать. Но я хочу сделать для тебя что-то особенное. Завтра. Ты согласна?

Я закивала, хотя, если честно, была совсем не против, чтоб он *прямо сейчас* привел меня к себе домой.

Не знаю, что такое *особенное* он решил подготовить, но я не спала всю ночь, а на следующий день, с утра, поехала в торговый центр и выбрала самое красивое платье, какое удалось найти. Вернувшись домой, вытащила из коробочки кольцо и надела его на безымянный палец.

Днем мой жених прислал сообщение с неизвестным мне адресом, по которому нужно было приехать к восьми вечера. Я сгорала от любопытства — что же меня ждет?

Знаю — девушки должны приходить на свидания вовремя или опаздывать, но в шесть я была уже полностью готова — даже успела посетить салон, чтобы сделать укладку. И теперь не находила себе места. Что, если я приеду раньше? Может, это и неправильно, но мама же говорила, что в любви не бывает правильного или неправильного!

Подумав об этом, я вызвала такси и поехала по назначенному адресу. Прибыв на место (примерно на полчаса раньше, чем полагалось), я удивилась — какое-то высотное здание, вовсе не ресторан, как я ожидала. На гостиницу тоже не похоже — да и зачем бы Денису Сергеевичу приглашать меня в гостиницу? Я зашла в холл и, увидев администратора, сообщила ему о назначенной встрече. Казалось, он немного озадачен столь ранним визитом. Но, быстро переговорив с кем-то по телефону, сопроводил меня туда, куда и полагалось. Как оказалось, — на крышу.

Так вот что мой жених приготовил особенное — свидание на крыше! Когда сопровождающий оставил меня одну, я огляделась. Везде лежали лепестки роз, горели свечи, а еще был сервирован стол — с шампанским и фруктами. С площадки открывался невероятный вид на ночной город. Подойдя к бортику, я залюбовалась разноцветными огнями — прямо дух захватывало от этой красоты! И я вдруг почувствовала себя такой счастливой — просто невероятно счастливой, и подумала — а ведь далеко не каждой девушке в жизни выпадает подобное счастье!

Но не успела я об этом подумать, как почти в тот же миг пришло сообщение с неизвестного номера:

Anonymous: Ты всё еще хочешь выйти за него замуж?

К этому сообщению, как и в прошлый раз, была прикреплена ссылка на Инсту Бесединой — только теперь там было новое фото. И на этом фото... мой жених обнимал Ольгу. Прямо около подъезда своего дома.

Руки затряслись, и я выронила телефон. Потом, словно во сне, подняла его и сразу же выключила. Затем спустилась вниз, к администратору, и с улыбкой спросила:

— Скажите, у вас есть ручка и лист бумаги?

— Да, конечно... возьмите, — возможно, он удивился моей просьбе, но вида не подал.

Взяв листок, я написала:

«Согласиться выйти за тебя замуж было самой большой ошибкой в моей жизни».

Свернув бумагу, я отдала ее администратору и сказала:

— Пожалуйста, передайте человеку, который всё это у вас заказал.

— Конечно, — казалось, он растерялся. — Что-то случилось?

— Нет, все прекрасно. Просто замечательно, — продолжая улыбаться, ответила я.

И вышла на улицу, отправившись в неизвестность.

□

ГЛАВА 41. ПРОИГРАЙ МНЕ ЭТУ ВОЙНУ

Бежать, срочно бежать, но — куда? Главное, подальше от тягостных *объяснений* и выяснения отношений, я сейчас этого не переживу.

Мне надо остаться в полном одиночестве и прийти в себя. Точнее, попытаться собрать себя по кусочкам, хотя теперь это вряд ли возможно. Дома я оставаться не могу. Родители улетели накануне на отдых в Италию, но Морозов... он, конечно, немедленно приедет ко мне домой и будет пытаться *что-то объяснить*.

Наверняка скажет, что любит меня и только меня. Просто *так получилось*, оступился. Ну или что там в подобных случаях мужчины говорят? Что бы ни говорили, выслушивать это я совсем не в состоянии.

Приехав домой и собрав сумку, я решила поехать на дачу — она хотя бы находилась в ста километрах от города. И в ста километрах *от этого человека*. Жаль, что не в ста миллионах километров!

Поймав такси на улице — это было очень рискованно, но телефон включать не хотелось, я за пару часов добралась до места, открыла дверь нашего дачного дома и, не включая свет, прямо в одежде легла на диван.

Нет, я не плакала. Нет, я не смеялась. Мне вообще казалось, что я умерла.

Почему он так поступил? Злился на мою холодность или в конце концов не выдержал долгого воздержания? Наверное, ответ на этот вопрос я не получу никогда. Может быть, он и сам не знал ответа. В том, что он любил меня, не было сомнений, но ведь мужчины странно устроены! Минутная слабость для многих из них не является помехой для любви. Я могла бы обвинять в случившемся себя, и не отрицала своей вины, но всё же... разве есть оправдание для измены?

Целые сутки я провела на диване, без еды и без сна, бесконечно ковыряя эту рану. Через какое-то время терзающие мысли приняли другой оборот. Почему он до сих пор не приехал? Не думаю, что так уж сложно меня найти! Я-то была уверена — уже на следующий день он будет стоять у ворот моей дачи с глазами, полными раскаяния. Конечно, я никогда *такое* не прощу и пошлю его подальше, но всё же... он должен хотя бы попытаться меня вернуть? Однако ничего подобного не происходило. Прошли еще сутки, а вместе с ними прошло и оцепенение — душа стала разрываться на части от невыносимой боли.

Надо же — вообще не пытается оправдаться! Я — что, настолько ошиблась в нем и его чувствах? На самом деле он меня совсем не любил?

А я... даже при таких печальных обстоятельствах с ужасом осознала, что не могу его разлюбить. Началась другая война — уже внутри меня. Прямо как в тридцать пятом сонете:

Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне*.

На третьи сутки меня посетили новые мысли. Кто, когда и по какой причине сделал это фото? Если связь была случайной, и фото кто-то сделал *случайно*, тогда как оно оказалось у Бесединой? А если фото сделано не случайно, то... Что думать в этом случае, я не знала. А надо ли мне было знать? Приняв бодрящий душ, я решила всё-таки включить телефон, хотя это и было мазохизмом. Включила и обнаружила, что от Морозова там не было ни-че-го. Ни одного сообщения. Ни одного звонка. Зато было несколько сообщений от Маши. Очень странных сообщений.

Маша Проценко: *Мда. Все оказалось хуже, чем я могла себе представить.*

Похоже, она совсем головой тронулась. Но

All's Well That Ends Well (прим. «*Всё хорошо, что хорошо кончается*» — пьеса Шекспира)

Маша Проценко: Не могу тебе дозвониться.

Ты там живая?

В полном недоумении я таращилась на экран. Что всё это означает? Трясушимися руками я набрала Машу.

— Ох, наконец-то объявилась! А то я уже волноваться начала!

Странно. В голосе Маши не было никакого сочувствия.

— Я тут... получила твои сообщения... и не поняла, что ты имеешь в виду, — в замешательстве выдавила я.

— Ну, здрасьти! Ты сейчас на какой планете находишься?

— Я сейчас на даче. Уже несколько дней.

— Так ты не в курсе этого скандала?

— Какого? — каждое слово давалось мне с трудом. — Я несколько дней была без связи.

— Ох, ну ты даешь, подруга! С другой стороны — хорошо, что была без связи, иначе, как всегда, наломала бы дров. Тут Беседина, оказывается, поспорила, что испортит твою свадьбу. Сначала она доставала Морозова в соцсетях, но он по-прежнему не велся. Тогда она подкараулила его около дома, сделала вид, что ей плохо, и она теряет сознание. Когда он ее подхватил, выставила всё так, будто они обнимаются.

Теперь у меня затряслись не только руки, но и ноги.

— Как... откуда ты всё это узнала?

— Так это теперь полгорода знает. Парень с журфака, которому она заплатила, чтоб он снял этот якобы компромат, имел на Беседину зуб. Оказывается, она когда-то наставила рога его брату. Но Беседина была не в курсе их родственных отношений. Так вот — он сделал фото, взял у нее деньги, но также снял и видео, как это на самом деле происходило, и выложил в открытом доступе. А еще они с братцем взломали ее акк, и все ее бесплодные домогательства к Морозову выложили вместе с видео. Как и переписку с подругами, где она заявляла, что испортит свадьбу. Ты что — реально не в курсе? Просто поверить не могу, все сейчас только это и обсуждают...

Маша что-то еще мне говорила, но я уже не слушала. Кое-как завершив разговор, я с трудом вышла во двор. Ноги подгибались, руки продолжали трястись. Что я наделала! Что наделала!

Какое-то время я бесцельно бродила по саду, а потом вдруг обнаружила, что оказалась за сараем — на том самом месте, где когда-то впервые познала горечь разочарования. Там, опустившись на колени в густую сочную траву, я закрыла лицо руками и зарыдала.

Казалось, я выплакала тогда все слезы мира. Прошло не меньше часа, пока я снова стала хоть что-то соображать, и вдруг краем глаза заметила движение справа от себя. Подняв голову, с удивлением обнаружила, что совсем недалеко, прислонившись к дереву, стоит Денис Сергеевич и наблюдает за мной.

— Что...? Как...? — я моментально подскочила на ноги.

— Твоя сестра дала ключи, — ответил он на мои невысказанные вопросы.

Минуту мы просто стояли и молча смотрели друг на друга.

— Вика, — наконец начал он, — я как-то уже говорил, что ты очень импульсивная и когда-нибудь это плохо кончится. Так и произошло. Хочешь мне что-нибудь сказать?

Я была так потрясена, что отрицательно покачала головой.

— Ладно. Тогда я скажу. Тебя, наверное, интересует, почему я не приехал к тебе сразу и всё не объяснил? Отвечу — я был шокирован. Тем, что ты написала. Тем, что убежала, не разобравшись, не выслушав меня. Но главное — тем, что ты могла допустить... Вика, я прекрасно знаю, что такое ревность. Думаешь, я тебя не ревновал? Я дико ревновал, когда мне несколько часов подряд пришлось выслушивать твои признания в любви к... другому человеку. Но всему есть предел. Если ты хоть на минуту могла допустить, что я способен тебе изменить, значит, ты так и не узнала меня. Или не захотела узнать. В таком случае действительно было ошибкой соглашаться выходить за меня замуж.

Я стояла, открыв рот. Конечно, я была кругом виновата, но он что — приехал меня отчитать, а после сообщить, что всё кончено? Почему-то мне показалось, что его речь была именно об этом, и в отчаянии я закричала:

— Зачем вы сейчас мне всё это говорите? Я и без вас знаю, что совершила ошибку — и не одну — много, много ошибок! Да, да, вот такая я кошмарная, неидеальная девушка!

— Знаешь, что? — он вдруг тоже повысил голос — впервые в жизни я видела, как он по-настоящему злится. — Я приехал сюда не для того, чтобы слушать глупости — и так уже слишком долго терпел твои выходки!

Внутри меня все сжалось от страха. Сейчас он точно скажет, что бросает меня! Надо было что-то срочно сделать, но я не придумала ничего лучше, чем крикнуть в ответ:

— Ну так и не терпите — найдите себе идеальную девушку!

После этих слов я развернулась и решила убежать, но он внезапно преградил мне дорогу, с силой прижал к себе и поцеловал.

И от этого поцелуя — неожиданного, дерзкого и невероятно страстного, у меня перехватило дыхание, а в теле вдруг вспыхнули миллионы маленьких огоньков, которые тут же превратились в один большой пожар. Но теперь я осознала, что уже не боюсь этого пламени, а хочу, чтобы оно окончательно сожгло все страхи, освободив место чему-то новому, волнующему и неизведанному. И тогда я еще сильнее прижалась к нему и ответила на этот поцелуй. А он, на несколько секунд оторвавшись от моих губ, прошептал:

— Неужели ты до сих пор не поняла — для меня ты и есть — идеальная!

И я наконец смогла сказать то, что так долго держала в себе:

— Прости меня... Я люблю тебя... Я люблю тебя.

---

*Фраза сонета 35 приведена в адаптации Маршака

На следующий день, рано утром, я осторожно выскользнула из постели и почти бесшумно подошла к зеркалу. Там отражалась девушка с тенями под глазами и распухшими губами. Я вспомнила события вчерашнего вечера и ночи, когда, вцепившись в своего жениха, требовала у него не останавливаться, и увидела, как на щеках у меня проступает румянец.

— Даже не знаю, как теперь на тебе жениться. Я ведь думал, что ты — приличная девушка, Вика, — услышала я насмешливый голос за спиной. Обернувшись, увидела, что Морозов, прищурившись, пристально смотрит на меня.

Уж кто бы говорил о приличиях, Денис Сергеевич, уж кто бы говорил!

Вспыхнув еще больше, я подбежала к кровати и, схватив подушку, запустила ею в этого ужасного человека. От подушки он успел увернуться, а потом, проворно подавшись вперед, ухватил меня за талию и подмял под себя.

— Отпустите, — недовольно пробурчала я.

— О, снова перешла на «вы», как официально, — продолжал усмехаться он. — Хотя, должен признать, это... ммм... заводит.

Почувствовав, как по телу снова разливается будоражащее тепло, я тоже должна была это признать, только не вслух — хватит с меня громких признаний, а то еще зазнается. Все еще обиженно сопя, я попыталась вырваться, но не тут-то было.

— Вика, угомонись! Я тебя всё равно не отпущу, — заявил этот самодовольный нахал.

Но я не собиралась успокаиваться и пнула его ногой.

— Да я же пошутил! — после этих слов он ослабил хватку и теперь обнимал меня очень нежно. А затем, зарывшись в мои волосы, еле слышно произнес:

— А если серьезно — где и как ты хотела бы выйти замуж?

Я задумалась. Конечно, у меня были кое-какие мечты на этот счет, но, как мне казалось, совершенно нереальные.

— Если честно, то... в Кентербери.

Именно в Кентербери родился Кристофер Марло, а Кентерберийский собор был главным храмом Великобритании. Я думала, что после такого «запроса» у моего жениха глаза на лоб полезут, но он только засмеялся:

— Честно говоря, я предполагал нечто в этом роде. Ну что ж, тогда начнем готовить тебе документы для поездки. Хотя... ты же знаешь, это будет лишь неофициальная церемония. Официально нам все равно придется пожениться здесь. Хотя... «придется», наверное, неправильное слово. Но твои родственники наверняка хотят устроить праздник, да и сотрудников кафедры не мешало бы пригласить.

* * *

Вот так было суждено осуществиться моей мечте. Летом, после сессии, мы посетили не только Лондон и Кентербери, но еще и Корпус-Кристи Колледж в Кембридже, где когда-то учился Марло. Там я смогла наконец-то не только «вживую» увидеть портрет своего любимого драматурга, но и посетить знаменитую библиотеку Паркера с редчайшими манускриптами — например, самым ранним экземпляром Англосаксонской хроники и

Евангелия VI века.

А наша «официальная» свадьба прошла через неделю после возвращения. На ней присутствовали многие университетские коллеги и все сотрудники кафедры, даже Любовь Константиновна. Я бы хотела написать, что ее дочь после случившегося сгорела от стыда и уволилась из университета, но ничуть не бывало! Ольга с наглой невозмутимостью продолжила работать, как и прежде. Точнее — «работать», как и прежде.

Маша с Андреем перестали скрывать свои отношения и начали открыто встречаться, но дойдет ли у них до чего-то серьезного, пока неизвестно.

Сестра Дениса тоже прилетала на свадьбу. Она заявила, что после окончания магистратуры останется жить и работать во Франции.

Через два месяца после нашей свадьбы Алька родила девочку. Безусловно — и мне, чтобы успеть родить как минимум троих детей, нельзя было «отставать». И я не отставала — новость о беременности пришла одновременно с новостью о назначении моего мужа заведующим кафедрой. Но я не собиралась бросать ни учебу, ни работу — тем более, что как раз начала преподавать в университете. К счастью, родители были рады помочь с внуками.

Что касается моей научной деятельности, то я стала писать диссертацию по «Гамлету», одному из самых загадочных произведений мировой литературы, но не перестала изучать творчество Кристофера Марло. И все еще живу надеждой, что когда-нибудь весь мир узнает его как настоящего автора шекспировского канона.